

АЛЕКСАНДРЪ ТЛЕЩЕЕВЪ.

ЧТО
ВСПОМНИЛОСЬ

АКТЕРЫ
И
ПИСАТЕЛИ

Т.

1914

И. Бобшовъ.

Отдаленныя тѣни.

I.

Москва.—Встрѣчи. Тургеневъ, Некрасовъ, Щедринъ, Кашперовъ, Самаринъ, Садовскій, Шумскій, кн. Урусовъ, Лентовскі Горбуновъ, Писемскій, Суворинъ, бр. Курочкины, Ларошъ, Родиславскій, Н. Рубинштейнъ, К. Давыдовъ, Кошелевъ, Лейкинъ, Суриковъ, Вильде и др. Московскіе театры и актеры.

Дѣтство мое прошло въ Москвѣ, и, разумѣется, о немъ сохранились смутныя воспоминанія. Тѣмъ не менѣе помню очень многихъ, съ кѣмъ приходилось встрѣчаться у моего отца—поэта А. Н. Плещеева и въ другихъ домахъ, куда меня возилъ отецъ. Помню И. С. Тургенева, котораго видѣлъ и у насъ, и у композитора В. Н. Кашперова, а въ послѣдній разъ на открытіи памятника Пушкину. Я пріѣзжалъ тогда изъ Петербурга. Помню Некрасова, посѣщавшаго Москву, обыкновенно весной или лѣтомъ, и направлявшагося въ Ярославскую губернію, М. Е. Салтыкова-Щедрина, жившаго лѣтомъ въ своей усадьбѣ Витеньево подъ Москвою, артистовъ Малаго москов-

скаго театра И. В. Самарина, Г. Н. Федотову, Н. А. Никулину, П. М. Садовскаго, Н. Е. Вильде, С. В. Шумскаго; молодого князя А. И. Урусова,—впослѣдствіи знаменитаго адвоката и театральнаго критика, юношу Лентовскаго, сдѣлавшагося извѣстнымъ антрепренеромъ, артистку А. И. Шубертъ—нашу сосѣдку по дачѣ въ Давыдковѣ. У отца бывали молодой А. С. Суворинъ, братья В. и Н. Курочкины, И. О. Горбуновъ, А. О. Писемскій, А. И. Кошелевъ, И. С. Аксаковъ и другіе.

Къ Щедрину я ѣздилъ съ отцомъ гостить въ Витеньево и какъ теперь вижу передъ собою эту красивую усадьбу со стариннымъ барскимъ домомъ, возвышавшимся надъ рѣчкой, къ которой надо было спускаться по саду. У Щедрина была въ деревнѣ колоссальная библіотека, гдѣ онъ постоянно занимался.

Съ Некрасовымъ мнѣ не разъ случалось въ Москвѣ проводить время. Опъ, пріѣзжая съ будущей женой, приглашалъ отца и меня обѣдать въ русскій трактиръ Гурипа, рядомъ съ нынѣшнимъ Тѣстова. Иногда обѣдали съ нами Салтыковъ-Щедринъ и В. П. Гаевскій, будущій предсѣдатель Литературнаго фонда. Послѣ обѣда почти всегда ѣздили въ экипажѣ въ красивое Кунцево, гдѣ отдыхали и гуляли.

На дачѣ въ Мазилонѣ у насъ жилъ одно лѣто начинающій композиторъ, впослѣдствіи извѣстный музыкальнѣй критикъ Г. А. Ларошъ, писавшій въ бесѣдкѣ сада оперу «Кармозина». Кажется, онъ не кончилъ ея до конца дней своихъ, а умеръ недавно. Онъ былъ необыкновенно лѣнивъ. Князя Александра Ивановича Урусова, тогда только-что заблеставшаго на поприщѣ адвокатуры, арестовали и выслали изъ

Москвы. Объ этомъ арестѣ разсказывали повсюду, какъ объ исключительномъ фактѣ, чуть не шопотомъ.

Прова Михайловича Садовскаго я встрѣчалъ у отца чаще другихъ. Онъ прїѣзжалъ, садился въ кресло и въ теченіе вечера съ мѣста не вставалъ, держа все время въ рукѣ толстую палку — костыль. Онъ читалъ у насъ разсказъ А. С. Суворина «Гарибальди», много разсказывалъ и являлся всегда центромъ, оживляя общество.

Однажды отецъ повезъ меня на Кузнецкій мостъ въ фотографію Тулинова, чтобы вмѣстѣ сняться. Въ фотографіи мы встрѣтили Прова Михайловича.

— Подарите мнѣ вашъ портретъ, обратился я къ Садовскому, указывая на большой его портретъ, висѣвшій на стѣнѣ.

Садовскій поговорилъ съ фотографомъ и подарилъ мнѣ портретъ, который отецъ тутъ же сталъ у меня просить: «уступи мнѣ». Я не соглашался, но отецъ при Садовскомъ купилъ у меня его за цѣлковый. Садовскій разсмѣялся, а отецъ попросилъ Прова Михайловича сдѣлать надпись на этомъ портретѣ. Теперь онъ хранится у брата моего Н. А. Плещеева. Это лучший изъ портретовъ Садовскаго. Онъ былъ, по желанію А. С. Суворина, очень давно напечатанъ въ «Новомъ Времени».

На сценѣ Малаго театра Садовскаго я видѣлъ въ дѣтствѣ два раза въ пьесахъ: «Свои люди сочтемся», когда дебютировалъ его сынъ М. П. Садовскій, украшавшій Малый театръ, и затѣмъ въ «Каширской Старинѣ» Аверкіева, которая имѣла въ Москвѣ огромный успѣхъ. Играли Садовскій, Шумскій, Федотова, Никулина, Вильде, Акимова и др.

Вся тогдашняя Москва не называла своихъ любимыхъ артистовъ по фамиліямъ, а называла по именамъ: Провъ Михайловичъ, Надежда Алексѣевна (Никулина), Гликерія Николаевна (Федотова), Сергѣй Васильевичъ (Шумскій), Николай Евстафьевичъ (Вильде) и т. д. Вообще Москва всегда умѣла гордиться своими театрами и своими артистами, равныхъ которымъ она не признавала. Никто не смѣлъ сказать москвичамъ, что Александринскій театръ выше, — это было личнымъ оскорбленіемъ. Между актерами Малаго театра и публикой существовало ненарушимое единеніе, трогательное, искреннее. Московскіе актеры неохотно ѣздили играть въ Петербургъ, а нѣкоторые совсѣмъ отказывались, не желая разставаться съ Москвою.

Въ Маломъ театрѣ не играли, а священнодѣйствовали. Это были не спектакли, а концерты.

Посѣщаль насъ Николай Григорьевичъ Рубинштейнъ, не отходившій по часамъ отъ рояля. Имъ восторгалась Москва, и пріѣздъ его въ гости былъ цѣлымъ событіемъ. Онъ былъ красивъ, съ длинными, темного выщипаннми, зачесанными назадъ волосами. Живой, веселый, интересный, Николай Рубинштейнъ заспживался у насъ до поздняго времени. Смутно, но припоминаю и П. И. Чайковскаго, молодымъ еще. Онъ былъ у насъ или съ Ларошемъ или съ Н. Д. Кашкинмъ, профессоромъ консерваторіи, позднѣе музыкальнымъ критикомъ, извѣстнымъ и понынѣ въ Москвѣ.

Заглядывалъ къ отцу нашъ сосѣдъ по дачѣ, виолончелистъ Карлъ Юльевичъ Давыдовъ, сохранившій до смерти дружескія отношенія съ отцомъ.

Александръ Ивановичъ Кошелевъ, извѣстный славянофилъ, нерѣдко прїѣзжалъ къ отцу, и мнѣ приходилось бывать у него въ домѣ на Поварской улицѣ. Кошелевъ былъ глухъ, и ему кричали, а не говорили.

Молодой Лентовскій, поступившій потомъ въ труппу Малаго театра, и тогда грѣшилъ оригинальностью, одѣваясь въ русскія рубашки, бархатный пиджакъ и пр. Впервые я видѣлъ его на дачѣ у А. И. Шубертъ, извѣстной артистки.

И. Ѳ. Горбуновъ рассказывалъ у насъ сцены, забавлялъ анекдотами и однажды читалъ какой-то изъ своихъ рассказовъ, приготовленныхъ для печати. Разъ вмѣстѣ съ нимъ сидѣлъ у отца въ Оружейномъ переулкѣ въ домѣ Суханова молодой человекъ Н. А. Лейкинъ, лично вспоминавшій этотъ день на обѣдѣ, данномъ мнѣ по случаю 25-ти-лѣтїя журнальной дѣятельности.

Братья Курочкины вмѣстѣ не бывали. Василіи выглядѣлъ бодрѣе, оживленнѣе, веселѣе, а Николай Степановичъ все охалъ и сидѣлъ на креслѣ, поджавши ноги какъ турка. Онъ постоянно собирался умирать.

Суворина, Алексѣя Сергѣевича, припоминаю молодымъ человекомъ, застѣнчивымъ, но разговорчивымъ. Такъ какъ имя его я слышалъ отъ отца постоянно, то никогда не могъ забыть.

А. С. Суворинъ самъ говорилъ мнѣ какъ-то, вспоминая о своей молодости, о томъ, какъ бывалъ у насъ и видѣлъ меня мальчишкой на деревянномъ конѣ. Онъ рассказывалъ, что къ В. Ѳ. Коршу рекомендовалъ его мой отецъ. Суворинъ тогда нуждался

сильно и, уѣзжая изъ Москвы работать въ «С.-Петербургскія Вѣдомости», вахотился въ очень затруднительномъ положеніи. У меня не было теплаго пальто,—вспоминалъ Суворинъ,—и вотъ я взялъ у вашего отца теплое пальто и въ немъ уѣхалъ въ Петербургъ. Отсюда я выслалъ пальто Алексѣю Николаевичу, купивъ себѣ, по полученіи гонорара, новое.

Стародавнія, близкія отношенія отца и Суворина не прерывались до смерти Плещеева, хотя отецъ только въ первыи годъ изданія участвовалъ въ «Новомъ Времени».

А. О. Писемскаго я видѣлъ въ дѣтствѣ не разъ. Не припомню московскаго переулка, гдѣ мы были сосѣдями. Анекдоты и шутки Писемскаго передавались потихоньку, потому что они частенько отличались сальностью.

За отцомъ моимъ въ Москвѣ долго слѣдили, какъ за бывшимъ участникомъ политическаго дѣла Петрашевскаго.

На Спиридоновкѣ у насъ часто бывалъ жандармскій полковникъ, необыкновенно любившій литературу и моего отца... Отецъ чувствовалъ, что тутъ дѣло не въ литературѣ, и подсмѣивался надъ полковникомъ, который даже самъ что-то написалъ въ стихахъ. Впослѣдствіи этотъ полковникъ увѣрялъ отца, что ѣздилъ къ нему исключительно по своему желанію, опровергая циркулировавшіе слухи въ Москвѣ. Можетъ быть, это и вѣрно.

Въ добрыхъ отношеніяхъ съ отцомъ былъ входившій тогда въ славу докторъ Захарьинъ, анекдотовъ о корыстолюбіи котораго рассказывали мно-

жество. Напротивъ, Захаринъ пользовалъ моего отца и отъ денегъ отказывался. Онъ прїѣзжалъ къ намъ на дачу въ Петровское-Разумовское.

Въ Петровскомъ-Разумовскомъ мы жили и тогда, когда произошло политическое убійство Иванова. Мы ходили смотрѣть убитаго.

Ивана Сергѣевича Тургенева впервые я увидѣлъ въ квартирѣ композитора Владиміра Никитича Кашперова, у Арбатскихъ воротъ. Я былъ товарищемъ сына Кашперова, Николая, и меня приглашали на вечера. Слышалъ я у нихъ пѣвшую Меншикову, о голосѣ которой отзывались восторженно. Ей аккомпанировалъ всегда самъ Кашперовъ, другъ А. Н. Островскаго, Тургенева, авторъ оперы «Гроза».

Тургеневъ читалъ у Кашперовыхъ отрывки изъ своихъ новыхъ произведеній, и предъ нимъ буквально преклонялись,—это былъ самый почетный гость.

— Тургеневъ будетъ!—говорили обыкновенно еще наканунѣ у Кашперовыхъ.—Прїѣхалъ и обѣщалъ быть. Когда онъ только входилъ, такъ мы еще въ передней разглядывали его. Имя И. С. было такъ популярно, что и дѣти повторяли его.

Тургеневъ зналъ мою мать, Еликониду Александровну, и бывалъ у насъ, когда мы жили на Плющихѣ въ домѣ Дарагана. Въ этомъ домѣ моя мать умерла, заразившись тифомъ отъ няньки. Отецъ былъ такъ убитъ кончиной молодой жены, что долгое время его нигдѣ не видѣли, а насъ навѣщала московская интеллигенція, сочувствовавшая отцу. Всѣ стихи отца, т.-е. вся книга, посвящена памяти жены, нашей матери.

Переѣхавъ въ Петербургъ, отецъ сказалъ мнѣ

какъ-то, что купилъ мѣсто въ Новодѣвичьемъ монастырѣ въ Москвѣ, рядомъ съ могилой нашей матери, и просилъ похоронить его тамъ, что и было исполнено дѣтьми.

Въ Москвѣ А. Н. Плещеевъ принималъ дѣятельное участіе въ Артистическомъ кружкѣ, гдѣ былъ избранъ старшиной. Въ этомъ кружкѣ впервые выступились М. П. Садовскій, П. А. Стрепетова, О. О. Садовская и др. А. Н. Островскій былъ основателемъ и душою кружка; ему помогалъ Н. Рубинштейнъ.

Меня опредѣлили въ частную гимназію, открытую извѣстнымъ педагогомъ, покойнымъ теперь, Львомъ Ивановичемъ Поливановымъ, гдѣ я и пробылъ два или три года до переѣзда нашего въ Петербургъ. Гимназія процвѣтаетъ и понынѣ.

Поливановъ дружилъ тогда съ литературою и былъ близокъ съ Катковымъ, работалъ у него, если не солгу, преподавалъ въ лицей Цесаревича Николая.

Отецъ мой въ Москвѣ съ Катковымъ, у котораго прежде сотрудничалъ, почти не видѣлся. Онъ покинулъ редакцію «Русскаго Вѣстника» вмѣстѣ съ другими литераторами, разошедшимися съ редакторомъ во взглядахъ.

Съ Катковымъ отецъ встрѣтился потомъ всего разъ у кого-то на свадьбѣ, а долго спустя на знаменитомъ обѣдѣ во время Пушкинскаго праздника. Отношенія ихъ оставались прерванными совершенно.

Я Каткова видѣлъ мелькомъ всего разъ у В. И. Родиславскаго, у котораго ждалъ отца, заѣзжавшаго туда за мной.

Изъ московскихъ журналистовъ почти каждую

недѣлю ѣздилъ къ намъ А. П. Лукинъ, который былъ потомъ однимъ изъ соиздателей «Русскихъ Вѣдомостей».

Часто я вспоминаю о Владимірѣ Ивановичѣ Родиславскомъ, какъ о добродушномъ человѣкѣ и исключительномъ театралѣ. Говорилъ онъ тонкимъ крикливымъ голосомъ и необыкновенно быстро.

Онъ обладалъ поразительной памятью, и если заходила рѣчь о какой-нибудь артисткѣ или какомъ-нибудь артистѣ, онъ моментально опредѣлялъ, когда, какого числа, въ какомъ году они дебютировали, въ какой роли и пьесѣ, какіе были объ этомъ дебютѣ отзывы и пр.

Онъ помнилъ даже нумера газетъ, въ которыхъ печатались статьи о театрѣ, зналъ всѣ псевдонимы театральныхъ критиковъ, замѣняя для историковъ театра энциклопедію.

Родиславскій былъ ярый почитатель Мольера, о которомъ написалъ много статей и произведенія котораго изучалъ съ рѣдкимъ усердіемъ.

Сдѣлавшись правителемъ канцеляріи московскаго генераль-губернатора, Родиславскій принесъ не мало пользы актерству и литературѣ. Ему же драматурги обязаны тѣмъ, что общество драматическихъ писателей, созданное по его инициативѣ, начало функционировать подъ покровительствомъ кн. В. А. Долгорукова.

Генераль-губернаторъ сочувствовалъ идеѣ общества и приказывалъ, по крайней мѣрѣ въ Москвѣ, строго слѣдить за полученіемъ авторскаго вознагражденія, взимаемаго съ театровъ. Антрепренеры московской губерніи не могли отговариваться, что платить за представленіе пьесъ не слѣдуетъ только

потому, что на экземплярѣ отпечатано «къ представленію дозволено». Эта глупая отговорка на первыхъ порахъ основанія общества драматическихъ писателей была излюбленной и самой распространенной.

Въ подтвержденіе того, что В. А. Долгоруковъ симпатизировалъ дѣятельности общества, могу сослаться на слѣдующее: добрыхъ 25 лѣтъ всѣ дѣла драматурговъ сосредоточивались въ канцеляріи генераль-губернатора, и секретаремъ общества понынѣ состоитъ бывшій чиновникъ канцеляріи, почтенный И. М. Кондратьевъ. Въ канцеляріи выдавали и гонораръ, въ канцеляріи велись и книги. В. А. Долгоруковъ былъ баринъ рѣдкой души. Тогда въ Москвѣ всѣмъ жилось лучше, и всѣ находили поддержку у этихъ людей.

Какъ переводчикъ Родиславскій былъ слабъ. Достаточно сказать, что «*La dame aux camélias*» онъ перекрестилъ еѣ «Какъ поживешь, такъ и прослынешь». Впрочемъ, его оригинальныя пьесы и переводы играли вездѣ и въ Петербургѣ особенно, потому, что Владиміръ Ивановичъ дружилъ съ начальникомъ репертуара, извѣстнымъ водевилистомъ П. С. Оедоровымъ, такъ удачно изображеннымъ на одной картинѣ артиста В. В. Самойлова. Эта картина составляетъ нынѣ собственность С. Н. Худекова, а разыскивалъ ее создатель московскаго театральнаго музея А. А. Бахрушинъ, раздобывшій копію.

В. И. Родиславскій былъ близокъ къ журналу «Антрактъ» Баженова и къ послѣднему, какъ къ театральному критику, относился съ необычайнымъ уваженіемъ.

О Родиславскомъ мнѣ передали водевильный случай. Онъ зашелъ къ своему петербургскому знакомому драматургу, остановившемуся въ номерахъ Чернышевой на Тверской. Не заставъ пріятеля, онъ остался подождать въ его комнатѣ.

Въ это время явился какой-то актеръ, хватившій, повидимому, водки. На видъ онъ былъ обдерганъ, смотрѣлъ забулдыгой.

— Не можете ли оказать мнѣ нѣкоторую поддержку? Вы драматургъ, я — артистъ!—обратился онъ къ Родиславскому.—Хотя я васъ лично не знаю, но ваше имя слышалъ.

— Кто-же васъ направилъ сюда?—интересовался Родиславскій.

— Родиславскій меня послалъ къ вамъ.

— А вы его хорошо знаете?

— Лѣтъ двадцать.

— Несимпатичный человѣкъ этотъ Родиславскій.

— Меня очень любитъ... идите, говоритъ, онъ вамъ тоже поможетъ.

— Онъ помогалъ вамъ?

— Кто?

— Да Родиславскій-то?

— Неоднократно.

— Вотъ поэтому я вамъ больше ничего и не дамъ.

— Почему—поэтому?

— Потому что я Родиславскій и васъ совсѣмъ не знаю!

— Благодарю покорно!.. Ну, значить, вы другой Родиславскій...

— Я одинъ въ Москвѣ.

Тогда актеръ сталъ увѣрять, что перепуталъ и

рѣчь шла о Милославскомъ, что онъ оговорился. Однако, ничего изъ этого не вышло.

Частымъ и желаннымъ гостемъ отца былъ въ Москвѣ поэтъ изъ крестьянъ Иванъ Захаровичъ Суриковъ, носившій отцу свои стихи. Отецъ любилъ Сурикова и старался пристраивать его стихотворенія, хлопоталъ за него.

Суриковъ отличался поразительной скромностью, деликатностью. Какъ сейчасъ вижу его худощавую фигуру съ рыжеватой бородой въ длинномъ купеческомъ сюртукѣ, съ шеей, обмотанной чернымъ фуляромъ. Спживалъ онъ у отца по нѣскольку часовъ.

Однажды Суриковъ пришелъ къ отцу въ именины и принесъ ему въ подарокъ желѣзную собаку-преспапье, чѣмъ очень сконфузилъ отца. Отецъ принялъ этотъ подарокъ, уцѣлѣвшій до сихъ поръ. Такъ у насъ въ домѣ и называли эту вещь—„Суриковская собака». Отецъ дорожилъ этой памятью талантливаго поэта. Первые стихи Сурикова отецъ напечаталъ у поэта Θεодора Богдановича Миллера въ журналѣ «Развлеченіе».

Миллеръ, если не былъ особенно близкимъ знакомымъ отца, то считался его пріателемъ. А. Н. Плещеевъ самъ печаталъ у него изрѣдка стихотворенія.

Изъ впечатлѣній дѣтства у меня сохранились въ памяти балетныя представленія въ московскомъ Большомъ театрѣ. Меня возили смотрѣть «Корсара», гдѣ удивительно была поставлена Вальцемъ буря съ гибелью корабля, и затѣмъ балетъ «Робертъ и Бертрамъ» или «Два вора» и др. Изъ фамилій балетныхъ артистовъ вспоминаю балеринъ: Собещанскую, Карпакову, артиста Легать и др.

Постановки стоили въ тѣ времена, вѣроятно, подешевле, чѣмъ теперь, но вызывали удивленіе и восторги.

Отца моего приглашала ежегодно московская контора Императорскихъ театровъ въ качествѣ почетнаго члена конференціи на экзамены въ Театральномъ училищѣ. Вообще онъ всегда былъ близокъ къ московскимъ театральнымъ кружкамъ и сохранилъ о московскихъ артистахъ до самой смерти самыя пріятныя воспоминанія. Н. А. Никулина, Г. Н. Федотова, Садовскій, Самаринъ, Музиль, режиссеръ А. М. Кондратьевъ, Е. Н. Васильева и др. были хорошими знакомыми отца.

Нерѣдко вспоминалъ отецъ о знаменитомъ артистѣ Сергѣѣ Васильевичѣ Васильевѣ, ослѣпшемъ въ концѣ службы. На прощальномъ обѣдѣ, данномъ ему, А. Н. Плещеевъ читалъ свои стихи:

Друзья свободнаго искусства
Тебѣ, артистъ нашъ дорогой,
Съ стѣсненнымъ сердцемъ, съ грустнымъ чувствомъ
Несутъ привѣтъ прощальный свой.

Это относится къ началу семидесятыхъ годовъ, и я упоминаю о Васильевѣ лишь со словъ моего отца.

Дочь С. В. Васильева, нынѣ заслуженная артистка, Надежда Сергѣевна Васильева, въ настоящее время подвизается на сценѣ Александринскаго театра, откуда ее однажды выжили.

Выше я упоминалъ о московскомъ артистѣ Н. Е. Вильде, очень умномъ, образованномъ человѣкѣ. Какъ актера его москвичи не особенно любили, отдавая должную дань его уму, работѣ, но считая его акте-

ромъ холоднымъ, безъ нутра, выражаясь по театральному.

Вильде всегда былъ близокъ къ литературѣ, самъ написалъ и перевелъ нѣсколько пьесъ и пользовался симпатіями знавшихъ его. Одно время онъ былъ близкимъ другомъ моего отца, и у дѣтей Вильде я съ братомъ и сестрой проводили частенько цѣлые дни. Вильде игралъ приблизительно тѣ роли, которыя теперь исполняетъ А. И. Южинъ (князь Сумбатовъ). И Вильде чувствовалъ сильное влеченіе къ Шекспиру, и Южинъ поклоняется ему.

Все, о чемъ упоминаю я въ этой главѣ, было такъ далеко, что между тѣмъ временемъ и переживаемымъ теперь пала какая-то непроницаемая завѣса. Словно гдѣ-то въ туманѣ виднѣются неясно отдаленныя тѣни людей, которыхъ встрѣчалъ, добрая половина которыхъ умерла. Но все это запечатлѣлось до извѣстной степени въ памяти, потому что связано съ дѣтствомъ, и не забудешь эти дни до самой смерти.

II.

Экзаменъ въ гимназіи.—Т. И. Филипповъ.—Первая пьеса.—Павловскій театръ Федотова.—Ораниенбаумскій театръ.—Раппопортъ.—Въ Кронштадтскомъ театрѣ.—Антроповъ и его пьеса «Ванька Ключникъ». — Мельникова-Самойлова.—Трофимовъ и полиціймейстеръ Головачевъ.—Лентовскій.—Трагикъ Рахимовъ.—Трефиловъ.—Дебютъ въ московскомъ Маломъ театрѣ.—Молчановъ.—Дебютъ въ Петербургѣ и пр.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ мы перебрались въ Петербургъ и поселились на Надеждинской улицѣ въ домѣ Фишера.

Я готовился поступить въ первую классическую гимназію. Во время экзаменовъ произошелъ случай, который хочется припомнить, такъ какъ здѣсь замѣшано имя Тертія Ивановича Филиппова, бывшаго потомъ государственнымъ контролеромъ.

Я отлично подготовился къ экзамену во второй классъ и отправился въ первую гимназію, гдѣ преподаватель латинскаго языка поставилъ мнѣ единицу. Чтобы не проиграть времени, я на другой день утромъ поѣхалъ держать экзаменъ во вторую гимназію, получилъ за латынь пять и былъ принятъ. Этотъ фактъ отецъ разсказалъ Т. И. Филиппову, который возмутился и напечаталъ въ «Голосѣ» Краевскаго большую статью, надѣлавшую шумъ въ педагогическомъ мірѣ. Когда я вступилъ въ гимназію, на урокъ латинскаго языка пріѣхалъ, какъ будто случайно, попечитель округа (кажется, Деляновъ) и опять-таки, какъ будто случайно, онъ началъ задавать мнѣ вопросы. Другими словами, началась провѣрка моихъ знаній по латыни, вызванная фельетономъ Филиппова. Я получилъ 4, а вскорѣ мнѣ разрѣшили перейти въ первую гимназію, въ которой я былъ забракованъ. Такъ какъ высшее начальство оказалось на моей сторонѣ, то меня встрѣтили радушно, и съ учителемъ, поставившимъ мнѣ единицу, мы не ссорились.

Задача преподавателей древнихъ языковъ заключалась въ томъ, чтобы побольше молодежи провалить. Классицизмъ и строгость требованій, съ которой онъ былъ неразлучно связанъ, раздражали юношество и способствовали приготовленію изъ него социалистовъ. Куда было дѣваться, вылетѣвъ изъ гимназіи? Я помню моихъ бывшихъ товарищей, ко-

торымъ не везло, и они предпочитали заниматься подпольной литературой. Сколько гибло молодыхъ жизней.

Гимназію я покинулъ черезъ нѣсколько лѣтъ; поводомъ къ этому послужило отчасти то, что я во время урока географіи писалъ водевиль «Проказница», который и теперь идетъ въ провинціи. Преподаватель Бодунгенъ хотѣлъ отобрать рукопись, я не отдалъ ее. Это было началомъ обостренія отношеній съ класснымъ наставникомъ. Тяжелое матеріальное положеніе отца и вслѣдствіе этого невзносъ платы за мое ученіе побудили начальство поступить строго. Меня уволили за невзносъ платы. Началъ я готовиться дома въ университетъ, энергично работалъ, много читалъ, но вмѣсто университета попалъ на сцену, чему, кромѣ страсти къ искусству, послужила, сознаюсь, страсть къ актрисѣ.

Мы жили въ Павловскѣ на дачѣ въ годъ открытія Павловскаго театра, снятаго покойнымъ теперь Александромъ Филипповичемъ Ѳедотовымъ, артистомъ Императорскихъ театровъ, мужемъ Г. Н. Ѳедотовой. А. Ф. Ѳедотовъ держалъ въ Петербургѣ театръ «Буффъ», который помѣщался напротивъ Александринскаго театра. Впослѣдствіи это мѣсто было присоединено къ саду Аничкова дворца, для чего упразднена и часть Толмазова переулка, выходившая на Фонтанку. «Буффъ» Ѳедотова и К^о, несмотря на огромную дань, которую приходилось платить дирекціи Императорскихъ театровъ, монополизировавшей театры въ столицѣ, процвѣталъ. Все, что было знаменитаго въ Парижѣ, Ѳедотовъ поднесъ петербургской публикѣ, начиная съ Шнейдеръ, Гранье,

Тео, Жюдикъ, Дарто, Ру, Жюто, Деберъ и пр. Успѣхъ «Буффа» былъ одной изъ причинъ аренды Федотовымъ Павловскаго театра. Федотовъ вѣрилъ въ себя, вѣрилъ въ свое счастье. Къ тому же ему покровительствовалъ великій князь Константинъ Николаевичъ, котораго не разъ можно было видѣть гулявшимъ на музыкѣ съ Федотовымъ подъ руку. Въ труппѣ Павловскаго театра я игралъ въ качествѣ любителя съ В. В. Самойловымъ, Г. Н. Федотовой, знаменитымъ трагикомъ Н. Х. Рыбаковымъ, Ивановымъ-Козельскимъ, Грубинымъ, Сазоновымъ, Васильевымъ-Гладковымъ, Очкиной и др. Несмотря на блестящую труппу и высокое покровительство, театръ приносилъ Федотову огромные убытки. Федотовъ для спасенія выписалъ парижскую знаменитость Селину Шомонъ, игравшую отлично роли трагести, выписалъ наконецъ цѣлую опереточную труппу во главѣ съ Жюто и Ру, но и это не помогло: публика стремилась въ садъ вокзала, гдѣ игралъ оркестръ подъ управленіемъ Арбана, создавашаго веселую, жизнерадостную атмосферу. Тогда оркестръ игралъ въ залѣ только во время дождя, и дачную публику не мучили симфоніями въ душной залѣ, какъ теперь.

А. Ф. Федотовъ держалъ себя высококомѣрно, разговаривалъ съ сознаниемъ своего директорскаго достоинства и былъ строгъ... Служащихъ около него находился цѣлый штатъ... Федотовъ пользовался, какъ прекрасный режиссеръ, полнымъ уваженіемъ артистовъ... Что же касается его попытокъ играть здѣсь Любима Торцова, то къ нимъ относились недовѣрчиво... Вообще его личныя гастроли можно было назвать неудавшимися.

Поигралъ я на петербургскихъ клубныхъ сценахъ а потомъ пристроился въ Ораніенбаумскій театръ, получая по 5 руб. за спектакль. Первая моя роль была въ др. «Парижскіе нищіе».

— Возьми этотъ чемоданъ и снеси его на Итальянскій бульварь,—произносилъ кто-то изъ дѣйствующихъ.

Я удалялся съ чемоданомъ.

Затѣмъ мнѣ назначили роль второго гостя въ др. «Станціонный смотритель» (передѣлка изъ Пушкина), при чемъ я очутился лицомъ къ лицу съ В. В. Самойловымъ.

Вскорѣ я получилъ порядочную рольку въ какой-то пьескѣ изъ военной жизни С. Турбины...

Въ концѣ концовъ М. Я. Раппопортъ, антрепренеръ Ораніенбаумскаго театра, снялъ вновь отстроенный тогда театръ въ Кронштадтѣ, и я попалъ къ нему на службу.

Раппопортъ арендовалъ одно время еще театръ въ Лѣсномъ, гдѣ его компаньономъ былъ театральнѣй критикъ Н. Г. Вильде, братъ московскаго актера.

Раппопортъ былъ извѣстенъ, какъ музыкальнѣй критикъ, издававшій свой журналъ «Театральнѣй Вѣстникъ»; онъ пользовался вліяніемъ, и къ нему ѣздили на поклонъ Патти, Нильсонъ, Арто, Николини и др.

Весь кабинетъ Маврикія Якимовича былъ увѣшанъ портретами первоклассныхъ знаменитостей съ самыми льстивыми автографами. Онъ переписывался и съ балеринами Гризи, Черитто, Розати, М. С. Петица и др. Маленькій, сутуловатый, Раппопортъ смотрѣлъ привѣтливимъ, ласковымъ. Въ Кронштадтѣ ему не повезло, денегъ не было, и актерамъ пришлось туго.

У Раппопорта играли въ его театрахъ А. Н. Мельникова-Самойлова, А. А. Немирова-Ральфъ, Рыбчинская, О. Ф. Козловская, Горевъ, Чернявскій, Осокинъ, Правдинъ, Весеньевъ-Зиминъ, Варламовъ, Грековъ, Бураковскій, Невскій, Лентовскій, Сазоновъ подъ псевдонимомъ Шувалова, провинціальный трагикъ Е. М. Рахимовъ, А. Т. Трофимовъ, авторъ бытовыхъ картинокъ, въ послѣдствіи актеръ Александринскаго театра, Е. Н. Лунина (жена драматурга и критика Л. Н. Антропова), Е. А. Семенова, М. К. Стрѣльскій, Е. А. Алексѣева, Мирскій (Немировичъ-Данченко, братъ писателей), М. М. Глѣбова, теноръ Усатовъ и мн. др. А. Т. Трофимовъ состоялъ у Раппопорта долгое время режиссеромъ.

У Раппопорта въ кронштадтскомъ театрѣ въ бенефисъ г-жи Луниной была поставлена первый разъ на сценѣ извѣстная пьеса Л. Н. Антропова, автора «Блуждающихъ огней», «Ванька-Ключникъ», передѣланная изъ повѣсти пріятеля его Д. В. Аверкіева «Хмелевая ночь».

Я былъ несказанно радъ, что Антроповъ живетъ въ Кронштадтѣ, потому что мнѣ, какъ юношѣ, всегда представлялась возможность придти къ нему попросить совѣта и пріятно провести время...

Труппа была большая и солидная по составу... Послѣ первыхъ же трехъ недѣль среди актерской братии начался ропоть, что Раппопортъ неакуратно платитъ жалованье... Обѣщаній много, а выполненія ихъ не замѣтно... Кое-какъ мѣсяць протянули и жалованье рвали отъ Раппопорта, кто сколько успѣлъ, клочками... Напримѣръ, А. А. Немирова-Ральфъ получала нѣсколько сотъ рублей въ мѣсяць,—ей, бывало,

дадутъ рублей пятьдесятъ, ну, а нашему брату (я получалъ 75 рублей въ мѣсяцъ)—цѣлковыхъ пять или три... Просили потерпѣть... Разумѣется, потерпишь, когда за квартиру не плачено, прислугѣ не плачено...

Такъ вотъ мы и терпѣли... Той же участи подвергалась и Е. Н. Антропова... Что получалъ Лука Николаевичъ за свои труды, то проживалось, а жалованья все ждали...

Однажды Антроповъ не получилъ изъ Москвы ожидаемыхъ денегъ и потому сильно нуждался...

— Ну, что, Лука Николаевичъ, какъ ваши дѣла?—спрашивалъ я у него...

— Представьте себѣ, денегъ я не получилъ изъ Москвы, а Раппопортъ вчера не заплатилъ женѣ, хотя и обѣщалъ...

— Какъ же вы теперь...

— Да вотъ, не знаю, завтра обѣщалъ хоть часть жалованья уплатить непременно... слово далъ!..

— А если не отдастъ?

— Тогда ужъ не знаю что... Съѣздилъ бы въ Петербургъ, да сообщенія нѣтъ...

— Вы съ управляющимъ Раппопорта не говорили?

— Говорилъ, да помилуйте, онъ мадеру вмѣсто жалованья предлагаетъ...

— Какъ мадеру?

— Мадеру и еще какія-то вина... Раппопортъ купилъ по случаю большую партію винъ и предлагаетъ, вмѣсто жалованья, забирать вино... чортъ знаетъ что такое.

Дѣйствительно, намъ предлагали вмѣсто жалованья вина, и нѣкоторые актеры брали, руковод-

ствуясь соображеніемъ: а что, если ничего не отдадутъ? И были, пожалуй, правы...

Такъ какъ слѣдующій спектакль далъ сборъ, то Луниной-Антроповой удалось получить нѣсколько рублей, и то съ большимъ трудомъ... а мнѣ въ рублѣ отказали на-отрѣзъ... Положеніе критическое... На другой день я встрѣтилъ на репетиціи Луку Николаевича...

— Что вы такъ взволнованы?—обратился онъ ко мнѣ.

— Помилуйте, Лука Николаевичъ, не знаю, что дѣлать...

— Все тотъ же вопросъ...

— Все тотъ же... Позвольте мнѣ обратиться къ вамъ съ просьбой...

— Пожалуйста, что такое?—Антроповъ наклонился, чтобы я ему тихонько сказалъ...

— Хотѣлъ у васъ нѣкоторую сумму денегъ попросить...

— Вотъ бѣда-то—все истратили... Пустяки одни остались...

— Мнѣ бы двадцать копѣекъ...—сказалъ я совершенно серьезнымъ тономъ. Лука Николаевичъ расхохотался и всѣмъ рассказывалъ потомъ этотъ эпизодъ, прибавляя при этомъ:

— Какъ процвѣтаетъ нашъ театр!

Вскорѣ нѣкоторые сюжеты труппы разѣхались служить въ другіе города, а мы по-прежнему остались тамъ-же...

— Послушайте, Александръ Алексѣевичъ, вѣдь Раппопортъ во всякомъ случаѣ моей женѣ жалованья не отдастъ.

— Не согласится-ли онъ дать ей взамѣнъ слѣдующаго жалованья полный бенефисъ?

— Я думаю, согласится, но вѣдь сборъ трудно взять.

— Моя пьеса, можетъ быть, что-нибудь сдѣлаетъ...

— Какая?

— Да вотъ я недавно началъ новую... «Ванька-Ключникъ». Приналежь, посидѣть недѣльку и какъ-нибудь окончу...

— Ваша новая пьеса, конечно, представить несомнѣнный интересъ...

— Мнѣ кажется, что пьеса просмотрится съ интересомъ... Сюжетъ этотъ мнѣ давно хотѣлось обработать въ драматическую форму, и я уже принимался за него... Это переложеніе повѣсти «Хмелевая ночь»...

— Лука Николаевичъ, но вѣдь пока вы окончите пьесу, да пока ее цензура просмотритъ... пожалуй, и вся труппа разѣдется...

— Нѣтъ, если я сяду, то ужъ быстро сдѣлаю...

— Помилуйте, да вы замѣтку о кронштадтскомъ театрѣ три мѣсяца написать собираетесь...

— Завтра же сяду и напишу... Все выспаться никакъ не могу... то гости придуть, актеры... засидимся поздно... то сами въ гости съ женой уйдемъ...

Какъ и слѣдовало ожидать, Раппопортъ согласился дать полный бенефисъ. Лука Николаевичъ поразилъ всѣхъ: онъ засѣлъ дома и въ короткое время окончилъ пьесу, которая привлекла массу публики, пріѣхавшей изъ Петербурга.

Пьеса «Ванька-Ключникъ», какъ извѣстно, имѣла вездѣ успѣхъ и сдѣлана чрезвычайно эффектно...

На репетиціи, однако, Антропову пришлось въ

кронштадтскомъ театрѣ вынести большія непріятности... Хотя Лука Николаевичъ и вида не показалъ, что замѣтилъ эти непріятности, но въ душѣ ему было больно, и послѣ представленія онъ говорилъ объ этомъ...

Нашлись умные актеры, и въ особенности одинъ (не называю его), которые глумились надъ пьесой, искажали текстъ и пересмѣивались на репетиціяхъ...

Другой авторъ взялъ бы свою пьесу и отнесся бы съ должной строгостью къ подобной выходкѣ, ну, а Лука Николаевичъ, во-первыхъ, былъ человѣкъ деликатный, скромный, а во-вторыхъ, и обстоятельства сложились такъ, что приходилось мириться...

Пьеса понравилась публикѣ, и автора вызывали и благодарили.

Недолго прожилъ Антроповъ въ Кронштадтѣ, и куда именно онъ уѣхалъ оттуда, не помню... мы еще нѣсколько разъ впоследствии встрѣчались...

Лука Николаевичъ Антроповъ былъ однимъ изъ тѣхъ людей, которые почти не имѣли враговъ... Это была въ полномъ смыслѣ слова свѣтлая личность.

Чрезвычайно интересный эпизодъ изъ жизни Л. Н. Антропова рассказалъ И. Н. Захарьинъ-Якунинъ въ изданной Суворинымъ книгѣ его «Тѣни прошлаго». Эпизодъ заключается въ увольненіи, генераль-губернаторомъ Потаповымъ, Антропова со службы, въ 24 часа, за корреспонденціи въ «Голосѣ»...

Остановлю вниманіе читателей на большомъ талантѣ, погибшемъ отъ чахотки. Я говорю объ А. Н. Мельниковой-Самойловой. Она играла героиню, какъ, на примѣръ, Маргариту Готье. Это была большая актриса, будущность которой обѣщала очень много.

Красивая, симпатичная, съ темпераментомъ, она захватывала зрителя. Мало я видѣлъ такихъ богато одаренныхъ актрисъ на русской сценѣ. Смерть ея глубоко огорчила многочисленныхъ почитателей. Мельникова-Самойлова была замужемъ за Ник. Вас. Самойловымъ 2, сыномъ В. В. Самойлова, служившимъ въ Александринскомъ театрѣ.

Служившій у Раппопорта А. Т. Трофимовъ пользовался уже репутаціей даровитаго жанриста-драматурга и беллетриста, помѣщавшаго въ періодическихъ изданіяхъ рассказы.

Въ Кронштадтѣ тогда властвовалъ полиціймейстеръ Головачевъ, необыкновенно суровый. Онъ потомъ судился за взяточничество и пострадалъ. Трофимова онъ почему-то не взлюбилъ и не разъ придирался къ нему, какъ къ режиссеру, требуя, чтобы антракты были короче и пр.

Трофимовъ ему жестоко отомстилъ, играя въ какой-то пьесѣ полиціймейстера. Онъ загримировался Головачевымъ, и въ театрѣ поднялась буря. Трофимову было сдѣлано начальникомъ порта замѣчаніе. Пьесы Трофимова «На пескахъ» и др. удержались въ репертуарѣ до настоящаго времени.

М. В. Лентовскій еще не мечталъ объ антрепризѣ и игралъ маленькія оперетки въ труппѣ Раппопорта на ораніенбаумской сценѣ. Онъ имѣлъ успѣхъ въ опереткѣ «Не бывать бы счастью, да несчастье помогло», въ роли Жано. Лентовскій былъ живой, бойкій актеръ.

Типичную фигуру представлялъ собой трагикъ Ефимъ Михайловичъ Рахимовъ, ангажированный Раппопортомъ, котораго онъ, не получая жалованья,

грозился выбросить въ окно. При его мощной комплекціи и слабости къ вину онъ могъ сдѣлать это весьма легко.

Рахимовъ наѣзжалъ въ Петербургъ, при чемъ однажды въ бывшей моей газетѣ «Театральный Мирокъ» новый редакторъ-издатель П. Ф. Левдикъ помѣстилъ портретъ Рахимова съ подписью «Злоба дня» и съ восторженнымъ отзывомъ, дышавшимъ тонкой ироніей. Его произвели въ геніи.

Рахимовъ былъ счастливъ и замѣтилъ П. Ф. Левдику:

— Прекрасно написано, превосходно, а главное— правда, одна голая правда! Ничего не преувеличено!

Такъ его и звали потомъ «злоба дня». Да и самъ онъ не безъ величія сознавался:

— Я, дѣйствительно, злоба дня!

Рахимовъ старался подражать на сценѣ Рыбакову, но, конечно, ему слишкомъ далеко было до знаменитаго Николая Хрисанфовича...

Между прочимъ, въ Кронштадтѣ служилъ типичнѣйшій провинціальный актеръ Павлинъ Трефиловъ, увѣрявшій всѣхъ, что онъ трагикъ въ душѣ, и что только интрига отодвинула его на роли лакеевъ. Онъ ничего не пилъ, прилично одѣвался и все время посвящалъ изученію Шекспира. Насколько это изученіе было ревностно, можно судить по тому, что его выживали съ квартиръ въ виду нестерпимаго крика. Образъ жизни онъ велъ спартанскій, спалъ на полу на листѣ «Новаго Времени», а «Голосомъ» покрывался. Такъ какъ антрепренеры не поняли и не оцѣнили этого таланта, онъ, по слухамъ, открылъ въ одномъ изъ приволжскихъ городовъ кабакъ и чи-

талъ посѣтителемъ монологи изъ классическихъ произведеній, а можетъ быть, и понынѣ ихъ читаетъ.

Въ столицѣ онъ объявилъ себя «трагикомъ-резонеромъ» и давалъ спектакли и концерты.

Зимой Трефиловъ устраивалъ литературно-музыкальные вечера въ окрестностяхъ Петербурга. Онъ читалъ монологи Шекспира, рассказывалъ сцены, читалъ стихи и даже плясалъ. Надъ нимъ потѣшались, а афиши его сохранялись, какъ курьезъ. Давалъ Павлинъ Трефиловъ «вечеръ трагика-резонера» въ Ораніенбаумѣ, а билеты размѣщалъ лично въ Петербургѣ. Занесъ онъ кресло какому-то сановнику тайному совѣтнику, фамилію котораго я теперь не припомню. Сановникъ удивился и визиту, и надеждѣ «трагика-резонера» заманить его зимой въ Ораніенбаумъ въ мѣстное собраніе на концертъ. Сановникъ благодарилъ за любезность, деликатно уклонился, но Трефиловъ, передавъ билетъ, исчезъ и не потребовалъ денегъ.

Прошло недѣли двѣ, концертъ давно состоялся.

Въ 11 часовъ вечера, когда сановникъ ложился спать, раздался звонокъ.

Это былъ Трефиловъ.

— Баринъ ложится почивать! — объявила горничная.

— Но не легъ еще?

— Они въ халатѣ.

— Доложите: Трефиловъ!

Горничная пошла докладывать и, возвратясь быстро, попросила гостя почтительно въ гостиную, при чемъ зажгла всѣ свѣчи въ канделябрахъ и указала ему особенное почтеніе.

— Извините... баринъ сейчасъ одѣнется и выйдетъ.

— Да не надо, зачѣмъ одѣваться!

— Нельзя! Они очень просятъ минуту обождать. Спустиа десять минутъ въ черномъ сюртукѣ показалась причесанная фигура сановника. Онъ въ изумленіи остановился передъ гостемъ.

— Вы меня не узнаете, ваше превосходительство? Я билетъ вамъ на концертъ оставилъ и зашелъ, идя мимо, за деньгами.

Сановникъ разсердился, заплатилъ три рубля и, крикнувъ горничную, началъ ее разносить.

— Какъ же ты мнѣ, дура, доложила, что пріѣхалъ Треповъ...

Въ то время С. П. Б. оберъ-полиціймейстеромъ былъ Ѳ. Ѳ. Треповъ.

За кулисами я встрѣтилъ плеяду талантливыхъ сценическихъ дѣятелей, ознакомился съ закулисными нравами и былъ очень доволенъ.

Крестными отцами моими по театру были Н. А. Лейкинъ, рекомендовавшій меня въ качествѣ любителя на петербургскія клубныя сцены, а затѣмъ К. А. Варламовъ, рекомендовавшій меня въ Ростовъ-на-Дону къ антрепренершѣ Ю. Н. Казанцевой. Изъ тогдашнихъ моихъ товарищей по Ростову-на-Дону уцѣлѣлъ Гаринъ-Виндингъ, служившій въ московскомъ Маломъ театрѣ извѣстный своей энергичной дѣятельностью на пользу Театрального Общества.

Въ Ростовѣ меня заставили играть ежедневно первыя роли въ большихъ, новыхъ для меня пьесахъ. Я работалъ, какъ волъ, а потомъ удралъ въ Ковно, гдѣ закончилъ сезонъ у В. Г. Ильменскаго.

Изъ провинціи я явился въ Москву и храбро обратился, чрезъ В. И. Родиславскаго, къ конторѣ Императорскихъ театровъ, прося дебюта въ Маломъ театрѣ.

Мнѣ разрѣшили дебютъ, и я, будучи мало опытнымъ юношей, выступилъ въ Москвѣ, на первой русской сценѣ, въ пьесѣ Островскаго «Правда хорошо, а счастье лучше» въ главной роли — Платона. Мало того, я имѣлъ порядочный успѣхъ, о чемъ свидѣтельствовалъ фельетонъ П. Д. Боборыкина въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», гдѣ онъ сочувственно отнесся ко мнѣ.

За кулисами Малаго московскаго театра семья артистовъ меня встрѣтила радушно, родственно: имя отца, ихъ общаго пріятеля, помогло мнѣ. Я игралъ съ Никулиной, М. Садовскимъ, Бергомъ, Макшеевымъ и др. Бергъ и Никулина отнесли ко мнѣ удивительно тепло, и это окрылило меня. Еще бы! два такихъ громкихъ имени, это чего-нибудь да стоитъ. Н. А. Никулина играла Поликсену, Бергъ—Барабошева. Пьесу ставилъ режиссеръ С. А. Черневскій.

Послѣ дебюта я узналъ, что насчетъ вакансій слабо и окладовъ нѣтъ, а оставаться служить изъ чести не могъ, ибо надо было пить и ѣсть. Я обратился къ другу моего отца, Н. Е. Вильде, прося мнѣ сказать по душѣ, есть ли возможность поступить въ Малый театръ.

— При нѣкоторомъ давленіи, — отвѣтилъ онъ, — можно.

Но откуда было взять это «давленіе», когда даже отцу служба моя на сценѣ была не особенно по душѣ.

Во время дебюта въ Маломъ театрѣ въ уборную ко мнѣ приходилъ В. И. Родиславскій и подбадривалъ.

Въ Москвѣ въ это время я познакомился, чрезъ драматурга М. В. Кирилова-Карнѣева, съ юношей Молчановымъ, теперешнимъ предсѣдателемъ Театральнаго Общества. Онъ и тогда бредилъ не карьерой прокурора или дипломата, хотя поступилъ въ училище Правовѣдѣнія, а театромъ.

Театраль записной изъ него и вышелъ. Мы ходили къ нему занимать деньги. Карнѣевъ занималъ, а я въ сторонкѣ ожидалъ его.

Не предвидя возможности безъ протекціи попасть въ Малый театръ, я двинулся въ Петербургъ и здѣсь явился къ начальнику репертуара Лукашевичу, запасшись письмомъ Кирилина, игравшаго видную роль въ Министерствѣ Двора. Кирилинъ былъ товарищемъ моего дядюшки Пальчикова, если не ошибаюсь, по лицу.

Лукашевичъ оказался начальникомъ любезнымъ. Онъ смѣнилъ П. С. Ѳедорова, неограниченнаго хозяина Императорскихъ театровъ. Лукашевичъ театра не любилъ и служилъ ему, какъ чиновникъ. По крайней мѣрѣ такъ говорили за кулисами.

Онъ разрѣшилъ мнѣ дебютъ въ Маломъ театрѣ (теперь — А. С. Суворина) въ пьесѣ «По духовному завѣщанію» Крылова, въ роли Бориса, а потомъ въ «Женитьбѣ Бѣлугина» въ роли Андрея. Играть приходилось съ Н. С. Васильевой, А. А. Нильскимъ, занимавшимъ видное положеніе и пользовавшимся вліяніемъ, Малышевымъ, Варламовымъ, Бурдинымъ и др.

Нильскій, несмотря на свою силу и авторитетъ за кулисами, придя на репетицію «Женитьбы Бѣлугина», обратился ко мнѣ съ извиненіемъ:

— Простите, я опоздалъ на 5 минутъ, это рѣдко со мной бываетъ.

Теперь опаздываютъ актеры даже на спектакли.

Меня приняли въ труппу съ окладомъ 500 р. въ годъ. Я имѣлъ большой успѣхъ. Напалъ на меня только Аверкіевъ въ «Голосѣ». Впрочемъ, онъ мнѣ сказалъ комплиментъ, заявивъ, что понимаетъ приглашеніе такого актера, какъ я, дублеромъ первыхъ сюжетовъ, а не исполнителемъ только первыхъ ролей. Я претендовалъ на выходные роли...

Въ антрактѣ, когда шла «Женитьба Бѣлугина», меня навѣстилъ авторъ ея, Соловьевъ, благодарившій за исполненіе.

Александринскій театръ.

(1875—1900).

Я не только любилъ этотъ театръ, былъ его по-сѣтителемъ съ семидесятихъ годовъ прошлаго столѣтїя, но имѣлъ честь самъ, какъ читатели уже знаютъ, быть принятымъ въ составъ труппы его артистовъ и прослужилъ тамъ около года.

Это меня особенно сблизило не только съ семьей актеровъ, но и съ драматургами, ставившими тамъ свои пьесы, и съ лицами, принадлежавшими къ театральной администраціи, и съ театрами быстро промелькнувшаго времени. Въ тѣ времена попасть въ труппу императорскаго театра было не легко, каждый провинціальный актеръ считалъ это за счастье, за торжество своей сценической дѣятельности.

Большіе, выдающіеся таланты считали Александринскій театръ въ нѣкоторомъ родѣ академіей и желали въ него попасть. Ограниченный бюджетъ

дирекціи императорскихъ театровъ того времени и чиновничья протекція затрудняли осуществленіе этихъ надеждъ русскаго актера. Проскользнуть начинающему актеру, претендующему на выходныя роли, на пятьсотъ рублей въ годъ, какъ мнѣ, напримѣръ, это было легче. На каждое новое лицо, мечтавшее занять положеніе въ Александринскомъ театрѣ, часть актеровъ смотрѣла недружелюбно, а начальство, по-такавшее этимъ актерамъ, далеко не было гостеприимнымъ по отношенію новыхъ людей.

Чувствовалась какая-то замкнутость, театръ обнесли какими-то непроницаемыми стѣнами, сквозь которыя проникали немногіе.

Молодая М. Г. Савина попала въ труппу почти случайно; первенствовавшая тогда Е. П. Струйская, особенно склонная къ творчеству моднаго В. Дьяченко, завладѣла репертуаромъ. Струйская являлась полезностью, справедливо считалась добросовѣстной актрисой, но критика постоянно указывала, что нужны новыя, свѣжія силы.

Я считаю, что съ поступленіемъ на петербургскую сцену Савиной началось, хотя и медленное сначала, возрожденіе русскаго театра въ Петербургѣ.

Выросъ интересъ къ нему.

А вѣдь и Савина могла еще долго скитаться по провинціи, переживая свою молодость.

Грѣшно упускать талантъ именно въ пору его молодости, когда онъ распускается. Больше чѣмъ ошибка, -- преступленіе со стороны театральнаго начальства приглашать выдающихся сценическихъ дѣятелей, когда молодость уходитъ. Примѣровъ тому я могъ бы насчитать не мало. Приведу одинъ.

Приѣхалъ въ Петербургъ и какимъ-то чудомъ получилъ дебютъ въ Александринскомъ театрѣ Ѳ. П. Горевъ. Выступилъ онъ въ «Мишурѣ» Алексѣя Потѣхина, по тѣмъ временамъ очень смѣлой, чуть ли не опасной пьесѣ, совсѣмъ наивной, дѣтской по нашему времени.

Горевъ игралъ забитаго чиновника Зайчикова, придавленнаго начальствомъ, прямого, порядочнаго, протестующаго человѣка.

Молодой, красивый, обладавшій богатымъ темпераментомъ, Горевъ игралъ увлекательно и скоро стеръ бы «перваго любовника» Нильскаго.

Успѣхъ былъ огромный. Тѣмъ не менѣе Горевъ возвратился обратно въ провинцію или игралъ въ окрестностяхъ столицы и попалъ на сцену Александринскаго театра спустя нѣсколько лѣтъ, потерявъ, неизвѣстно почему, лучшее время.

Въ этомъ сказывалась непроникновенность, тупость тогдашней театральной бюрократіи, которая не умѣла, не могла подмѣтить талантъ, а требовала непременно патенты на званіе извѣстности, имя въ провинціи. Имена пріобрѣтаются временемъ, частныхъ театровъ въ столицѣ еще не было, провинціальное актерство показывало себя на клубныхъ сценахъ, которыя сыграли огромную роль въ исторіи развитія петербургскаго театра.

Гдѣ же блеснулъ талантъ Савиной, какъ не въ Благородномъ собраніи?

Съ триумфальнымъ шествіемъ Савиной утверждается на сценѣ другой репертуаръ. Дьяченко постепенно смѣняютъ В. А. Крыловъ, Н. А. Потѣхинъ

и другіе; Островскій поручаетъ роли М. Г. Савиной, ставятъ Тургенева.

О Крыловѣ (В. Александровѣ) хочется сказать тутъ-же. Ему попадаетъ, и покойному уже, отъ современной критики: и пустоту онъ вносилъ въ русскій театръ, и пошлятину, и воспитывалъ на пустыкахъ русское актерство и т. д.

Защищать Крылова я не собираюсь, но для исторической точности долженъ высказать слѣдующее: драматургія переживала тогда суровый цензурный режимъ; малѣйшее отступленіе отъ цензурныхъ рамокъ влекло запрещеніе пьесъ, литературныя произведенія часто не проникали къ рампѣ, и встѣ эта-то удушливая атмосфера, плюсь вся дребедень, въ видѣ переводныхъ мелодрамъ, фарсовъ и даже оперетокъ, которыми питался репертуаръ Александринскаго театра, такъ уронили «образцовую» сцену, изрѣдка получавшую художественныя созданія Островскаго и двухъ-трехъ крупныхъ литераторовъ, что все новое встрѣчали сочувственно.

Крыловъ умѣлъ распознавать таланты и, выражаясь языкомъ рецензентовъ, по мѣркѣ этихъ талантовъ кроилъ роли. Онъ использовалъ умѣло талантъ Савиной, которая его пустячки превращала своей игрой въ шедевры.

Но только ли бездѣлки писалъ Крыловъ? Нѣтъ, у него были пьесы, въ которыхъ онъ старался захватывать общественныя явленія. Вспомните «Змѣя Горыныча», гдѣ фигурировало земское собраніе и земскіе дѣльцы. Глубоко это или мелко захвачено—другое дѣло, но попытка слѣдовать за жизнью у Крылова встрѣчалась. Это былъ драматургъ пере-

ходнаго времени, не художникъ, но знатокъ сцены. Художниковъ слова на сценѣ вообще было мало, но у Крылова есть своя, неотъемлемая заслуга: его успѣхъ, пускай дешевый успѣхъ, не давалъ покоя многимъ и многихъ понукалъ приниматься за работу...

Крыловъ, какъ драматургъ, былъ сыномъ переживаемой эпохи, когда русскую мысль сдерживала цензура, когда были лишь цвѣтушіе оазисы, въ видѣ пьесъ Островскаго, когда Алексѣй Потѣхинъ считался опасно-тенденціознымъ писателемъ. Мудрено ли, что сцена пробавлялась наивными анекдотами. Время постепенно выдвигало другіе интересы, серьезные вопросы, требовало простора слова, и пустячки сами собою сдавались въ театральнѣй, запыленный архивъ. Теперь это исторія, старая исторія.

Сообщаю свѣдѣнія о Крыловѣ, записанныя мною съ его словъ.

Въ 1862 году Крыловъ напечаталъ въ «Сѣверной Пчелѣ» Усова большую статью «Нѣкоторыя изъ лицъ комедіи «Горе отъ ума» въ сценическомъ отношеніи (по поводу бенефиса Левкѣвой)», которая вышла въ послѣдствіи отдѣльной брошюрой. Благодаря этой статьѣ Крыловъ спустя нѣкоторое время былъ приглашенъ покойнымъ В. Ф. Коршемъ вести театральную хронику въ «Спб. Вѣдомостяхъ», гдѣ онъ давалъ пространные отчеты о всѣхъ театрахъ. Первой пьесой Крылова была драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ «Противъ теченія», которая цѣлый годъ не могла идти на сценѣ, такъ какъ ее не разрѣшила къ представленію цензура. Когда запрещеніе было снято, то «Противъ теченія» публика увидала на сценѣ Маріинскаго театра въ бенефисъ П. Григорьева. Въ

пьесѣ участвовали Самойловъ, Брошель, Линская, Григорьевъ, Нильскій и др. Превый опытъ молодого автора имѣлъ значительный успѣхъ, и Крыловъ, бывшій тогда учителемъ при инженерномъ училищѣ, былъ нѣсколько разъ вызванъ публикой, которая увидала предъ собой молодого офицера. Такъ какъ Брошель покинула сцену, то др. «Противъ теченія» послѣ восьми представленій не возобновлялась. Затѣмъ Крыловъ выступаетъ въ «Вѣстникѣ Европы» (1868 годъ) съ переводомъ «Натана мудраго» Лессинга и съ книгой «Столбы», повлекшей за собою судебное преслѣдованіе автора затронутыми въ ней лицами, противъ дѣятельности которыхъ онъ протестовалъ. Первый, такъ сказать, положительный успѣхъ Крыловъ завоевалъ на сценѣ ком. въ 3-хъ дѣйств. «Къ мировому», представленной въ Петербургѣ въ бенефисъ С. Я. Марковецкаго, а въ Москвѣ въ бенефисъ Н. Е. Вильде. Главную роль Колечкина художественно исполняли П. М. Садовскій и П. В. Васильевъ. Пьеса выдержала множество представленій и сдѣлалась репертуарной. Бенефисная система, царившая тогда на придворныхъ театрахъ, заставила Крылова удовлетворять требованіямъ бенефициантовъ, и онъ ежегодно работалъ надъ оригинальными произведеніями и передѣлывалъ все выдающееся въ иностранномъ репертуарѣ. Каждая пьеса драматурга имѣла успѣхъ и выдерживала большое количество представленій. Изъ оригинальныхъ произведеній Крылова выдѣлились особенно: «По духовному завѣщанію», «Въ осадномъ положеніи», «Поэзія любви», «Земцы» (Змѣй Горынычъ), «Горе-злосчастье», «Въ духѣ времени», «Надя Муранова»,

«Городъ упраздняется» (написана въ сотрудничествѣ съ К. К. Случевскимъ) и др. Въ нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ произведеній авторъ рисовалъ обыденную жизнь, житейскія столкновенія, а въ другихъ, какъ на примѣръ, «Земцы», «Надя Муранова», «Горезлосчастье»—затрагивалъ различные общественные вопросы—земскій, педагогическій и пр.

Въ передѣлкахъ Крыловъ часто запаздывалъ и нерѣдко выступалъ съ пьесой, которая ранѣе его оказывалась переведенной, тѣмъ не менѣе передѣлки большею частью бойкія, удачныя встрѣчали преимуществу и вытѣсняли переводы. По успѣху выдавались слѣдующія передѣлки Крылова: «На хлѣбахъ изъ милости»,—эта пьеса уже съ передѣлки русскаго драматурга переведена на нѣмецкій языкъ и шла въ Германіи подъ названіемъ «Der Sclave». «По духовному завѣщанію» тоже переведено на нѣмецкій языкъ.

Перечислю еще нѣсколько пьесъ Крылова: «По кривой дорогѣ впередъ не видать», «Завоеванное счастье», «Вокругъ огня не летай», «Чудовище». «Лакомый кусочекъ», «Домовой шалить», «Ангель доброты и невинности», «До поры до времени» (двѣ послѣднія пьесы передѣланы въ сотрудничествѣ съ А. Н. Плещеевымъ), «Такъ на свѣтѣ все превратно», «Откуда сырѣ-боръ загорѣлся», «Надо разводиться», «Общество поощренія скуки», «Отъ преступленія къ преступленію» и пр.

Слѣдуетъ также упомянуть двѣ пьесы Крылова, а именно «Около денегъ», передѣланную изъ повѣсти А. А. Потѣхина совмѣстно съ авторомъ, и ком. «Призраки счастья», написанную въ сотрудничествѣ съ однимъ лицомъ изъ театральной администраціи.

Когда началось процвѣтаніе оперетки и появился сдѣланный кѣмъ-то первый опытъ въ этомъ родѣ— «Десять невѣсть», Крыловъ нашелъ время для перевода оперетокъ. «Орфей въ аду» въ его переводѣ и при участіи въ Москвѣ Садовскаго и Живокини шелъ безчисленное количество разъ. Потомъ Крыловъ переводитъ «Птички пѣвчія», «Чайный цвѣтокъ», «Корнарини», «Боккачіо», «Красное солнышко»,— словомъ, всѣ выдающіяся оперетки. По части переводовъ оперетокъ Крыловъ соперниковъ не зналъ.

Изъ произведеній Крылова не драматическихъ обратила въ свое время вниманіе «Духовная драма исполняемая каждыя десять лѣтъ въ Обераммергау, въ Баваріи», въ которой разсматривается историческая борьба церкви съ театромъ. Затѣмъ Крыловъ выпустилъ въ свѣтъ объемистое спеціальное изданіе «Сборникъ постановленій Опочецкаго уѣзднаго земскаго собранія Псковской губерніи. Онъ собралъ всѣ постановленія за двадцать лѣтъ съ подробными мотивировками.

Плодовитый драматургъ, написавшій болѣе ста пьесъ, получалъ съ провинціальныхъ сценъ ежегодно около 4-хъ тысячъ рублей. Цифра гонорара, получаемая Крыловымъ съ Императорскихъ театровъ, неопредѣленна и зависѣла отъ успѣха его новыхъ пьесъ.

Для заключенія полнаго обзора театральной дѣятельности В. А. Крылова не лишне прибавить, что драматургъ неоднократно выступалъ на сценѣ въ качествѣ актера-любителя. Между прочимъ, онъ участвовалъ въ знаменитомъ представленіи «Горе

отъ ума» въ домѣ кн. Бѣлосельской-Бѣлозерской, когда Чацкаго игралъ Б. М. Маркевичъ, а Софью В. В. Мичурина. Крыловъ изображалъ г. Д. Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда еще не дозволена была къ представленію ком. А. Н. Островскаго «Доходное мѣсто», послѣднюю поставили въ театрѣ Реймерса *), и Крыловъ игралъ роль Жадова. Монологи Жадова вызывали энтузіазмъ и по желанію публики были *биссированы*. Въ Москвѣ Крыловъ игралъ «Нахлѣбника» Тургенева, при чемъ въ спектаклѣ участвовали будущія извѣстности: князь Кугушевъ, Мих. Садовскій, Макшеевъ, З. Д. Кронебергъ и пр. Въ Кронштадтѣ Крыловъ изображалъ «Тартюфа», когда ставилъ спектакли любитель Щукаревъ.

Николай Потѣхинъ въ пьесахъ той же эпохи недалеко ушелъ отъ Крылова и далеко ушелъ отъ своихъ первыхъ произведеній. Онъ ловко громоздилъ эфффекты на эфффекты, создавалъ выигрышныя роли и мало говорилъ уму. Треску хоть отбавляй!

Хуже были времена, благодаря утвердившейся старой системѣ бенефисовъ и предоставленному праву бенефициантамъ самимъ выбирать пьесы. Что только ни тащили на сцену, какіе опыты драматурговъ-дилетантовъ ни разыгрывали! Ужасъ!

Въ театрѣ ходили посмѣяться, развлечься, насладиться игрой любимыхъ артистовъ національной «академіи», стоявшей въ смыслѣ репертуара на очень низкомъ уровнѣ. Пьесу Островскаго ежегодно ожидали, какъ необыкновенную радость.

*) Гдѣ потомъ помѣщался театр общества дешевыхъ квартиръ.

Замѣчу вскользь, что А. Н. Островскій, питавшій особенную дружбу къ Ѳ. А. Бурдину, актеру весьма посредственному, въ ущербъ себѣ, назначалъ ему главныя роли. Бурдинъ, случалось, всю обѣдню ему портилъ.

— Я думалъ, Ѳедя будетъ хорошъ, а онъ слабе, чѣмъ я ожидалъ... а не дать роли нельзя было... Ѳедя такъ близко къ сердцу мои интересы принимаетъ!—говаривалъ Александръ Николаевичъ, поглаживая бороду.

Первыя пьесы Д. В. Аверкіева пользовались огромнымъ успѣхомъ, но постепенно тоже сходили съ репертуара; позднѣйшія его произведенія («Сидоркино дѣло», «Трогирскій воевода») принимались публикой равнодушно. Но, право, къ Аверкіеву тогда относились предвзято, считаясь съ его политической фizioноміей. Это былъ драматургъ болѣе крупный, нежели очень многіе изъ его коллегъ.

Возвращаюсь къ тѣмъ, съ кѣмъ я встрѣчался за кулисами Александринскаго театра, о комъ вспоминаю.

Василія Васильевича Самойлова я встрѣчалъ много разъ, передъ нимъ всѣ трепетали, и исполнители, и режиссеръ, и суфлеръ. Василій Васильевичъ не стѣснялся ни съ кѣмъ и на репетиціяхъ не церемонился даже съ режиссеромъ. Въ угоду ему замѣняли одного актера другимъ, нѣкоторыя актрисы утирали слезы на глазахъ, не умѣя выполнить замѣчанія знаменитаго артиста, но перетерпѣвъ всѣ испытанія, забывали ихъ и не безъ гордости говорили:

— Помилуйте, я играла эту роль съ Самойловымъ, а вы поручаете ее Передрагиной 1-й. Меня

Самойловъ хвалилъ! — Требовательность Самойлова была впрочемъ вполне понятна, потому что въ бытность свою на казенной сценѣ онъ привыкъ къ стройному ансамблю и хорошей обстановкѣ.

Никто не удивлялся, что наши дамы не знали границъ въ восторгахъ по адресу итальянскихъ теноровъ; у Самойлова были такія же точно поклонницы таланта, ухитрившіяся пробираться за кулисы, разрывать на части поднесенные артисту вѣнки и пр. Я видѣлъ самъ, какъ одна барыня поцѣловала ему руку. Можетъ быть, и не безъ умысла: она позднѣе отъ времени до времени устраивала спектакли, и у нея игралъ Самойловъ. Успѣхъ, насколько я могъ наблюдать, не производилъ особеннаго впечатлѣнія на Василя Васильевича, потому что онъ былъ гордъ, увѣренъ въ немъ. Ему рѣшительно всѣ льстили, и всѣ предъ нимъ преклонялись.

Самойловъ довольно грубо обходился съ молодежью и при мнѣ на репетиціи въ Павловскомъ театрѣ крикнулъ режиссеру про одну актрису:

— Если занимать такихъ актрисъ, то нужно ставить имъ барьеры, чтобы онѣ не скакали.

Мнѣ самому попало разъ отъ Василя Васильевича, когда я въ качествѣ любителя, въ томъ же театрѣ, игралъ съ нимъ въ ком. «Старое старится, молодое растеть».

Сынъ служившаго въ Павловскомъ театрѣ трагика Н. Х. Рыбакова заболѣлъ, и меня, неопытнаго юношу, Ѳедотовъ попросилъ сыграть роль племянника... Играть начинающему любителю съ В. В. Самойловымъ, конечно, большая честь, но я обратился къ Ѳедотову съ просьбою избавить меня отъ этой

чести... Я чувствовалъ себя, какъ новичекъ на сценѣ, негоднымъ для самойловской обстановки...

— Вы отъ меня роль возьмите, Александръ Филипповичъ,—молилъ я Федотова.—Самойлову будетъ неловко играть со мною, а мнѣ больно выслушивать самойловскія грубыя претензіи и трудно не отвѣчать на его дерзости.

— Все обойдется... играйте... на репетиціи мы покажемъ вамъ...

Отказаться не было никакой возможности... Наступила роковая для меня репетиція... Явился Василии Васильевичъ... Въ первой же сценѣ знаменитый артистъ набросился на меня за то, что я подошелъ къ нему не съ той стороны, съ которой слѣдуетъ...

— Кого мнѣ дали играть... Онъ ходитъ по сценѣ не умѣетъ...—крикнулъ Самойловъ.—Неопытный совсѣмъ.

Какъ только я услышалъ эту претензію разсерженнаго артиста, струсилъ окончательно... Самойловъ то и дѣло кричалъ на меня, показывалъ, заставлялъ повторять... дергалъ за рукавъ и въ концѣ концовъ довелъ до слезъ...

— Не стану я играть!—сказалъ я, возвращая роль Федотову...

— Нѣтъ... нѣтъ... ничего, играйте... Теперь все миновало... вечеромъ припомните только указанные имъ мѣста... На спектаклѣ дѣйствительно Самойловъ больше не горячился... все, что онъ указалъ мнѣ, было выполнено въ точности.

Какъ только репетиція закончилась, Самойловъ превращался въ любезнаго, разговорчиваго человѣка,

спрашивалъ у меня объ отцѣ, литературныхъ работахъ отца и пр.

В. В. Самойловъ своею игрою не трогалъ глубоко, хотя производилъ сильное впечатлѣніе. Это былъ великій виртуозъ игры на сценѣ, великій художникъ, поражавшій блескомъ исполненія, но едва ли перечувствовавшій изображенныхъ героевъ.

Въ послѣдніе годы жизни Самойловъ появлялся въ пяти-шести пьесахъ, а именно: «Ришелье», «Старый баринъ» Пальма, «Мужья одолѣли», «Старое старится» и др.

Самойловъ не разъ вздорилъ съ дирекціей, покидалъ театръ. Вздорила и дирекція съ нимъ, совершенно игнорируя то обстоятельство, что Самойлова другого въ Россіи не было.

П. С. Федоровъ, начальникъ репертуарной части, прозванный за кулисами «губошлепомъ», заботился объ угодѣ вышему начальству, а не объ искусствѣ.

— Представленная вчера пьеса, — сказалъ ему кто-то изъ актеровъ, — успѣха не имѣла и публикѣ не нравится.

— Представьте себѣ, — отвѣчалъ Федоровъ, — а начальству она нравится, и ее будутъ давать.

Фигура Федорова не можетъ быть забыта, весьма полный, всегда въ виць-мундирѣ, оплывшее лицо съ отвислой губой и благодаря послѣдней шепелявость. Онъ не ходилъ, а двигался и наводилъ за кулисами трепеть.

Самойловъ къ театральному чиновничеству относился презрительно, какъ къ ничтожеству. Онъ отлично рисовалъ фигуру Федорова. Самойловъ былъ талантливый художникъ-жанристъ.

Вмѣстѣ съ В. В. Самойловымъ и послѣ его ухода служилъ въ Александринскомъ театрѣ его сынъ Николай Васильевичъ, о которомъ я упоминалъ, говоря объ его женѣ Мельниковой-Самойловой.

Самойловъ 2-й отлично гримировался. Въ «Блуждающихъ огняхъ», изображая критика, онъ являлся или музыкальнымъ критикомъ М. Я. Раппопортомъ, или рецензентомъ Н. Е. Вильде, возбуждая дружный смѣхъ. Къ концу карьеры, какъ это часто бываетъ, Н. В. Самойлова начали признавать талантливимъ.

Василіи Васильевичъ Самойловъ не церемонился съ начальствомъ и, получивъ чрезъ него медаль въ свой юбилей, швырнулъ ее, замѣтя представителю дирекціи, что этой награды удостоивались и театральные мусорщики, что Самойлову она не идетъ. Этотъ отвѣтъ раздули въ исторію, которая едва-ли не была причиной ухода Самойлова со сцены.

В. В. Самойловъ, знаменитѣйшій русскій артистъ, получалъ по 200 и 300 рублей разовыхъ, играя на частныхъ сценахъ. Нынче много больше платятъ опереточнымъ пѣвицамъ.

Самойловъ игралъ въ клубѣ художниковъ, въ Павловскомъ театрѣ и въ Ораніенбаумскомъ.

Съ Самойловымъ произошелъ забавный случай въ Александринскомъ театрѣ: онъ игралъ какую-то драму Дьяченко, и послѣ второго акта его вызывали разъ пять. Выходя послѣдній разъ предъ публикой, Василіи Васильевичъ замѣтилъ, что его кто-то держаетъ за фракъ, а публика смѣется. Самойловъ оглянулся и увидѣлъ позади себя режиссера, Натарова, который нечаянно остался на сценѣ, не зная, что дѣлать, и рѣшилъ прятаться за спину Самойлова.

Послѣдній поклонится—и Натаровъ поклонится, воображая, что его не замѣтятъ. Наконецъ Василій Васильевичъ быстро и умышленно свернулъ налѣво, и Натаровъ остался передъ публикой одинъ въ самомъ комическомъ положеніи.

Я имѣлъ честь играть съ Самойловымъ въ Александринскомъ театрѣ въ «Старомъ баринѣ» Пальма.

Его боялись и режиссеры и актеры,—не всѣ, конечно. Отъ Самойлова вѣяло холодомъ, онъ и здѣсь дѣлалъ рѣзкія замѣчанія и не прочь былъ зло подсмѣяться надъ актерами, которыхъ считалъ удобными для этого. Я отлично помню, какъ онъ подтрунивалъ надъ старымъ актеромъ А. А. Алексѣевымъ, необыкновенно живымъ, подвижнымъ человекомъ и комикомъ въ жизни. Сознаніе собственной большой величины чувствовалось въ Самойловѣ и не покидало его.

Къ Самойлову за кулисами однажды обратился актеръ, очень слабо игравшій роли молодыхъ людей и слывшій за человѣка совсѣмъ ограниченнаго.

— Василій Васильевичъ...

— Ну, что?

— Не накидаете ли мнѣ на бумажкѣ типикъ, какъ мнѣ загримироваться въ роли графа.

Самойловъ махнулъ рукой, а когда актеръ вышелъ, онъ произнесъ:

— Я животныхъ плохо рисую.

Режиссеръ А. А. Яблочкинъ сильно картавилъ. Въ какой-то пьесѣ представленъ былъ громъ, гремѣвшій очень тихо въ этотъ вечеръ.

— Что это трещало? — спросилъ, выйдя за кулисы, Самойловъ.

— Громъ, Василій Васильевичъ... громъ по пьесѣ.

— Ну да, а у насъ вмѣсто него будто Яблочкинъ картавилъ.

— Говорятъ, Василій Васильевичъ, оперетку у насъ въ Александринскомъ театрѣ собираются упразднить!— обратился къ нему актеръ Бродниковъ, передавшій мнѣ это самъ.

— Напрасно.

— Вы противъ?

— Я былъ увѣренъ, что упразднить сначала драму.

Видѣлъ я Самойлова въ «Ришелье», въ «Старомъ баринѣ», въ «Карьерѣ» (игралъ въ Художественномъ клубѣ), въ «Мужья одолѣли», въ «Старое старится» и другихъ пьесахъ. Вездѣ было другое лицо, нигдѣ не повторялся Самойловъ. Полное перерожденіе. По художественности гримировки другого такого актера я не помню,—онъ стоялъ выше всѣхъ. Уйдя со сцены, Самойловъ, играя на частныхъ клубныхъ сценахъ, иногда въ залѣ Кононова, будировалъ и при всякомъ удобномъ случаѣ вышучивалъ театральное начальство.

Самойловъ любилъ, чтобы за нимъ ухаживали предприниматели спектаклей, чтобы кланялись ему.

Долго иной разъ они должны были уговаривать Самойлова, упрашивать играть, и очень многимъ не удавалось его склонить. Побѣждали его въ этомъ отношеніи больше дамы да В. И. Аристовъ, извѣстный славянскій дѣятель и душа покойнаго Художественнаго клуба, помѣщавшагося на Троицкой улицѣ, въ нынѣшнемъ залѣ Павловой. Напримѣръ, онъ часто

участвовалъ въ спектакляхъ Д. В. Бѣлокопытовой, вышедшей потомъ замужъ за А. Ф. Сазонова, писавшаго театральныя замѣтки.

Я упомянулъ актера Александра Алексѣевича Алексѣева.

Александръ Алексѣевичъ зналъ весь Петербургъ, и его всѣ знали. Игралъ онъ все: и драму, и водевилъ, рѣдко прибѣгая къ гриму. Алексѣевъ вѣчно нуждался и былъ въ долгу, ведя продолжительныя войны съ кредиторами.

Разовая система вознагражденія дирекціей актеровъ, при его подвижности и умѣнии выпрашивать роли, дѣлала то, что онъ игралъ по три раза въ вечеръ съ переѣздами изъ Малаго театра (тогда казеннаго) въ Александринскій, изъ Александринскаго въ Маріинскій, гдѣ шли драматическіе спектакли раза два-три въ недѣлю.

Алексѣевъ имѣлъ привычку постоянно произносить «тьфу», точно ему попало что въ ротъ. Актеры распустили слухъ, что онъ проглотилъ волосокъ отъ енотовой шубы, и съ тѣхъ поръ ему все кажется, что волосокъ во рту, и онъ отплевывается. Онъ говорилъ быстро, суфлера слышалъ неважно и репликъ окружавшимъ его на сценѣ почти не давалъ, предупреждая по навыку вопросы игравшихъ съ нимъ. Напримѣръ. Игралъ онъ со мной дядюшку въ какомъ-то старомъ водевилѣ въ Маріинскомъ театрѣ.

Вбѣгаетъ на сцену. Я долженъ сказать, что хочу жениться. Не тутъ-то было.

— Здравствуй, дорогой племянникъ... тьфу, тьфу! я знаю, что ты мнѣ хочешь сказать... тьфу, тьфу... ты собираешься жениться! ну, да благословитъ васъ Богъ.

— Александръ Алексѣвичъ, — говорю я ему за кулисами:—вы мнѣ не дали говорить!

— Ничего, голубчикъ, не подѣлаешь, тороплюсь въ Малый театръ... я даже бороды не наклеивалъ.

Случалось такъ, что помощникъ режиссера, видя, что антрактъ затягивается, а Алексѣевъ все не ѣдетъ, но будучи увѣренъ въ немъ, поднималъ занавѣсъ.

И, дѣйствительно, къ выходу Александръ Алексѣвичъ поспѣвалъ.

Онъ сбрасывалъ въ уборной шубу и летѣлъ на сцену, начиная обыкновенно говорить за кулисами, чтобы слышали его голосъ. Грима никакого.

— Одна натура! — опредѣлилъ И. Ѳ. Горбуновъ, съ которымъ мы вспоминали объ Алексѣевѣ.

Алексѣевъ въ теченіе своей долголѣтней службы постоянно хлопоталъ о томъ, какую пьесу поставить въ бенефисъ. Хлопоты начинались за годъ... Сегодня прошелъ его бенефисъ, а завтра онъ думаетъ о бенефисѣ слѣдующаго года.

Кого бы изъ драматурговъ Александръ Алексѣвичъ ни встрѣтилъ, непременно просилъ пьесу для бенефиса.

— Есть у васъ, голубчикъ, что-нибудь?

— Задумалъ кое-что... Пока въ зародышѣ только! — отвѣчалъ драматургъ.

— Да это все равно, времени много... дайте названіе, чтобы я могъ завтра же заявить объ этой пьесѣ у насъ въ театрѣ.

Драматурга онъ, бывало, обнадежитъ, а потомъ самъ объ этомъ забудетъ и просить пьесу у дру-

гого. Алексѣевъ раскапывалъ въ Петербургѣ новичковъ-писателей, многихъ совращалъ на литературное поприще и всѣмъ говорилъ:

— Пишите, я поставлю въ бенефисъ.

Помню, какъ просилъ онъ переводныхъ пьесъ, оригинальныхъ, добавляя при этомъ:

— Понимаете, мнѣ важно, если она будетъ имѣть успѣхъ и часто пойдетъ, я разовыми заработаю еще много. Кромѣ того необходимъ водевиль съ ролью для меня. Водевиль всюду пристегиваютъ, и я на немъ наберу разовыя. Водевиль нуженъ хорошій, за вознагражденіемъ не постою. Дамъ 25 рублей отъ себя лично и 25 рублей заплатитъ дирекція.

Актеры старались, въ силу разовой системы вознагражденія, процвѣтавшей тогда, нахватать больше ролей, а какихъ—безразлично.

А. А. Алексѣевъ, воюя съ кредиторами, ухитрился занимать деньги подъ бенефисы заблаговременно. Нерѣдко продавалъ бенефисы, неся огромные убытки.

— Хорошо ты вчера, Саша, заработалъ! — говорили ему за кулисами.—Хватилъ здоровый бенефисъ.

— Да вѣдь кабы онъ мой былъ... тьфу, тьфу... а вѣдь я полгода назадъ его продалъ... Вотъ только отъ пріятелей нѣсколько призовъ получилъ... тьфу, тьфу...

Въ позднѣйшіе годы А. А. Алексѣевъ, котораго лишили бенефиса, которому умалили несправедливо содержаніе, предпочелъ, будучи пенсионеромъ, конечно, уйти въ провинцію или въ Москву на частную сцену, разставшись съ Петербургомъ, гдѣ проведена была вся жизнь, съ которымъ связана вся сценическая дѣятельность.

Алексѣевъ перенесъ это поразительно легко и,

разставшись съ близкой ему товарищеской семьей Александринскаго театра, перебрался въ Москву, вступивъ въ труппу М. В. Лентовскаго.

Я видѣлся съ Алексѣевымъ въ Москвѣ, гдѣ онъ, несмотря на маститые годы, несмотря на нужду, съ которой онъ сроднился, смотрѣлъ жизнерадостнымъ, хотя иной разъ и жаловался на такой плачевный конецъ жизни. Алексѣевъ вспоминалъ тѣ милости, то драгоцѣнное вниманіе, которымъ онъ пользовался отъ высочайшихъ особъ въ началѣ своей карьеры.

Если бы меня спросили, какой былъ актеръ А. А. Алексѣевъ, я бы отвѣтилъ, что онъ былъ живой, даровитый водевильный актеръ. Водевиль отжилъ свое время, но въ прежнее время это было любимое блюдо публики въ меню Александринскаго театра.

Одно время А. А. Алексѣевъ взялъ на себя постановку русскихъ спектаклей въ такъ называемомъ Нѣмецкомъ клубѣ, надѣясь на поддержку товарищей по казенной сценѣ. Они поддерживали его, но попытка Алексѣева не увѣнчалась успѣхомъ.

Энергія старика всегда меня поражала: онъ не переставалъ мечтать объ арендѣ театровъ, объ антрепризѣ и связанныхъ съ нею богатствахъ.

У Алексѣева были двѣ талантливныя дочери: по сценѣ Н. А. Кузьмина и Е. А. Алексѣева, которая служить въ Александринскомъ театрѣ.

Однажды меня представили видному по внѣшности, изысканно, франтовато одѣтому актеру Александринскаго театра Пронскому, котораго за кулисами считали изобразителемъ баръ и аристократовъ. Это было до моего поступленія за кулисы.

Пронскій изображалъ чаще «благородныхъ отцовъ» въ комедіи и драмѣ.

Слабость его къ разнообразію въ костюмахъ была предметомъ актерскаго глумленія.

— Первый у насъ актеръ...—говорили про него.

— По таланту?

— Нѣтъ, по разнообразію брюкъ! Что ни актъ, то новыя брюки: и съ искрой, и съ полоской, и свѣтлыя, и темныя. Выставка!

Пронскій былъ холоднымъ актеромъ, «резонеромъ» въ полномъ смыслѣ слова. Обѣщалъ онъ много, но надеждъ театраловъ не оправдалъ.

Популярнымъ и среди товарищей и у публики, преимущественно верхнихъ ярусовъ Александринскаго театра, былъ Д. И. Озеровъ, считавшійся комикомъ для оперетки, куплетистомъ и вообще веселымъ элементомъ труппы.

Озеровъ смѣшилъ больше невзыскательную публику райка, но комизмомъ и юморомъ не обладалъ, выѣзжая чаще на внѣшнихъ колѣнцахъ. Печать глумилась надъ его комизмомъ, но тѣмъ не менѣе одобряла его въ роли Калхаса въ «Прекрасной Еленѣ».

С. Я. Марковецкій, претендовавшій на роль болѣе серьезнаго комика, тоже часто выступавшій въ опереткѣ, былъ, какъ говорили, очень талантливъ, но я его засталъ старымъ и мало работавшимъ. Его называли почтеннымъ, маститымъ, но не выдающимся. Игралъ онъ одно время много. Комизмъ его тоже былъ неважной марки. Впрочемъ, онъ все-таки выдвигался въ роляхъ репертуара Островскаго.

— Алексѣевъ, Озеровъ, Марковецкій... это му-

зейные актеры «Александринки»! — подтрунивалъ поэтъ Д. Д. Минаевъ.—Ихъ берегутъ, какъ рѣдкости.

— Возмущаетъ меня, — жаловался мнѣ много лѣтъ подъ-рядъ И. О. Горбуновъ: — какъ это такъ «Александринка»... Больно ужъ пренебрежительно... Александринскій театръ, а господа рецензенты перекрестили его въ «Александринку». Непочтительно. Василий Курочкинъ, переводя «Дочь рынка» («Мадамъ Анго»), даже сриёмовалъ: «Да здравствуетъ дочь рынка, ура! Александринка». Не того это...

Александръ Александровичъ Нильскій, пользуясь симпатіями театрального начальства, дѣлалъ погоду въ Александринскомъ театрѣ. Былъ неофициальнымъ диктаторомъ сцены, играя всѣ лучшія роли, и подходящія и неподходящія. Начальство словно дало ему привилегію на исполненіе ролей первыхъ любовниковъ.

Нильскій сдѣлался объектомъ газетнаго остроумія. Не проходило дня, чтобы его не вышучивали, не высмѣивали въ стихахъ и въ прозѣ на страницахъ петербургскихъ газетъ, называя крокодиломъ и пр.

Въ какой-то пьесѣ умершаго героя, котораго изображалъ Нильскій, уносили на рукахъ и чуть-было не уронили.

«Вотъ актеръ,—писалъ представитель тогдашней театральной критики А. А. Соколовъ,—и послѣ смерти невыносимъ».

Сколько стиховъ посвятилъ Нильскому Минаевъ— и не собрать.

Александръ Александровичъ стойчески все это переносилъ и продолжалъ играть, осыпaeмый градомъ обличеній. Справедливо это было или несправедливо?

Очень, очень преувеличенно во всякомъ случаѣ.

Нильскій былъ актеромъ безъ темперамента, ровнымъ, холоднымъ, образцово добросовѣстнымъ и приличнымъ. Я полагаю, что въ основѣ недоброжелательнаго отношенія къ Нильскому лежали другія обстоятельства, а именно его, такъ сказать, несмѣняемость въ роляхъ героевъ, объясняемая покровительствомъ начальства. Онъ закрывалъ дорогу для свѣжихъ дарованій, которыя не проникали на сцену, если претендовали на роли Нильскаго.

Относясь съ любовью къ дѣлу, Нильскій отличался акуратностью, хронометрической точностью, не опаздывалъ на репетиціи.

Пересмотрѣлъ я Нильскаго въ десяткахъ самыхъ разнообразныхъ ролей, и если онъ ничего не портилъ, то мало давалъ и яркаго. Отсутствіе нутра въ игрѣ давало себя знать, но главное онъ былъ однообразенъ, и этимъ наскучилъ.

Для драматурговъ Нильскій справедливо считался выгоднымъ актеромъ, потому что онъ всегда зналъ роль, всегда думалъ надъ ней и старался угодить автору, считаясь съ его замысломъ. Какъ извѣстно, и большіе писатели предпочитали видѣть въ своихъ пьесахъ Нильскаго, именно въ силу этого. Звѣздъ съ неба онъ не хваталъ, но не искажалъ произведенія.

Говоря театральнымъ языкомъ, Нильскій представлялъ собою большую полезность.

Годы летѣли, и когда А. А. Нильскій старѣлъ, онъ превращался въ болѣе виднаго и замѣтнаго актера на роли стариковъ, у него началъ проявляться комическій талантъ.

Ошибкой Нильскаго съ первыхъ его шаговъ на сценѣ было, весьма возможно, то, что онъ считалъ

себя по-преимуществу драматическимъ героемъ. Такія ошибки—явленіе хроническое въ русскомъ театрѣ и въ переживаемое нами время: не убѣдишь иныхъ въ аналогичномъ заблужденіи.

Публика еще помнитъ Нильскаго послѣдняго періода. Это былъ совсѣмъ другой Нильскій по сравленію съ тѣмъ, какимъ я его засталъ на сценѣ. Что я почиталъ въ Александрѣ Александровичѣ Нильскомъ, это его беззлобіе; онъ никогда ни единымъ словомъ въ теченіе всей своей карьеры не попрекалъ печать за чрезмѣрно суровое, дерзкое, порою наглое къ нему отношеніе. Онъ забывалъ это совершенно. Грѣхъ его былъ тотъ, что онъ не способствовалъ привлеченію, доступу силъ провинціи на Александринскую сцену. Я говорю о силахъ мужского персонала, потому что все знаютъ, что Нильскій однимъ изъ первыхъ привѣтствовалъ вступленіе на сцену М. Г. Савиной и ратовалъ за нее предъ начальствомъ. Тутъ чутье не обманывало его, и конкуренціи не предвидѣлось...

Припоминаю еще актеровъ, съ которыми сталкивала меня судьба въ Александринскомъ театрѣ.

Вторыхъ любовниковъ игралъ П. А. Душкинъ, фамилія котораго тоже не давала покоя юмористамъ.

Душкинъ очень часто появлялся на сценѣ, всегда былъ элегантно одѣтъ, но поражалъ бездарностью. Казалось, что судьба совершенно случайно забросила его на сцену, что изъ него могъ выйти хорошій чиновникъ, офицеръ, кто хотите, только не актеръ.

Будучи человекѣмъ хорошаго происхожденія, онъ выдѣлялся изысканными манерами, но всегда и во всемъ оставался окаменѣлымъ Душкинымъ. Душкинъ

представлялся мнѣ чиновникомъ сцены, и если бы онъ, при его порядочности и воспитаніи, подвизался, примѣрно, въ конторѣ Императорскихъ театровъ, навѣрное, принесъ бы болѣе пользы.

Душкинъ самъ, полагаю, сознавалъ свою бесполезность въ труппѣ и не любилъ театра: дослужившись до пенсіи, онъ подъ другой, настоящей фамиліей вышелъ въ міръ и занялся, кажется, нефтяными дѣлами, да и доселѣ, если не ошибаюсь, занимается ими.

Въ Ораніенбаумскомъ лѣтнемъ театрѣ гастролировалъ въ драмѣ и опереткѣ молодой комикъ Константинъ Александровичъ Варламовъ, котораго и публика и печать одиогласно привѣтствовали, какъ большой талантъ. Выступилъ Константинъ Александровичъ въ водевилѣ «Левъ Гуричъ Синичкинъ».

Со сцены повѣяло чѣмъ-то необыкновенно свѣжимъ.

Однако, Варламовъ уѣхалъ, и лишь спустя, если память мнѣ не измѣнила, цѣлый сезонъ, совершенно неожиданно мы увидѣли его въ Александринскомъ театрѣ. Игралъ онъ старика Хлопонина въ «Злобѣ дня» Н. А. Потѣхина.

Въ старую труппу вошелъ человекъ съ яркимъ, самобытнымъ талантомъ, самородокъ, взрощенный провинціальной сценой.

Петербургъ, извиняюсь за выраженіе, загалдѣлъ о Варламовѣ, носился съ нимъ. Что ни роль—то новый успѣхъ.

Куда ни приди, бывало, только и слышишь: видѣли Варламова? Каждый авторъ желалъ, чтобы въ его пьесѣ игралъ Константинъ Александровичъ. Для него стали писать роли, какъ для Савиной.

Онъ внесъ художественный элементъ въ исполненіе героевъ Островскаго, при постановкѣ пьесъ котораго чувствовалось отсутствіе именно такой богато одаренной русской природы. «Костенька», какъ звали товарищи по сценѣ Варламова, безъ протекціи, безъ заискиванія у рецензентовъ, прокладывалъ себѣ дорогу.

Оставалось только радоваться, что Константина Александровича пригласили во дни весны его таланта, а не тогда, когда онъ началъ бы уставать, изломанный скитаньемъ по провинціи.

Дѣятельность его на глазахъ современниковъ, и я не буду особенно распространяться объ ней.

Варламовъ очаровалъ всѣхъ своею лаской, онъ вошелъ въ здѣшнюю актерскую семью совсѣмъ, какъ въ свою семью, принявшую его любовно.

Первое время, когда казеннымъ актерамъ не запрещали еще играть въ клубахъ, Варламова затормошили: онъ игралъ на дармовщинку, принимая участіе въ спектакляхъ чуть не всѣхъ клубныхъ бенефициантовъ. «Когда намъ запретятъ играть?» спрашивалъ Варламовъ

Сазоновъ еще до появленія Варламова въ Александринскомъ театрѣ указывалъ на него дирекціи. Они вмѣстѣ играли въ провинціи, куда ѣздилъ въ юности Николай Федоровичъ въ лѣтніе мѣсяцы для практики.

Дебютировалъ въ Александринскомъ театрѣ и потомъ былъ принятъ въ труппу «Саша Полонскій», какъ звали актеры огромнаго ростомъ мужчину съ довольно глухимъ, деревяннымъ голосомъ. Онъ былъ любителемъ и пользовался извѣстностью, какъ чтець

стихотвореній, соперничавшій съ П. А. Никитинымъ. Они зачитывали публику. Полонскій былъ игрокъ въ карты, у него происходили азартныя игры, заставлявшія говорить весь Петербургъ. Играли въ его квартирѣ, на углу Невскаго и Троицкаго, противъ Филипповской булочной, въ исчезнувшемъ теперь домѣ, принадлежавшемъ дирекціи Императорскихъ театровъ.

Однажды вечеромъ я пріѣхалъ сюда приглашать Полонскаго читать на благотворительномъ концертѣ. Визитъ мой въ позднее время такъ поразилъ его неожиданностью, что онъ испугался и выскочилъ самъ на звонокъ съ растеряннымъ лицомъ, потому что у него шла азартная игра. Онъ думалъ, не полиція-ли нагрянула.

— Что вамъ?—спросилъ онъ.

— Пріѣхалъ просить васъ прочесть стихотвореніе.

— Что хотите и когда хотите!—отвѣчалъ онъ, не дождавшись отвѣта, гдѣ и какой это будетъ концертъ.

— Значить, можно ставить васъ на афишу?

— Конечно, ставьте.

Онъ успокоился, взойти въ квартиру меня не просилъ, и я видѣлъ только множество шубъ, висѣвшихъ въ передней.

Когда я напомнилъ Полонскому, недѣлю спустя, объ его обѣщаніи, онъ забылъ о концертѣ.

Извѣстность его, какъ игрока, была велика, и въ дни его дебютовъ сотоварищи по зеленому полю всѣ находились въ залѣ Александринскаго театра.

Исполненіе Полонскаго на сценѣ было ходульное, шаблонное.

Крупнымъ событіемъ въ театральной жизни Петербурга былъ дебютъ въ Александринскомъ театрѣ провинціальной знаменитости Никифора Ивановича Новикова, выступившаго въ тяжелой драмѣ Чернышева «Отецъ семейства».

О Новиковѣ, еще до приѣзда его, затрубилъ популярный грозный театральный критикъ А. А. Соколовъ («Театральный нигилистъ»), рекомендовавшій его какъ крупнѣйшую силу.

Я былъ на дебютѣ Никифора Ивановича, имѣвшаго грандіозный успѣхъ. Вызвали его по окончаніи послѣдняго акта разъ семнадцать. Впечатлѣніе онъ произвелъ и въ безъ того мрачной, тяжелой драмѣ, рисующей картину угнетенія семьи деспотомъ-отцомъ, страшное. Игралъ виртуозно, разработавъ роль до тонкостей.

Мнѣнія о талантѣ Новикова, нынѣ покойнаго, однако, раздѣлились, и среди представителей литературы, критики и публики, годъ спустя, звучала нота разочарованія. Эти голоса не считались съ большимъ внѣшнимъ успѣхомъ артиста. Успѣхъ не ослабѣвалъ, и Никифора Новикова шумно принимали въ роляхъ городничаго («Ревизоръ»), Краснова («Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ») и другихъ.

Чувствовалось между тѣмъ, что этотъ восторгъ по адресу Новикова до нѣкоторой степени вздутъ, стали меньше интересоваться артистомъ, меньше говорить о немъ.

Что это былъ человѣкъ съ талантомъ, одаренный богатѣйшими физическими средствами, спорить нельзя, но талантъ провинціальной знаменитости оказался не яркимъ и не разнообразнымъ. Говорили,

что Новиковымъ не умѣютъ или не хотятъ пользоваться, отодвигаютъ его въ тѣнь и пр. Констатирую фактъ, что Н. И. Новиковымъ, дѣйствительно, перестали интересоваться: изъ «большого актера» онъ постепенно превращался въ рядового и по собственному побужденію покинулъ сцену.

Онъ чувствовалъ самъ, что Александринскій театръ мѣсто не по немъ, что надъ другими онъ здѣсь не доминируетъ. Началъ блестяще, а кончилъ какъ-то втихомолку.

Друзья его замѣчали, что Н. И. Новиковъ не привился, что не цѣнятъ и не понимаютъ его, что артистъ страдаетъ при такомъ положеніи и мечтаетъ вновь уйти въ провинцію. Я забылъ, не замѣтилъ, когда исчезъ со сцены Никифоръ Ивановичъ. Вскорѣ я видѣлъ въ пьесѣ «Отецъ семейства» на частной сценѣ А. А. Соколова, того самаго, который такъ славилъ Новикова. По совѣсти скажу, онъ произвелъ на меня такое же впечатлѣніе, какъ Новиковъ, и игралъ чуть-чуть помягче, въ менѣе звѣроподобномъ тонѣ.

Новиковъ пролетѣлъ за кулисами Александринскаго театра метеоромъ: блеснулъ, и слѣда не осталось. Едва ли его громкое имя не пострадало отъ службы на казенной сценѣ.

На Александринской сценѣ произошло однажды забавное событіе, шедшее въ разрѣзъ съ установившимся режимомъ, лишившимъ свободнаго доступа туда провинціальныхъ актеровъ.

Николай Захаровичъ Бураковскій, по сценѣ Вергиня, назвавшійся такъ въ честь блиставшей балетной звѣзды Вергиной, какъ онъ мнѣ объяснилъ, получилъ дебютъ въ Александринскомъ театрѣ.

Популярный тогда актеръ А. З. Бураковскій, братъ Вергина, не могъ достигъ этого, а Вергинъ, пѣвшій куплеты на любительскихъ и клубныхъ сценахъ, игравшій отъ времени до времени въ качествѣ дилетанта, выступилъ въ Александринскомъ театрѣ въ пьесѣ гг. Худекова и Жулева «Петербургскіе когти» въ роли актера Мѣдякова.

Будучи на сценѣ человѣкомъ совершенно неопытнымъ, лишеннымъ внѣшности, неуклюжимъ, совсѣмъ юнымъ, онъ имѣлъ храбрость выйти передъ публикой въ роли, созданной гремѣвшимъ незадолго до описываемаго случая Ипполитомъ Монаховымъ.

Знавшіе Вергина, даже его друзья и пріатели и въ томъ числѣ я самъ, не хотѣли повѣрить, что увидимъ его на той образцовой сценѣ (такъ называлъ ее первымъ Аверкіевъ), на которую былъ закрытъ свободный доступъ даже людямъ съ именами и широкими репутаціями.

— Правда ли, Николай Захаровичъ, что ты дебютируешь?

— А вотъ увидите,—серьезно отвѣтилъ онъ.

— Какъ ты добился?

— Приказано дать дебютъ... это желаніе самого барона Кистера. Повѣстку на репетицію получилъ. Не угодно ли-съ!

«Приказано», ну, и кончено дѣло! Никто не рѣшился и на репетиціи осадить Вергина, сознавая отлично, что предстоитъ здоровый скандалъ.

А Вергинъ не унывалъ, намекая лишь на сильную протекцію, которая помогала ему у барона Кистера.

Театральный Петербургъ ломалъ голову, что это за протекція на Императорской сценѣ, заставившая ди-

рекцію подчиниться, въ ущербъ дѣлу, обычаямъ и смыслу: всѣ знали, что такое Николай Захаровичъ Вергинъ, что это за сила!

Дебютировалъ онъ при переполненномъ театрѣ. Собрались актеры чуть не со всего Петербурга.

Режиссеръ пикнуть не посмѣлъ, не посмѣлъ снять пьесу съ афиши.

Ну, и была игра! Провалился Вергинъ во всю.

— Интрига, возмутительная интрига! — увѣрялъ онъ потомъ.

— Въ чемъ же она выразилась?

— О! я еще этого такъ не оставлю, я автора найду.

— Да что такое вамъ сдѣлали?

— Хотѣли, чтобъ я при входѣ на сцену растянулся, но не удалось. Правда, я поскользнулся, но тѣмъ и окончилось.

— Что же сдѣлали?

— Поль кто-то мыломъ намазаль. Возмутительный фактъ.

— Невѣроятно!

— Самъ разслѣдовалъ... мыло, чистѣйшее мыло.

Кто же оказалъ любителю могущественную протекцію, кто организовалъ этотъ позоръ?

Тогда большимъ вліяніемъ пользовалась извѣстная французская актриса Дика-Пти, служившая въ Михайловскомъ театрѣ.

У нея была горничная. Такъ вотъ, черезъ эту горничную, съ которой Вергинъ случайно познакомился, онъ и добился дебюта.

Трудно повѣрить, чтобы рассказанное могло произойти, но фактъ внѣ сомнѣнія и достоинъ быть занесеннымъ на скрижали исторіи петербургскаго те-

атра. Впрочемъ, горничной потомъ отъ французской актрисы попало. Могъ ли думать могущественный тогда въ министерствѣ двора баронъ Кистеръ, чье желаніе онъ исполнилъ?

Передавали, что онъ умеръ, не подозрѣвая этого, а ему почтительнѣйше доложили, что дебютанта вызывали столько-то разъ (принято было официально считать вызовы), и что успѣхъ былъ средній, и раздавалось изрѣдка шиканье. О томъ, что смѣхъ въ театрѣ стоялъ неугомонный, умолчали.

Только русская публика, выносливая и терпѣливая, способна хохотать надъ подобными дебютами; за границей его бы освистали и забросали всякою дрянью. Такого спектакля никто больше не видалъ.

Надо объяснить, что дебюты въ Александринскомъ театрѣ разрѣшались извѣстнымъ актерамъ съ необычайнымъ трудомъ. Ходили къ начальнику репертуара, къ режиссеру, къ первымъ актерамъ и просили. Случалось, что мытарства заканчивались обратнымъ отъѣздомъ въ провинцію.

И на ряду съ этимъ—безпримѣрный, волшебный фокусъ Николая Вергина. Братъ его, актеръ, успѣвшій зарекомендовать себя, и дѣйствительно удачно, получилъ дебютъ, надо полагать, черезъ добрый десятокъ лѣтъ.

О воображаемомъ «мылѣ» потомъ постоянно вспоминали за кулисами, говоря, что мыло принесъ самъ Вергинъ, какъ мыльный пузырь.

Провинціальный актеръ Александръ Семеновичъ Быковъ, дебютировавшій въ Александринскомъ театрѣ, какъ это ни курьезно, тоже говорилъ мнѣ, что

ему во время исполненія роли Краснова («Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ») чѣмъ-то полъ мазали, и помощникъ режиссера передъ выходомъ актеровъ задерживалъ.

Дѣйствительно, одно дѣйствующее лицо запоздало, вѣроятно, безъ режиссерскаго умысла, а насчетъ мыла искренно посмѣялись.

— Что за полотеры! — острилъ Николай Ивановичъ Арди.

А. С. Быкова, написавшаго впоследствии нѣсколько пьесъ и превратившагося въ репортера «по особо важнымъ уголовнымъ дѣламъ», сотрудничавшаго въ «Петербургской Газетѣ», я видѣлъ въ Александринскомъ театрѣ еще въ комедіи «Семейныя тайны» Ознобишина, гдѣ онъ игралъ старика-генерала и талантливо кряхтѣлъ, по мѣткому замѣчанію кого-то изъ рецензентовъ.

Быковъ славился не столько, какъ актеръ, сколько своею честностью. Всю жизнь онъ болѣлъ и стоналъ, въ немъ клокотало оскорбленное артистическое самолюбіе.

Всѣ, помнящіе Николая Ивановича Арди, согласятся со мной, что онъ обладалъ большимъ талантомъ и въ бытовомъ репертуарѣ до сихъ поръ не имѣетъ замѣстителя. Юморъ Арди, его веселость, живость—внѣ сравненія. Купчикъ, писарь въ его обрисовкѣ достигали истинной художественности.

Я вспоминаю Арди въ «Горе отъ ума», гдѣ онъ изображалъ г. Н. Появленіе его и двѣ-три брошенныя фразы вызвали бурю рукоплесканій,—до такой степени онъ былъ комиченъ и далъ такую типичную фигуру. Судьба Николая Ивановича въ Петербургѣ интересна.

Нѣсколько лѣтъ его причисляли къ бездарностямъ, подсмѣивались надъ его грубымъ провинціализмомъ и пр.

Немудрено: вмѣсто того, чтобы использовать дарованіе Арди, его пихнули въ оперетку и заставили, напримѣръ, изображать Париса въ «Прекрасной Еленѣ». Арди былъ маленькимъ, толстенькимъ и скорѣе всего подходящимъ для изображенія Бобчинскаго, но не Париса.

Разумѣется, выходило карикатурно и вызывало глумленіе. Сбросивъ съ плечъ этотъ грузъ, Арди показалъ себя художникомъ въ репертуарѣ Островскаго, создавъ рядъ типовъ, самыхъ разнообразныхъ. Я не знаю, какого происхожденія былъ Н. И. Арди, кажется, изъ казаковъ съ Дону, но многихъ вводила въ заблужденіе его фамилія. Болѣе русскаго человѣка, чѣмъ Арди, трудно было себѣ представить на сценѣ. Въ этомъ отношеніи по складу рѣчи, по юмору и всей своею манерою говорить онъ приближался къ такому типичному художнику, выразителю русской жизни, какъ незабвенный Горбуновъ.

Даже въ мелкихъ созданіяхъ, напримѣръ, въ роли писаря въ ничтожномъ водевилѣ «Налетѣлъ съ ковшомъ на брагу» Арди давалъ удивительныя фигуры, вызывая заразительный смѣхъ. Изъ посредственности, изъ опереточнаго ничтожества его произвели въ выдающагося, талантливаго актера, и это производство со стороны публики и печати было безусловно заслуженнымъ.

Я все-таки считаю, что Арди не былъ оцѣненъ вполне, и его поняли лишь послѣ смерти, когда въ труппѣ почувствовали брешь. Большинство его ролей

поручили А. С. Панчину, способному молодому человеку. По сравненію съ Арди—это небо и земля.

Панчинъ, выйдя изъ театрального училища, пѣлъ тоже въ опереткѣ, гдѣ и обратилъ на себя вниманіе. Въ Александринскомъ театрѣ, будучи юношей, онъ выдвинулся ролью Хлестакова, перепавшей ему случайно.

Впослѣдствіи Панчинъ, хотя и занималъ опредѣленное положеніе въ труппѣ и былъ любимъ публикой, но далъ меньше, чѣмъ ожидали отъ него въ театрѣ и училищѣ.

Вмѣсто Александра Александровича Нильскаго стали показывать Л. Каширина, который вышелъ изъ школы въ музыканты и игралъ на мѣдныхъ инструментахъ въ театральномъ оркестрѣ.

Каширинъ отличался изъ ряду выходящей красотой, поражавшей всѣхъ. При стройной, высокой фигурѣ Каширинъ, по внѣшнимъ даннымъ, представлялъ рѣдкаго исполнителя для ролей любовниковъ.

Внутренній багажъ артиста оказался бѣднымъ: ни сердца, ни души, ни темперамента. И тѣмъ не менѣе красота, плюсъ слащавость, недурныя манеры и нѣкоторый сценическій навыкъ открыли ему порядочную дорогу на сценѣ: онъ замѣнялъ Нильскаго и получалъ много ролей.

Объ его красотѣ разсказывали, что, когда онъ, будучи музыкантомъ, вошелъ первый разъ въ антрактъ въ оркестръ, то обратилъ общее вниманіе. По сценѣ Каширинъ прошелъ, принимая во вниманіе его микроскопическія способности, незамѣченнымъ.

Въ *jeune premier* вскорѣ прочили воспитанни-

ка театральнаго училища Р. Аполлонскаго. Я его встрѣчалъ мальчикомъ въ формѣ театральнаго училища. Полный, румяный и также очень красивый, онъ выдавался среди товарищей манерой прилично держаться. Нынѣшній премьеръ Александринскаго театра пробивалъ себѣ дорогу непрерывнымъ трудомъ и на первыхъ шагахъ ея обнаружилъ любовное отношеніе къ своей работѣ. Публика видитъ, какихъ успѣховъ достигъ Р. Б. Аполлонскій, и какъ онъ использовалъ свой талантъ. Остановлю вниманіе читателя на принятомъ въ труппу нѣсколько позднѣй Леонидъ Ивановичъ Градовъ-Соколовъ, питомецъ также театральной школы, но кочевавшемъ по провинціи.

Въ Петербургъ Леонидъ Ивановичъ возвратился триумфаторомъ, не актеромъ, а исполнителемъ куплетовъ, зачастую пошленькихъ, представлявшихъ собою плоды дешеваго грубаго обличенія. Толпа облюбовала этотъ культъ куплетистики, созданный на Александринской сценѣ очень талантливымъ актеромъ Ипполитомъ Ивановичемъ Монаховымъ. Монаховъ передавалъ бездѣлки художественно, говорилъ подъ аккомпаниментъ не хуже Иветы Гильберъ.

Весь Петербургъ распѣвалъ «Смѣхъ», «Если любишь ты кататься», «Ma parole d'honneur» и пр.

Монаховъ вовлекъ въ невыгодную сдѣлку Виктора Крылова, Григорія Лишина и многихъ другихъ драматурговъ и юмористовъ, склонивъ ихъ писать куплеты. Для ихъ репутаціи это было, разумѣется, невыгодно...

Увлеченіе «куплетистикой», какъ называли тогда этотъ родъ развлеченія, перешелъ всякія границы:

гимназисты пѣли куплеты и подражали Монахову, передававшему ихъ голосомъ съ непріятнымъ носовымъ звукомъ.

Именно въ носъ и подражатели старались исполнять всю эту пошлятину, противъ которой разразились даже «Отечественныя Записки» Краевского и Некрасова.

Монаховъ стяжалъ обильные лавры, отодвинувъ этими успѣхами свое значеніе, какъ талантливаго, интеллигентнаго актера.

Послѣ смерти Монахова первенство въ куплетистикѣ оспаривали разные актеры съ такимъ же рвеніемъ, какъ... ну, какъ оспаривали одно время, послѣ смерти М. Н. Каткова въ публицистикѣ его роль: припомните, сколько являлось у него продолжателей. Каждый норовилъ почему-то заполучить за это субсидію; могъ ли ожидать этого М. Н. Катковъ!

Жаль было, что такой талантливый актеръ, какъ Ипполитъ Монаховъ, человѣкъ съ высшимъ образованіемъ, расточалъ свое дарованье на куплетцы. Съ одной стороны, вспоминали «Милліонъ терзаній» И. А. Гончарова, съ другой стороны, слушали блестящіе грошеваго остроумія.

Репертуаръ Монахова отличался разнообразіемъ, онъ игралъ и стариковъ и неподобно изображалъ представителей золотой молодежи, вродѣ Жоржа Градищева въ драмѣ Николая Потѣхина «Злоба дня», а ранѣе появлялся царемъ Ахилломъ въ «Прекрасной Еленѣ», созданной у насъ В. А. Лядовой.

Монаховъ игралъ съ М. Г. Савиной и восторженно отзывался объ ея талантѣ.

— Большая актриса! — говорилъ онъ въ моемъ

присутствіи на лекціи П. Д. Боборыкина о театрѣ въ Художественномъ клубѣ. На этой лекціи присутствовала и новая молодая актриса М. Г. Савина.

Монаховъ иронизировалъ слегка надъ выводами и заключеніями П. Д. Боборыкина, махавшаго на кафедру руками, кричавшаго и поминутно прихлебывавшаго воду.

Болѣе чѣмъ страннымъ представлялось тогда отрицаніе Монаховымъ созданій Островскаго,—это онъ подтвердилъ открыто въ адресѣ, посланномъ одному изъ актеровъ московскаго Малаго театра. Многіе еще помнятъ его полемику съ «Незнакомцемъ» (А. С. Суворинъ). Это были минусы Ипполита Ивановича. Онъ выступалъ въ пьесахъ Боборыкина, Крылова, Манна, Алексѣя Потѣхина, Николая Потѣхина, игралъ Чацкаго, Хлестакова и пр.

Монахова буквально не называли иначе, какъ «любимецъ публики». Онъ прожигалъ свою жизнь, любилъ пирушки, кутежи и не щадилъ своего здоровья. Онъ похоронилъ себя очень рано.

За гробомъ его шла толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Особенно много было дамъ. Похоронами руководилъ актеръ Александринскаго театра К. Г. Бродниковъ, имѣвшій слабость къ похоронному дѣлу. Его приглашали въ качествѣ свѣдущаго лица по этому дѣлу во время прибытія и погребенія тѣла И. С. Тургенева. Бродниковъ изображалъ собою какого-то дилетанта похоронныхъ процессій. Объ немъ еще придется вспомнить, фигура эта за кулисами Александринскаго театра была любопытная.

Я ѣздилъ на похороны Монахова съ Иваномъ Платоновичемъ Киселевскимъ, вступившимъ потомъ

въ составъ труппы Александринскаго театра. Возвращаюсь къ Л. И. Градову-Соколову.

Его пригласили по рекомендаціи А. А. Соколова, кстати сказать, кажется, служившаго въ Александринскомъ театрѣ до превращенія въ журналиста и театральнаго критика, любившаго поругаться, но довольно чуткаго человѣка, близко изучившаго театральные нравы и театральную машину.

Градовъ-Соколовъ выступилъ въ новомъ открывшемся саду «Ливадія» и загремѣлъ куплетами.

— Монаховъ такъ не пѣлъ!

— Выше Монахова!—закричали о немъ.

Передавалъ онъ куплеты, дѣйствительно, съ заразительной веселостію, поглубѣй, пожалуй, Монахова, но оригинально, талантливо.

До того хорошо, что его приходилось сожалѣть: Вѣдь это растрата дарованія!

Потомъ Градовъ-Соколовъ на слѣдующій сезонъ перекочевалъ въ «Аркадію», по сосѣдству въ Новой деревнѣ, гдѣ взялъ антрепризу оперетки знаменитый въ свое время оперный пѣвецъ Іосифъ Яковлевичъ Сѣтовъ.

Тутъ опять Градову-Соколову улыбался полный успѣхъ, къ счастью, неудовлетворявшій Леонида Ивановича, который, какъ умный человѣкъ, сознавалъ, что на опереткѣ далеко не уѣдешь и только загубишь карьеру.

Охладѣлъ онъ и къ куплетамъ, уклоняясь пѣть ихъ даже за баснословный гонораръ.

Градовъ-Соколовъ снова появился въ Александринскомъ театрѣ. Я смотрѣлъ его въ Расплюевѣ

(«Свадьба Кречинскаго»), гдѣ онъ понравился публикѣ и имѣлъ хорошіи успѣхъ.

Глубокаго комизма онъ не проявилъ, но во всякомъ случаѣ показалъ, что актеръ выдающійся, которому всегда найдется мѣсто и дѣло въ серьезной труппѣ.

Градовъ-Соколовъ недолго оставался въ труппѣ Александринскаго театра, соблазнившись предложениемъ вступить въ труппу Корша, гдѣ, появляясь частью въ легкихъ фарсовыхъ роляхъ, завладѣлъ прочно симпатіями москвичей.

Въ Москвѣ Леонидъ Ивановичъ покончилъ свои дни. По своей натурѣ онъ всегда былъ склоненъ къ бессоннымъ ночамъ, къ картамъ и къ попойкѣ, считывая на крѣпкое здоровье. Этимъ онъ и распаталъ свой организмъ.

Я любилъ Градова-Соколова за удивительное съ его стороны уваженіе къ литературѣ, къ печати вообще, вѣрнѣе, къ той ея части, которая заслуживала этого. Дружилъ онъ съ литературой и журналистикой всегда, и въ этомъ мірѣ у него было много друзей.

Иванъ Платоновичъ Киселевскій, бывшій нотаріусъ въ Курскѣ, потомъ любитель и наконецъ заправскій актеръ, появлялся въ Александринскомъ театрѣ не разъ. Дебютировалъ впервые въ «Старомъ баринѣ» Пальма, играя послѣ Самойлова, затѣмъ въ роли Диковскаго («Блуждающіе огни» Л. Н. Антропова) и пр.

Несмотря на почтенный возрастъ, когда Киселевскій вступилъ въ труппу Александринскаго театра, онъ представлялся совершенно юношей и порой даже легкомысленнымъ: ролей учить особенно не любилъ,

надѣясь на доброе сочувствіе суфлеровъ, но это не мѣшало ему нравиться публикѣ.

Общительность Киселевскаго скоро сдружила его со всей труппой, хотя болтливый, острый язычекъ Ивана Платоновича вредилъ ему.

Очень многіе изъ актеровъ побаивались Киселевскаго, потому что онъ злобно вышучивалъ ихъ, подмѣчая, благодаря своей наблюдательности, слабыя стороны каждаго.

Иванъ Платоновичъ терпѣлъ вѣчную нужду, жилъ выше средствъ, какой бы окладъ ни получалъ. По своей добротѣ онъ дѣлился съ товарищами деньгами, потомъ занималъ, забиралъ впередъ жалованье и, постоянно улыбаясь, печаловался на безвыходное положеніе.

Но какъ бы тяжело ему ни приходилось, онъ всегда сохранялъ жизнерадостность, всегда былъ весело настроенъ и являлся незамѣнимымъ собесѣдникомъ въ компаніи.

Сыгравъ гдѣ-нибудь въ клубѣ, получивъ порядочный гонораръ, онъ его тутъ же за ужиномъ и оставлялъ.

Киселевскій былъ бариномъ на самомъ дѣлѣ и въ томъ смыслѣ, какъ у насъ принято характеризовать російское барство: беззаботный, транжира, не считающій денегъ, широкій, безпечный, добрый, живущій въ сущности больше для другихъ, для окружающихъ, чѣмъ для себя.

Ивану Платоновичу ничего не стоило, поссорившись съ дирекціей, разстаться съ обезпеченнымъ положеніемъ, собрать пожитки и уѣхать въ провинцію,

куда глаза глядятъ. Самолюбіе свое онъ берегъ пуще всего и ради него жертвовалъ всѣмъ.

Отказался служить, взялъ чемоданъ и укатилъ.

Потомъ, глядишь, опять возвратится. Кончилъ онъ все-таки провинціей и умеръ въ Кіевѣ, не оставивъ послѣ себя ровно ничего, какъ вся талантливая и неталантливая литературно-театральная русская богема. Таковы мы всѣ, за ограниченнымъ исключеніемъ, и никогда, кажется, насъ не передѣлаешь.

Съ Киселевскимъ я прожилъ сезонъ въ Кронштадтѣ, гдѣ мы вмѣстѣ занимали одну комнату за 12 рублей въ мѣсяць, служа въ театрѣ Раппопорта.

Жалованья не платили. Мы не унывали и по недѣлямъ съ Киселевскимъ питались ветчиной и колбасой. Я былъ юнъ, Киселевскій въ годахъ, но такое прозябаніе на него ровно никакого впечатлѣнія не производило. Веселый, бодрый духъ его не покидалъ.

Про Киселевскаго на казенной сценѣ уцѣлѣло не мало анекдотовъ объ его оговоркахъ, недоразумѣніяхъ съ суфлерами, о сценической импровизаціи и пр. Половина ихъ безусловно присочинена.

Для нѣкоторыхъ драматурговъ Киселевскій былъ тяжеловатъ и не только тѣмъ, что слабо училъ роли въ новыхъ пьесахъ, но онъ подтрунивалъ надъ ними, подхватывая въ силу своей интеллигентности промахи и курьезы.

Много крови имъ портилъ Киселевскій. Копировалъ онъ ихъ, рассказывалъ про нихъ анекдоты по городу. Немудрено, что многіе его считали человекомъ неприятнымъ, но мы, знавшіе близко Ивана Платоновича, можемъ подтвердить, что никакой за-таенной злобы въ немъ въ сущности не было. Безъ

всякаго умысла сбрехнетъ онъ острое слово и самъ забудеть. А потомъ говорятъ: вотъ что Киселевскій распространяеть.

Если ему кто-нибудь насолилъ, напакостилъ серьезно, ну, тогда онъ превращался въ мстительнаго человѣка и покою не давалъ, извести могъ, не щадилъ.

Были роли, для которыхъ не часто подыщешь другого Киселевскаго. Какого Кречинскаго онъ давалъ, любо было смотрѣть! Тонъ, выдержка, манера, блескъ, спокойствіе.

Ставили въ Александринскомъ театрѣ мою шутку «Въ ссудной кассѣ». Киселевскій по дружбѣ самъ вызвался мнѣ сыграть актера и изъ пустячной, крошечной роли создалъ типичное лицо. Въ «Каширской Старинѣ», изображая старика-боярина, онъ былъ удивительно хорошъ, а между тѣмъ Аверкіева недолюбливалъ, считая языкъ его коверканнымъ, и самаго Аверкіева звалъ не иначе, какъ Перекаверкіевымъ.

Репертуаръ Ивана Платоновича былъ такъ обширенъ, что онъ самъ не перечислилъ бы сыгранныхъ имъ ролей.

Воспитанный человѣкъ, пріятныхъ формъ, онъ нигдѣ не терялся, и въ любомъ обществѣ чувствовалъ себя хорошо, свободно.

За кулисами его Е. И. Левкѣва называла довольно мѣтко «губернаторъ». «Говорить, какъ губернаторъ, сядеть — губернаторъ, и манера губернатора».

Покойный страдалъ отъ кредиторовъ. Заболѣваніе хроническое въ закулисной жизни. Благодаря имъ, полагаю, Киселевскій не любилъ устраиваться

въ своей квартирѣ, въ своемъ углу, предпочитая меблированныя комнаты.

— У меня нѣтъ страсти къ вещамъ, къ предметамъ роскоши и обстановкѣ! — сознавался Киселевскій.

И хорошо, а то обстановку пожирали бы кредиторы.

Короткое время въ труппѣ Александринскаго театра служилъ М. К. Стрѣльскій, другъ Киселевскаго, герой провинціальной сцены, мужъ Е. А. Алексѣевой, о которой я упоминалъ.

Михаилъ Кузьмичъ Стрѣльскій (Третьяковъ) въ юные годы служилъ въ Маломъ московскомъ театрѣ, затѣмъ въ провинціи, пѣлъ въ опереткѣ, наконецъ попалъ въ Александринскій театръ, откуда его быстро выжили. Звѣздъ съ неба не хваталъ, но справедливо считался полезнымъ человѣкомъ, болѣе даровитымъ, чѣмъ иные счастливыя, получавшіе здоровые оклады. Стрѣльскій служилъ въ провинціи вмѣстѣ съ М. Г. Савиной, которая рекомендовала его дирекціи. Онъ скончался отъ паралича въ убѣжищѣ для престарѣлыхъ артистовъ Театрального общества.

Выше я попутно припуталъ имя К. Г. Бродникова, о которомъ нельзя промолчать.

Толстякъ съ лысой головой, въ очкахъ, съ баками въ видѣ котлетокъ, съ перстнями на толстыхъ, короткихъ пальцахъ, съ брильянтовыми булавками въ галстукахъ и съ коралловыми, малахитовыми и другими разноцвѣтными пуговицами на жилетахъ, онъ вездѣ былъ замѣтенъ. Иногда онъ показывался бритымъ или съ бородой. Дарованіями Богъ Бродниковъ не наградилъ, да онъ и не выражалъ претензій

на талантъ и роли, замѣчая лишь вскользь, что гдѣ-то имѣлъ колоссальный успѣхъ въ роли городничаго. Гдѣ—я до сихъ поръ не знаю.

Бродниковъ занималъ маленькую квартирку на Невскомъ, у Казанскаго моста, надъ нынѣшнимъ Учетно-Ссуднымъ банкомъ. Эту квартирку актерство знало отлично и вотъ почему: въ тѣ годы, о которыхъ я говорю, не было театральнаго агентствъ, не было Театральнаго общества.

Представителемъ крупныхъ антрепренеровъ въ столицѣ былъ К. Г. Бродниковъ.

Онъ имъ рекомендовалъ актеровъ, онъ имъ посылалъ новыя пьесы, словомъ, служилъ по силѣ возможности. Отсюда и вели происхожденіе бродниковскіе булавки и перстни, полученные имъ, какъ подарки, отъ благодарныхъ антрепренеровъ и актеровъ.

Увѣряли, что у Бродникова есть капиталецъ, но онъ отрещивался энергично отъ такихъ слуховъ, благодаря которымъ у него просили деньги въ долгъ. Давать онъ не любилъ и каждую копѣйку тратилъ, скрѣпя сердце.

— Чтó бы, мой добрый другъ (это его вѣчная и любимая поговорка), скушать подешевле!— произносилъ онъ, просматривая карту въ клубѣ или ресторанѣ.

А когда его угощалъ неизмѣнный другъ, водевилецъ, журналистъ и редакторъ «Новаго Времени» М. П. Федоровъ, онъ легко проглатывалъ по три блюда на ночь, запивая ихъ виномъ.

— Я угощаю! заказывайте!—объявлялъ Федоровъ.

— Мой добрый другъ! это благородно съ вашей

стороны. Сегодня я даже не прочь съѣсть что-нибудь посущественнѣе.

И ѣли они безъ конца, не считаясь съ ихъ тучностью. Бродниковъ игралъ вторыя и третьи роли, игралъ, царство ему небесное, плохо, но всегда стараясь создать что-то необычайное, мудрое.

Н. А. Потѣхинъ ставилъ свою драму «Злоба дня».

— Мой добрый другъ, — рассказывалъ Бродниковъ, — Николай Антиповичъ весьма пріятный драматургъ. Поручилъ онъ мнѣ роль татарина и, чтобы игра была натуральна, пригласилъ меня покушать съ нимъ въ загородномъ ресторанѣ à la Каскадь, гдѣ служилъ татаринъ, котораго онъ изобразилъ въ «Злобѣ дня». Этого татарина зовутъ Андрюшей, полный такой, онъ извѣстенъ всему кутящему Петербургу и являлся свидѣтелемъ всякихъ происшествій. Вотъ имъ-то я и гримировался. Николай Антиповичъ говорилъ татарину: «Приходи, Андрей, себя самого смотрѣть въ Александринскій театръ».

Я былъ на первомъ представленіи «Злобы дня» и помню, что въ извѣстной части присутствовавшей публики Бродниковъ произвелъ сенсацію.

Надъ Бродниковымъ за кулисами Александринскаго театра любовно потѣшались. А какъ, бывало, умереть кто изъ товарищей, къ нему:

— Константинъ Григорьевичъ, похлопочите.

У гробовщика онъ былъ недосягаемъ. Торговался, поражалъ Шумиловыхъ старшихъ и младшихъ познаніями въ техникѣ дѣла и въ коммерческихъ его тайнахъ. Ужъ его на глазетѣ или гробикѣ не проведешь. И къ лицу выберетъ, и практично, и прочно, и

самъ лично въ церкви распоряжался, и чуть могилу не рылъ.

О разрядахъ тогда не слышно было, хоронили бѣдно и богато, а Бродниковъ умѣлъ похоронить какъ будто богато, но вмѣстѣ съ тѣмъ экономическимъ способомъ.

Злая иронія судьбы обидѣла бѣднягу Бродникова: заболѣвъ, страшно исхудавъ, онъ уѣхалъ лечиться въ Ялту и тамъ умеръ одиноко, вдали отъ товарищей, и некому было его похоронить. И теперь эта могилка смотритъ заброшенной.

Совершенно неожиданно въ одномъ изъ великопостныхъ концертовъ Александринскаго театра, которые устраивались актерами и режиссерами въ свою пользу, выступилъ, опять-таки съ пошленькими куплетами, Маріусъ Маріусовичъ Петипа, сынъ знаменитаго балетмейстера и понынѣ извѣстный актеръ провинціи.

На рѣдкость красивый, напоминающій южанина-француза, Петипа спѣлъ куплеты и имѣлъ успѣхъ, встрѣтивъ, впрочемъ, антагонизмъ среди специалистовъ по куплетному ремеслу, поклонниковъ Монахова.

— Неслыханная дерзость, конкурировать и съ кѣмъ? съ Монаховымъ! Ну, и что же! никакой художественной отдѣлки. Тотъ плюнетъ, просто плюнетъ, и выходитъ художественно.

Я слышалъ это мнѣніе изъ устъ популярнаго юриста, петербургскаго театрала Я. Ѳ. Сахара, моего товарища по гимназіи, сдѣлавшагося нотаріусомъ.

Петипа заинтересовались, стали ходить слухи, что онъ даровитый актеръ, отлично поетъ въ опереткѣ.

Очень скоро онъ и подтвердилъ это, спѣвъ на той же Александринской сценѣ Париса въ «Прекрасной Еленѣ». Голосъ не ахти-какой, но развязность, живость, совсѣмъ родственная опереткѣ по ея національному происхожденію.

Петипа ангажировали въ труппу Александринскаго театра. Этотъ приѣмъ окрылилъ переводчиковъ оперетокъ Григорія Лишина, Василия Курочкина, В. Александра (Крылова) и др., которые вѣрили еще въ живучесть оперетки на образцовой сценѣ. Дѣйствительно, оперетки опять пошли бойко.

На дебютѣ въ антрактѣ Василій Курочкинъ, редакторъ «Искры» и переводчикъ Беранже, оперетки «Маленькій Фаустъ» и др., сказалъ мнѣ: — Наконецъ то у насъ будетъ настоящій опереточный актеръ.

Новый актеръ появился наконецъ въ комедіи, видѣлъ я его, между прочимъ, замѣнявшимъ Монахова въ «Злобѣ дня». Манера игры у него была не русская, французъ чувствовался, надо было привыкать къ его тону и надѣяться, что онъ измѣнится подъ вліяніемъ игры окружающихъ.

Послѣднее предположеніе сбылось. М. М. Петипа принялся работать надъ собой, и черезъ года два его нельзя было узнать.

Для салонной комедіи, а такая была тогда въ Александринскомъ театрѣ, Петипа оказался находкой. Его достоинствомъ было еще умѣніе одѣваться. У Петипа явилась тьма поклонницъ, по количеству не уступавшая компаніи «мазинистокъ», т.-е. почитательницъ тенора Мазини.

Это я отмѣтилъ мимоходомъ, такъ какъ и у не-

прекрасной половины успѣхъ М. М. Петипа былъ обезпеченъ. Онъ вошелъ въ репертуаръ и замѣнялъ потомъ Монахова.

Труппа Александринскаго театра мало-по-малу видоизмѣнялась по составу и усиливалась, ансамбль выигрывалъ.

Петипа разстался съ Александринской сценой въ цвѣтущую пору его дарованія. Почему онъ ушелъ и почему его отпустили, не берусь объяснить, но сожалѣлъ вмѣстѣ съ театрами объ этой потерѣ. Провинція ухватилась за М. М. Петипа, и до нынѣшнихъ дней онъ вездѣ желанный гость.

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ пожаловалъ впервые Василій Пантелеймоновичъ Далматовъ.

Съ Далматовымъ за годъ передъ тѣмъ мы познакомились въ Москвѣ, служили вмѣстѣ въ Пушкинскомъ театрѣ Бренко и бражничали вмѣстѣ. Я уговаривалъ его ѣхать въ Петербургъ, завѣряя, что, заручившись дебютомъ, онъ навѣрное будетъ принять и замѣнить въ цѣломъ рядѣ пьесъ Монахова. Далматовъ заболѣлъ, и мы разстались. Въ Петербургѣ я встрѣтилъ Николая Антиповича Потѣхина, моего большого пріятеля, которому восторженно говорилъ о Далматовѣ, прося сказать о немъ брату Алексѣю Антиповичу Потѣхину, вступившему въ управленіе русской труппой. Писалъ я и А. А. Потѣхину.

Нѣсколько разъ я ему напоминалъ, и Николай Потѣхинъ мнѣ сообщилъ наконецъ, что Далматову братъ его напишетъ.

Черезъ нѣсколько дней Н. А. Потѣхинъ извѣстилъ меня, что дебютъ Далматову разрѣшенъ.

Я сейчасъ телеграфировалъ Далматову, пріѣхав-

шему для переговоровъ и потомъ дебютировавшему.

Василій Пантелеймоновичъ, пріѣхавъ въ первый разъ въ Петербургъ, остановился у меня. Я издавалъ тогда журналъ «Театральный Мірокъ».

Принять былъ всюду Далматовъ гостепріимно, за кулисами его встрѣтили товарищи по провинціи, приласкали его Потѣхины, произвелъ онъ на всѣхъ выгодное впечатлѣніе.

— Кажется, отличный малый!—слышалось часто.— Интеллигентный, красивый, намъ такого надо... желателенъ...

Черезъ нѣсколько дней Далматова многіе называли просто Васей. По душѣ, что называется, чело-вѣкъ пришелся.

Дебютировалъ онъ ролью Незнамова въ пьесѣ Островскаго «Безъ вины виноватые». Въ залѣ были налицо всѣ критики, актерство, литераторы.

Далматовъ струхнулъ при выходѣ, а мы, его друзья и доброжелатели, знавшіе отлично, что у него есть за кулисами и недоброжелатели, струхнули за него еще больше.

Овладевъ собой, онъ, нужно сказать, штурмомъ взялъ успѣхъ и хорошій успѣхъ!

Гулялъ я по коридору театра взволнованнымъ и прислушивался, что говорятъ.

Одобрали! Пріемъ Далматова въ труппу, несмотря на дальнѣйшіе дебюты, представлялся совершившимся фактомъ.

Я былъ счастливъ, что дѣло Далматова слаживается, словно вопросъ касался меня самого. Далматовъ перебрался въ Петербургъ и съ тѣхъ поръ зачислился въ неизмѣнные петербуржцы. Покинулъ

онъ Александринскій театръ, погостилъ въ Маломъ театрѣ у А. С. Суворина, но опять возвратился домой.

Кто-то изъ поэтовъ и обличителей, едва ли не Абракадабра (актеръ Александринскаго театра Смирновъ) сочинилъ экспромтъ:

Въ искусствѣ русскомъ мы не разъ
Встрѣчали храбрыхъ акробатовъ!
Судьба вознаградила насъ:
Пріѣхалъ изъ Москвы Далматовъ.

«Очень видный и въ шинели!» необыкновенно серьезно сказалъ про Далматова покойный театраль, извѣстный библиофилъ и бытописатель М. И. Пыляевъ.

Съ этой характеристикой, краткой, но яркой, носился потомъ другъ и по внѣшности почти двойникъ Пыляева, редакторъ «Новаго Времени» М. П. Федоровъ.

Труппа Александринскаго театра, прежде совершенно замкнутая, ограниченная, мало-по-малу разрасталась, особливо съ восьмидесятыхъ годовъ, съ назначеніемъ директоромъ Императорскихъ театровъ Ивана Александровича Всеволожскаго, а управляющимъ труппою Алексѣя Антиповича Потѣхина.

Удалось послѣ долгихъ стараній проскользнуть въ Александринскій театръ актеру Александру Трофимовичу Трофимову, комику, небезывѣстному драматургу, автору жанровыхъ картинокъ «На Пескахъ» и др., а также рассказовъ, помѣщавшихся въ «Субботникахъ» въ «Новомъ Времени» и разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

Трофимовъ долго мотался по частнымъ сценамъ,

гдѣ пріобрѣлъ имя, какъ актеръ, грѣшившій нѣсколько утрировкой.

Для комическихъ ролей Александра Трофимовича природа надѣлила счастливой внѣшностью. Онъ былъ худъ, какъ спичка, и имѣлъ необыкновенно длинный носъ, насчетъ котораго актеры острили, говоря, на примѣръ, что съ такимъ носомъ можно плавать безъ руля и пр.

Трофимова это справедливо задѣвало, онъ сердился и рѣзко обрѣзалъ шутниковъ.

— Воображаютъ, что остроумно!—злился онъ.

На сценѣ Трофимовъ былъ забавенъ, смѣшонъ, создавая весьма разнообразные типы. Чиновники всѣхъ ранговъ наиболѣе ему удавались.

Кто-то изъ второстепенныхъ авторовъ, увидавъ Трофимова, просилъ играть въ его пьесѣ и спеціально для него ремарку «полный» замѣнилъ «худощавый».

До своего актерства Трофимовъ, кажется, служилъ въ конторѣ театровъ, хотя утверждать не берусь. Одинъ или два сезона онъ былъ режиссеромъ въ Ораніенбаумскомъ театрѣ, гдѣ замѣнилъ А. Е. Осокина, служащаго теперь въ Александринскомъ театрѣ.

На гастроли въ Александринскій театръ пріѣзжалъ изъ Москвы Сергѣй Васильевичъ Шумскій, котораго я смотрѣлъ въ комедіи Островскаго «Не было ни гроша, да вдругъ алтынъ», гдѣ онъ изображалъ Крутицкаго.

Принимали его восторженно, фигуру давалъ поразительную, захватывалъ.

Елесю игралъ Сазоновъ, котораго Шумскій одо-

бралъ и даже звалъ въ Москву, какъ рассказывалъ мнѣ самъ Сазоновъ. Москва Сазонова увидѣла лѣтъ чрезъ двадцать пять незадолго до его смерти, на частной сценѣ. Шумскій давнымъ-давно тогда былъ въ могилѣ.

Изъ петербургскихъ актеровъ Шумскій дружилъ съ Монаховымъ, ближе сходясь съ нимъ во взглядахъ на бытовой репертуаръ.

— Какой шумъ! — сказалъ московскій актеръ Сазонову, когда упалъ занавѣсъ.

— Иначе и быть не могло, — нашелся Сазоновъ: — Шумскій играетъ.

Сазоновъ былъ доволенъ, что игралъ съ Шумскимъ, и рассказывалъ объ этомъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ. Вспоминалъ онъ и про спектакли съ участіемъ другого московскаго колосса Прова Михайловича Садовскаго, пріѣзжавшаго лѣтомъ и выступавшаго въ заколоченномъ нынѣ Каменноостровскомъ театрѣ. Въ Красносельскомъ театрѣ игралъ онъ еще съ В. И. Живокини. Юный Сазоновъ снятъ на портретѣ съ Живокини.

Московскій Малый театръ стоялъ тогда на такой высотѣ, что участіе мѣстныхъ корифеевъ въ Петербургѣ являлось крупнѣйшимъ событіемъ въ театральной жизни. Молодежь благоговѣла предъ славными стариками.

Изъ крупныхъ актеровъ Александринской сцены въ памяти моей запечатлѣлся Василій Ивановичъ Виноградовъ, котораго мнѣ случалось встрѣчать, хотя лично я его не зналъ, и видѣть исключительно въ комическихъ роляхъ.

Тучный, спокойный, на видъ неуклюжій, грубо-

ватый, Василій Ивановичъ на сценѣ оживалъ, заливался раскатистымъ, сдавленнымъ смѣхомъ.

Актеры болтали, что Виноградовъ въ молодости былъ банщикомъ гдѣ-то въ провинціи; тѣмъ больше чести ему, что онъ выбился на дорогу и приобрѣлъ громкое имя.

Культурностью Виноградовъ, дѣйствительно, не отличался, несмотря на то, что хотѣлъ казаться человѣкомъ виды выдавшимъ и все знавшимъ.

Заговорятъ о винахъ—онъ тонкій цѣнитель, о сигарахъ—онъ первый знатокъ, объ умѣніи одѣваться—и тутъ онъ специалистъ.

Смерть Виноградова была очень чувствительной для труппы Александринскаго театра. Онъ служилъ одновременно съ В. В. Самойловымъ, и, случалось, разыгрывали вмѣстѣ фарсы. Что они дѣлали, на примѣръ, въ шуткѣ «Мужья одолѣли»: Виноградовъ—Теряевъ, Самойловъ—Шмерцъ. Театръ умиралъ съ хохоту.

Виноградовъ игралъ и драматическія роли, хотя, по характеру таланта, былъ комикомъ и комикомъ большимъ, замѣчательнымъ самородкомъ.

Мрачно выглядѣлъ актеръ Павелъ Малышевъ, съ которымъ въ началѣ карьеры носилось начальство, какъ съ восходящей звѣздой, а потомъ совсѣмъ забыли его и не давали ролей. Не взирая на прекрасныя душевныя качества, Малышевъ представлялся озлобленнымъ, но доброжелательность его къ товарищамъ оставила по немъ свѣтлую память. Александринскую сцену онъ въ сердцахъ называлъ болотомъ, гдѣ гибнутъ люди, гдѣ душитъ чиновничій режимъ. «Бѣжать надо отсюда, а не стремиться сюда! я самъ бы

убѣжалъ!» говорилъ онъ мнѣ, во время репетиціи, отведя въ сторонку.

Жена Малышева тоже служила на сценѣ, играя роли благородныхъ матерей.

Въ мое время Малышевъ представлялъ собой полезность, недурно игралъ купцовъ, но не выдѣлялся. Заурядный актеръ съ хриплымъ голосомъ. Ему не повезло, и нота презрѣнія къ начальству и неудовлетворенности всегда звучала у него въ разговорѣ.

Не привился на почвѣ Александринскаго театра и покойный Александръ Павловичъ Ленскій, который игралъ здѣсь продолжительное время, но, не встрѣтивъ той оцѣнки и того сочувствія, которыми пользовался ранѣе, а также въ Москвѣ, снова перебрался на старое мѣсто.

Душа у него не лежала къ Петербургу, но тутъ у него былъ старинный другъ К. А. Варламовъ, съ которымъ они вмѣстѣ жили.

Самый первый пріѣздъ Александра Павловича въ Петербургъ на гастроли въ Ораніенбаумскій театръ былъ для него необыкновенно счастливымъ: онъ увлекъ публику, которая въ дни его гастролей наполняла театръ.

Въ Мольеровскомъ «Донъ-Жуанѣ» онъ имѣлъ огромный успѣхъ, хотя между нимъ и окружавшими его чувствовалась разница: Ленскій читалъ роль помосковски, въ какомъ-то особенномъ тонѣ, съ легкой пѣвучестью.

Этотъ тонъ Ленскаго шелъ въ разрѣзъ и съ разговоромъ актеровъ Александринскаго театра, что отмѣчали не разъ въ печати. Всѣ говорили на одинако-

вомъ хорошемъ русскомъ языкѣ, но рѣчь Ленскаго отличалась отъ общей рѣчи. У Ѳедотовой, у Ермоловой читка мнѣ всегда напоминала Ленскаго. Какая-то тягучая московская манера говорить, симпатичная, но чуждая намъ, петербуржцамъ.

Ленскій, будучи художникомъ, всегда останавливалъ вниманіе зрителя на типичномъ гримѣ, едва ли не самомъ талантливомъ и удачномъ послѣ самой-ловскихъ типовъ.

Въ Петербургѣ Александръ Павловичъ былъ домо-сѣдомъ, и рѣдко-рѣдко, бывало, гдѣ-нибудь встрѣтишь его, кромѣ кулисъ.

Не могу объяснить, почему Ленскому не повезло въ Петербургѣ, почему онъ очутился въ тѣни въ Александринскомъ театрѣ, и имя его начинало утрачивать прошлую популярность.

Петербургъ любилъ и любить москвичей, но Ленскаго, превратившагося въ петербуржца, онъ не оцѣнилъ.

Москва снова заключила въ объятія дорогого ренегата и не измѣняла ему въ своихъ симпатіяхъ до его смерти.

Ленскій умеръ при печальныхъ обстоятельствахъ. Онъ былъ главнымъ режиссеромъ Малаго театра, горячо борясь за сохраненіе традицій родного храма, вскормившаго его.

Тутъ Ленскому начали бросать палки въ колеса, интриговать противъ него (кто? на этотъ вопросъ должны бы отвѣтить его истинные друзья, которымъ дорого имя Ленскаго, дорога правда).

Подъ предлогомъ болѣзни Ленскій ушелъ изъ

театра и напечаталъ объявленіе объ открытіи драматическихъ курсовъ.

Бѣдный Ленскій! разлука съ любимой сценой его совсѣмъ подкосила. Онъ скончался.

На двухъ сценахъ — московской и петербургской — уживался куда болѣе удачно Ѳедоръ Петровичъ Горевъ. Послѣ первыхъ дебютовъ, о которыхъ я уже говорилъ въ предлагаемыхъ воспоминаніяхъ, Горевъ снова очутился въ провинціи, а потомъ вторично пріѣхалъ дебютировать и поступилъ наконецъ въ труппу.

Въ Петербургѣ онъ былъ принятъ съ радушіемъ, и публика зачислила его въ число своихъ любимцевъ. Ѳедоръ Петровичъ быстро ориентировался, завелъ знакомства и былъ вполне удовлетворенъ.

Неизвѣстно почему, онъ толкнулся въ Москву, служилъ тамъ, изъ Москвы опять перевелся въ Петербургъ, изъ Петербурга опять въ Москву, изъ Москвы опять въ провинцію и на частныя сцены... Затѣмъ снова въ старое гнѣздо, въ Малый театръ.

Цѣлая одиссея этого непосѣды.

Горевъ явился въ Петербургъ съ солиднымъ багажомъ переигранныхъ ролей въ провинціи.

По многу разъ онъ игралъ эти роли, но рѣдко бывалъ въ нихъ твердъ.

Александринскій театръ имѣлъ на него благотворное вліяніе, приучивъ больше работать. Я говорю «больше» потому, что этотъ богато одаренный человѣкъ работалъ все-таки мало и бралъ своимъ захватывающимъ темпераментомъ, своимъ музыкальнымъ голосомъ. Въ игрѣ его недоставало выдержки, цѣльности, но вспышки въ отдѣльныхъ сценахъ за-

ставляли забывать все. Одна какая-нибудь сцена, горячій моментъ, и общій подъемъ въ залѣ.

Изъ всѣхъ видѣнныхъ мною исполнителей въ хорошей жизненной пьесѣ Луки Антропова «Блуждающіе огни» никто не игралъ такъ безвольнаго Макса, какъ Горевъ. За сердце бралъ. А Жадовъ въ «Доходномъ мѣстѣ»! Кто могъ сравниться съ Горевымъ, дававшимъ прямо художественное настроеніе, хотя бы въ сценѣ въ трактирѣ. Чувства, искренности, простоты Горевской ни у кого въ то время не было.

По случайности, одновременно съ вторичными дебютами Горева, совпали дебюты другою актера, считавшагося въ провинціи кумиромъ,—М. Т. Иванова-Козельскаго.

Его произвели, судя по репутаціи, въ шекспириста.

Увѣряли, что въ «Гамлетѣ» этотъ кумиръ чудеса творилъ. Игралъ онъ трагедію Шекспира по разнымъ переводамъ, и экземпляръ, который я видѣлъ у суфлера, напоминалъ пестрое, мѣщанское одѣяло: кусочки и кусочки.

— Гервинуса наизусть знаетъ!—говорили актеры про М. Т. Иванова-Козельскаго,—и еще много источниковъ изучалъ.

Съ Гервинусомъ просто надоѣли!

Возбуждался вопросъ, кого принять: Горева или Иванова-Козельскаго. Обоихъ посмотрѣть хотѣли.

Присутствовалъ я въ Александринскомъ театрѣ на дебютѣ Иванова-Козельскаго въ «Гамлетѣ» и жаждалъ познакомиться съ игрою «нутромъ». Увѣряли, что, кромѣ изученія, этотъ Гамлетъ бралъ нутромъ.

Слабый былъ Гамлетъ, и Аверкиевъ, писавшій

театральные фельетоны въ «Голосѣ» Краевского, имѣлъ мужество, не считаясь съ высокою репутаціей дебютанта, написать, что это былъ не Гамлетъ, а Андрюшка Бѣлугинъ, нарядившійся на святкахъ Гамлетомъ.

Неумѣніе носить костюмъ, грубыя манеры, и не было захвата. Въ концѣ трагедіи еще неудача: при паденіи у него соскочилъ парикъ.

Ивановъ - Козельскій отличался любознательностью, неустанно работалъ надъ собой. Актеры увѣряли, что онъ выбился изъ писарей. Честь и слава ему, что онъ, работая надъ собой и своимъ дарованіемъ, достигъ виднаго положенія на сценѣ. М. Т. Ивановъ-Козельскій былъ по преимуществу бытовымъ актеромъ и, на примѣръ, прекрасно игралъ Василькова въ «Бѣшеныхъ деньгахъ», хорошъ былъ въ роли Андрея въ «Женитьбѣ Бѣлугина», хотя не вышлся въ ней до Сазонова.

Чѣмъ же объяснить громадную популярность въ провинціи Иванова-Козельскаго даже въ классическихъ роляхъ? Его буквально на рукахъ носили и высоко почитали.

Секретъ этого успѣха надо было искать главнымъ образомъ въ трудѣ Иванова-Козельскаго, въ его безупречной отдѣлкѣ ролей, изученіи ихъ, поскольку позволяли силы.

Передъ публикой былъ актеръ, дѣло дѣлающій и не рассчитывающій только на свои способности, какъ большинство изъ его сверстниковъ.

Добросовѣстность Иванова-Козельскаго бросалась въ глаза.

Тонъ его игры мнѣ не нравился, онъ отличался нитьемъ, нѣкоторой приторностью.

Можно было съ увѣренностью сказать, что онъ не привьется на столичной сценѣ,—да такъ оно и вышло.

Не могъ Ивановъ-Козельскій, имѣя въ своемъ репертуарѣ нѣсколько прекрасныхъ ролей, тягаться съ Н. Ѳ. Сазоновымъ, яркимъ, выдающимся актеромъ, сочетавшимъ, примѣрно, въ роли Андрея Бѣлугина высокій драматическій подъемъ съ искреннимъ, наивнымъ комическимъ талантомъ.

Ивановъ-Козельскій остался бы на Александринской сценѣ въ тѣни, что было бы для него ударомъ послѣ триумфовъ въ провинціи.

Онъ предпочелъ провинцію, гдѣ съ годами ему везло уже не такъ, какъ прежде, и онъ переставалъ дѣлать сборы.

До какой степени любили въ провинціи М. Т. Иванова-Козельскаго можно судить по тому, что ему въ то время платили исключительные, непомѣрные оклады.

Для классическихъ, костюмныхъ ролей у него не было ни внѣшности, ни манеръ, ни изящества, ни достаточной силы.

— Теплота, душевность у него!—слышалъ я объ Ивановѣ-Козельскомъ отъ его многочисленныхъ почитателей.

Съ теплотой и душевностью, однако, за все братья не нельзя,—этихъ качествъ недостаточно.

Знаменитое «нутро» покойнаго артиста тоже не захватывало глубоко.

Дебюты его на петербургской сценѣ сенсаціи не вызвали. Петербуржцы восторгались имъ, когда ви-

дѣли его въ бытовыхъ роляхъ на сценѣ открывшагося въ 1876 году въ Павловскѣ театра, гдѣ онъ въ молодые годы дѣйствительно выдвигался.

Но, когда онъ былъ лучше, интереснѣй—въ Павловскѣ или, много лѣтъ спустя, на Александринской сценѣ? Конечно, въ Павловскѣ.

Я вовсе не отрицаю талантности Иванова-Козельскаго, но онъ неумѣло примѣнилъ ее, стремясь къ непосильному для него репертуару.

Въ провинціи народилось немало подражателей Иванова-Козельскаго, старавшихся усвоить ноюшій, плаксивый тонъ его игры.

Въ отношеніи примѣрной сценической работы онъ явился для провинціального актерства образцомъ безусловно выдающимся.

Попади онъ съ первыхъ шаговъ своей дѣятельности на свою дорогу, ограничиваясь бытовымъ репертуаромъ, онъ бы достигъ не такихъ результатовъ. Но тогда актеры любили гамлетничать и играть въ Росси и Сальвини.

Двадцать пять лѣтъ добрыхъ отношеній съ покойнымъ Сазоновымъ даютъ мнѣ возможность вспомнить о немъ болѣе обстоятельно. Талантъ Николая Федоровича обреченъ былъ сначала на служеніе опереткѣ. Впрочемъ, въ ней Сазоновъ былъ первымъ. Оперетку въ Александринскомъ театрѣ прививали настойчиво режиссеръ А. А. Яблочкинъ, В. А. Крыловъ и В. С. Курочкинъ. Я упоминаю здѣсь имя Василя Степановича Курочкина, который переводилъ оперетки и увлекался ими, несмотря на то, что отъ него такихъ симпатій къ тогдашней Оффенбахіадѣ можно было ждать менѣе всего. На него непріятно

подѣйствовало стремленіе Сазонова отдѣлаться отъ оперетки.

Конечно, и оперетка переродилась; для меня понятно увлеченіе ею въ то время даже интеллигенціи: она была остроумна, зла, игрива, но не цинична и не пошла до такой степени, какъ она развернулась въ настоящее время. Это двѣ совсѣмъ не похожія одна на другую женщины: прежняя оперетка— дама подъ вуалью, остроумная, даже, если хотите, до нѣкоторой степени литературная, потому что ея рѣчи, куплеты и романсы переводились съ тщательностью литераторами. Нынѣшняя оперетка, за самымъ ограниченнымъ исключеніемъ,—наглая, тупая, плохо говорящая по-русски, съ исковерканной исполнительями и кустарями-переводчиками рѣчью.

И тогда и позже все даровитое бѣжало отъ оперетки, не соблазняясь ея лаврами и дешевымъ успѣхомъ. Для настоящаго актера, серьезнаго, трудящагося есть вѣчный идеалъ—драматическая сцена. Къ сожалѣнію, не у всѣхъ хватало и хватаетъ характера разстаться съ опереткой, и въ ней, какъ въ тинѣ, вязли и гибли выдающіеся исполнители.

Главная причина этого большіе, до неприличія, оклады опереточныхъ актеровъ. Они получаютъ министерскія жалованья, не имѣя на то, собственно говоря, никакого права.

Сазоновъ не могъ мириться съ опереточной атмосферой и пробовалъ свои силы въ драматическомъ репертуарѣ. Когда ему говорили комплименты за исполненіе ролей Париса или Пикилло, Н. Ф. благодарилъ, но при этомъ замѣчалъ:

— Когда Александринскій театръ избавится отъ оперетки, я жду-не-дождусь.

Окончательнымъ поворотомъ въ дѣятельности Сазонова я считаю роль адвоката Куницына въ «Ваалѣ» Писемскаго, появленіе Н. Ф. въ роли Чацкаго (четвертый актъ), нѣсколько ролей въ пьесахъ В. Крылова («Земцы», «По духовному завѣщанію» и др.), репертуаръ Островскаго и роль Бѣлугина въ «Женитьбѣ Бѣлугина» Соловьева и Островскаго.

Я былъ у Сазонова въ уборной послѣ исполненія имъ въ первый разъ 4-го акта «Горя отъ ума». Тогда никто не вѣрилъ, что онъ прочтетъ съ такимъ темпераментомъ и воодушевленіемъ монологъ Чацкаго. Въ уборной собралось нѣсколько литераторовъ и рецензентовъ, поздравлявшихъ Сазонова.

А. Θ. Писемскій, въ моемъ присутствіи, обнималъ Сазонова за роль Куницына и потомъ говорилъ, что не ожидалъ такого исполненія, не думалъ, что Сазоновъ такой актеръ.

Провъ Михайловичъ Садовскій, пріѣзжая въ Петербургъ на гастроли, не разъ предсказывалъ Сазонову хорошую будущность. В. И. Живокини особенно къ нему благоволилъ. Сыгравъ съ С. В. Шумскимъ Елесю въ «Не было ни гроша, да вдругъ алтынъ», Сазоновъ отъ него также услышалъ комплименты,— а Шумскій, какъ я говорилъ, больше любилъ Монахова, съ которымъ Сазоновъ тогда дѣлилъ репертуаръ.

Оперетка скончалась въ Александринскомъ театрѣ, и Сазоновъ выбился на правильную дорогу. Бѣлугинъ—это былъ его триумфъ. Весь Петербургъ говорилъ о Сазоновѣ. Николай Федоровичъ отлично понималъ, что лучший другъ театра — литература, и

сблизился съ ея представителями, прислушиваясь къ ихъ голосамъ. Женитьба его на С. И. Смирновой, нашей талантливой писательницѣ, еще болѣе сблизила его съ литературными кружками.

Недешево, однако, давались Сазонову его успѣхи: онъ работалъ какъ волъ, его добросовѣстность обращала общее вниманіе. На счастье Сазонова явилась М. Г. Савина, и вотъ съ ней-то онъ буквально четверть вѣка везъ на плечахъ весь репертуаръ. Неожиданная смерть талантливаго Монахова еще болѣе усилила его дѣятельность. Савина, Монаховъ и Сазоновъ играли, напримѣръ, «Злобу дня» Н. А. Потѣхина такъ, что это былъ прямо концертъ. На чтѣ москвичи народъ самолюбивый, предпочитающій всему свое, и они отдавали дань этому исполненію.

Съ годами Сазоновъ занялъ видное положеніе на сценѣ Александринскаго театра. Появленіе В. Н. Давыдова, несмотря на успѣхи послѣдняго, не поколебало положенія Сазонова. Труппа Александринскаго театра выросла, ансамбль окрѣпъ, а Сазоновъ занималъ въ ней попрежнему одно изъ первыхъ мѣстъ.

И только года за два, за три до смерти Сазоновъ сталъ рѣже появляться на сценѣ, его начали какъ будто забывать: не публика, но за кулисами. Сазоновъ отъ времени до времени жаловался, чего прежде никто отъ него не слыхалъ. Ничто такъ не огорчаетъ истиннаго артиста, какъ бездѣйствіе. Въ Сазоновѣ не трудно было замѣтить перемѣну. На сцену поступила его дочь Л. Н. Шувалова, которую тоже оставляли въ тѣни, и это еще больше разбавляло горечь Николая Федоровича.

Онъ очутился почти въ томъ положеніи, въ ка-

комъ былъ И. Ѳ. Горбуновъ. Однажды Сазоновъ разсказалъ мнѣ слѣдующее:

— Я, Александръ Алексѣевичъ, не узнаю Горбунова. Не узнаю съ тѣхъ поръ, какъ его дочь поступила на сцену. Вчера онъ пришелъ въ уборную и плакалъ, горькими слезами плакалъ... какъ ребенокъ... дочери его не даютъ хода...

Не сомнѣваюсь, что близокъ къ этому былъ и Николай Федоровичъ, котораго къ тому же и самого словно отдаляли отъ дѣлъ. Пошли сплетни, что онъ не желаетъ уступать ролей молодежи. Это глубоко возмутило Сазонова, и онъ откровенно высказалъ мнѣ свое негодованіе.

Сазоновъ занемогъ, а почва содѣйствовала болѣзни: нервы были расшатаны, истрепаны. Онъ скончался. Тогда со всѣхъ сторонъ послышалось: «какого артиста потеряли!» «кто замѣнитъ Сазонова?» Что ни роль Сазонова, то всѣ, и публика и артисты вспоминаютъ:

— Какъ тутъ былъ великолѣпнень Сазоновъ!

— Помните здѣсь Сазонова!..

Такъ продолжается и до сихъ поръ.

Сазоновъ не былъ талантомъ первокласснымъ, но онъ намъ замѣнялъ ихъ, потому что талантовъ вообще мало, и потому что онъ не зарывалъ дара Божьяго въ землю. Онъ разработалъ свой талантъ всесторонне, съ любовью, съ вѣрой въ него и доказалъ, что значитъ подобное отношеніе къ любимому дѣлу. Александринскій театръ называютъ образцовымъ театромъ, а Сазоновъ былъ образцовымъ актеромъ безспорно. Дай Богъ, чтобы ему подражали всѣ. Каждый скромный драматургъ, не говоря о

большихъ, встрѣчалъ въ немъ сотрудника, надежнѣйшаго исполнителя, а не самомнящаго актера, относящагося къ нему чуть не покровительственно, высоко. Изученіе роли, любовь къ дѣлу Сазонова подкупали рѣшительно всѣхъ; взявшись за роль, онъ готовился къ ней серьезно, онъ болѣлъ и радовался вмѣстѣ съ авторами. Какъ же было не цѣнить такого актера, какъ не жалѣть его.

Въ наше время безъ страха и сомнѣнія молодежь беретъ за Гамлета, Чацкаго, Шейлока, Хлестакова. Въ прежнее время появленіе молодого актера въ какой-нибудь классической пьесѣ было событіемъ. Строже, взыскательнѣе были и начальство, и публика, и критика. Случались промахи, ошибки, но тѣхъ фактовъ, съ которыми мы встрѣчаемся теперь — не знали! Тогда не могли проскакивать на сцену чуть не любители и брать въ руки бразды правленія, назначаться режиссерами и мечтать о созданіи какихъ-то особенныхъ молодыхъ театровъ.

Оттого и актеръ вырабатывался иначе, пробивая дорогу трудомъ, а не хватаясь за роли наскокомъ.

Можетъ быть, причину того, что образцовое дѣло пошатнулось, традиціи надломились, нужно искать въ созданіи частной конкуренціи. Актеры перестали дорожить положеніемъ и переходятъ изъ театра въ театръ. Такъ или иначе, но мы, за ограниченнымъ исключеніемъ, не видимъ на сценѣ Сазоновыхъ, не видимъ такого образцоваго отношенія къ дѣлу, такихъ друзей драматурга.

Отъ Сазонова дирекція не слышала въ теченіе его службы угрозъ объ уходѣ или переходѣ въ другой театръ, потому что онъ любилъ свой театръ и,

несмотря ни на какія временныя неудачи, не могъ думать о разставаньи съ нимъ. Всѣ помыслы, вся душа его была здѣсь, въ Александринскомъ театрѣ, успѣхи котораго были ему одинаково дороги, какъ и свои собственные.

Съ удивительной деликатностью и преданно относился Сазоновъ къ любимому искусству.

И за все время чуть ли не сорокалѣтней службы онъ ни разу не измѣнилъ себѣ, оставаясь вѣрнымъ слугой дѣла.

Съ какой робостью, боязнью ѣздилъ тотъ же Сазоновъ незадолго передъ смертью гастролировать въ Москву. Онъ дрожалъ, волновался передъ выходомъ на сцену, что самъ подтвердилъ мнѣ. Громкое имя Сазонова и при этомъ его скромность и робость положительно бросались въ глаза. Это, конечно, болѣе вѣрный путь къ славѣ, нежели самомнѣніе.

Въ лицѣ Сазонова сошелъ со сцены тотъ типъ русскаго актера, присутствіе котораго именно желательно на ней. Къ сожалѣнію, достойныхъ замѣстителей у него не много, оттого и драматургу стало тяжелѣй... Сплошь и рядомъ на любой сценѣ двѣ трети актерства недовольны ролями, отказываются отъ нихъ, словно одолженіе дѣлаютъ писателю.

Сазоновъ умѣлъ щадить самолюбіе автора и понималъ, что безъ драматурга онъ пропалъ бы. Мы же бываемъ свидѣтелями противнаго, когда не щадятъ ни самолюбія, ни нервовъ, ни труда писателя.

Мѣсяца за три до кончины Сазонова, я обѣдалъ въ Собраніи Сельскихъ Хозяевъ и собирался уходить, какъ въ комнату для гостей вошелъ Николай Федоровичъ. Тутъ встрѣтилъ его еще присяж-

ный повѣренный П. И. Танѣевъ, съ которымъ они оказались на «ты».

Сазоновъ былъ въ возбужденномъ состояніи и рассказалъ мнѣ проникшій въ печать слухъ о театральныхъ дѣлахъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ нему.

— Какъ вы мнѣ посоветуете, — спросилъ онъ, — напечатать письмо, или, можетъ быть, вы поможете мнѣ въ этомъ?

Н. Ф. Сазоновъ разъяснилъ мнѣ тревожившіе его вопросы, и я обѣщаль написать статью и высказать свое мнѣніе по поводу театральныхъ порядковъ. На другой день статья эта была помѣщена въ одной изъ петербургскихъ газетъ.

— А гдѣ у васъ, Николай Федоровичъ, письмо, вы приготовили его?

— Да, но теперь оно ни къ чему, если вы напишете.

— Дайте мнѣ его все-таки на случай.

Сазоновъ передалъ мнѣ это письмо, которое я сохранилъ. Я былъ противъ помѣщенія письма отъ его имени, такъ какъ оно могло вызвать объясненія, отвѣтъ, а это раздражило бы талантливаго артиста.

Привожу теперь это письмо цѣликомъ:

«Не знаю, откуда идетъ слухъ о томъ, что режиссеры Александринскаго театра затрудняются будто передавать вновь приглашеннымъ артистамъ роли старыхъ артистовъ и, между прочимъ, мои. Къ чести нашего режиссерскаго управленія я долженъ заявить, что отъ него этотъ слухъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ исходить. Никогда режиссеры Император-

скаго театра не позволять себѣ распускать завѣдомо ложныхъ слуховъ. Я же никому изъ нихъ не заявлялъ претензій на то, что мои прежнія роли составляютъ мою исключительную собственность. Не говоря уже о томъ, что для нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр., для Никиты во «Власти тьмы», я устарѣлъ, и, еслибъ мнѣ назначили ее вновь, я самъ просилъ бы передать ее другому, болѣе молодому исполнителю; я не думаю, чтобы въ интересахъ актера было повторять только старыя роли, въ которыхъ онъ выступалъ 10 и 20 лѣтъ тому назадъ. И если режиссерское управленіе пригласило на эти роли новыхъ исполнителей, то, конечно, не для того, чтобы оставить ихъ за Сазоновымъ. Претендовать на это было бы странно. Обновленіе труппы и приливъ новыхъ талантовъ во всякомъ театрѣ явленіе желательное. Но желательно ли, чтобы старые актеры оставались безъ дѣла, это другой вопросъ. Или они въ труппѣ совсѣмъ лишніе, тогда надо ихъ удалить, или они еще могутъ быть полезны, тогда не надо исключать ихъ изъ репертуара.

Странное заключеніе, что отъ ухода г-жи Коммиссаржевской выигрываютъ будто бы Давыдовъ и Сазоновъ, не заслуживаетъ даже опроверженія. Дадутъ ли мнѣ за сорокалѣтнюю службу бенефисъ или нѣтъ, это не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ уходу г-жи Коммиссаржевской ¹⁾. Наградные бенефисы служатъ только оцѣнкой дѣятельности артиста со стороны дирекціи и публики».

¹⁾ Было напечатано въ «Пет. Газетѣ», что, въ виду ухода Коммиссаржевской, ея бенефисъ получить Сазоновъ.

Протестъ Николая Федоровича былъ безусловно справедливъ; изъ письма ясно видно, что для этого были основательные мотивы. Но и помимо того въ письмѣ проскальзываетъ намекъ артиста, что онъ «лишній», что «лишнихъ надо удалять». Очевидно, что рѣдкое появленіе его на сценѣ и неблагоприятствующій для него репертуаръ огорчали его. Это огорчало и публику, замѣчу я, которая послѣдніе сезоны рѣдко видѣла своего любимца на сценѣ.

Изъ клуба мы пошли съ Сазоновымъ къ нему пить чай; я провелъ въ его семьѣ весь вечеръ и записалъ много изъ сказаннаго Сазоновымъ о прошломъ его дѣятельности.

Спустя мѣсяцъ я встрѣтилъ Н. Ф. Сазонова вечеромъ на Невскомъ пр. Онъ мнѣ сказалъ, что у него переутомленіе, и что академикъ И. П. Мержеевскій приказалъ ему гулять два раза въ день,—два часа утромъ и два часа вечеромъ. Меня удивила рѣчь Сазонова, я замѣтилъ, что она не та, не прежняя, что онъ какъ-то тянетъ, говоритъ иначе, какъ будто губы у него движутся при разговорѣ неправильно. Сазоновъ жаловался мнѣ на потерю памяти, на забывчивость, что онъ не помнитъ названій разныхъ предметовъ. Я заподозрилъ, что у него афазія. Послѣдній разъ я встрѣтилъ Сазонова днемъ на Б. Морской, и мы разговаривали минутъ пять; ему, по-моему, было лучше. Я видѣлъ въ тотъ же вечеръ М. Г. Савину, бесѣдовавшую съ Сазоновымъ наканунѣ. Она нашла, что здоровье его—слава Богу.

Затѣмъ я съ Сазоновымъ не встрѣчался, но, въ виду слуховъ о его болѣзни, написалъ ему письмо,

на которое получилъ отвѣтъ отъ С. И. Сазоновой Изъ письма я понималъ, что положеніе неважное.

Узнавъ о смерти Николая Федоровича, я былъ страшно пораженъ, потому что и думать не могъ о такой быстрой развязкѣ. Николай Федоровичъ былъ здоровякъ, румяный, несмотря на свои солидные годы. Онъ часто мнѣ говорилъ, что не любитъ докторовъ: не лѣчится—и потому чувствуетъ себя хорошо.

Сазоновъ стоялъ нѣсколько лѣтъ во главѣ Народнаго дома Императора Николая II, и, слѣдовательно, дѣятельность его удвоилась тогда, а потому немудрено было дѣйствительно переутомиться.

Лѣтомъ 1902 года Сазоновъ первый разъ игралъ въ Москвѣ, гдѣ былъ принятъ восторженно. По возвращеніи въ Петербургъ онъ появился, между прочимъ, въ новой роли, которая и была вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдней большой ролью его репертуара. Онъ выступилъ въ моей пьесѣ «Неврастеники», которая шла въ первый разъ и съ его участіемъ въ Павловскѣ и Ораніенбаумѣ. Онъ съ рѣдкимъ комизмомъ изобразилъ неврастеника.

Сообщу нѣсколько небезынтересныхъ біографическихъ свѣдѣній изъ жизни Николая Федоровича Сазонова, записанныхъ мною съ его словъ.

Въ театральномъ училищѣ профессоромъ драматическаго искусства былъ В. П. Василько-Петровъ, извѣстный фельетонистъ и авторъ пьесъ, а въ главномъ общ. росс. желѣзныхъ дорогъ служилъ молодой человѣкъ—Сазоновъ, который бредилъ театромъ и мечталъ сдѣлаться актеромъ... Связующаго элемента между названными личностями не было, и познакомиться имъ было трудно...

Идетъ Сазоновъ по улицѣ и встрѣчаетъ Василько-Петрова...

— Извините меня,—проговорилъ Сазоновъ застѣнчиво,—кажется, вы В. П. Василько-Петровъ?

— Да...

— Мнѣ давно хотѣлось познакомиться съ вами, а потому извините, что на улицѣ остановилъ васъ... Помогите мнѣ поступить на сцену,—это моя мечта!

Василько-Петровъ разсмѣялся, ободрилъ Сазонова, просилъ придти къ нему и рекомендовалъ его Павлу Степановичу Ѳедорову, начальнику репертуара и театральнаго училища, который согласился записать молодого человѣка въ число экстерновъ. Начало ученія было полно неудачъ и разочарованій... Сазонова *за бездарность* хотѣли даже уволить изъ школы, но случай выручилъ: идетъ Сазоновъ съ Василько-Петровымъ на репетицію въ училище и встрѣчаютъ въ Лѣтнемъ саду актера В. Я. Полтавцева, который искалъ молодого актера во Владимірѣ и просилъ Василько-Петрова рекомендовать.

— Да вотъ вамъ, берите Сазонова!.. — отвѣчалъ тотъ.

Черезъ два дня Сазоновъ уже уѣхалъ съ Полтавцевымъ во Владимірѣ, гдѣ выступилъ подъ фамиліей Шувалова, числясь, однако, въ школѣ.

До отъѣзда дебютъ Сазонова въ школѣ, благодаря испугу и застѣнчивости исполнителя и неуклюжести его пріемовъ, вызвалъ хохотъ и потерпѣлъ фіаско. Возвратившись изъ Владиміра, гдѣ Сазоновъ пріобрѣлъ нѣкоторую опытность и апломбъ, онъ случайно, за болѣзною Новикова-Иванова, исполнилъ на ученическомъ спектаклѣ роль Хорькова въ «Бѣд-

ной невѣстѣ» Островскаго, а вскорѣ роль Бородкина въ пьесѣ того же автора «Не въ свои сани не садись»... Въ Троицынъ день Сазоновъ изъ экстерновъ былъ сдѣланъ пансіонеромъ училища, съ окладомъ—десять рублей въ мѣсяцъ, на которые приходилось содержать семью и самого себя. Будучи пансіонеромъ, юный Сазоновъ дебютировалъ въ Александринскомъ театрѣ въ ком. «Не всякому слуху вѣрь»...

Представьте себѣ, что писавшій тогда театральные фельетоны въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» Корша В. А. Крыловъ-Александровъ, въ послѣдствіи обязанный Сазонову успѣхомъ большинства своихъ пьесъ, утвердительно опредѣлилъ, что изъ дебютанта *ровно ничего не выйдетъ*, что онъ лишенъ способностей... Потомъ ни одна пьеса Крылова-Александрова не обходилась безъ участія Сазонова.

Послѣ дебюта Сазоновъ былъ опредѣленъ на выходныя роли въ два-три слова, но тутъ опять случай выручилъ артиста. За отъѣздомъ А. А. Алексѣева, Сазоновъ появился на сценѣ Каменноостровскаго театра въ водевиляхъ «Трусъ» и «Танцоръ въ хлопотахъ», которые исполнялъ потомъ постоянно съ полнымъ успѣхомъ. Послѣ этихъ ролей на долю Сазонова выпалъ первый одобрителный отзывъ въ печати, принадлежавшій М. Г. Вильде. Жалованье по выпускѣ изъ школы назначили молодому артисту въ размѣрѣ 600 р. въ годъ.

Н. Ф. Сазоновъ однажды игралъ въ Красносельскомъ театрѣ въ спектаклѣ-gala какой-то водевилъ съ Василиемъ Живокини. Послѣдній шелъ по суфлеру.

— Какъ бы это намъ...—говорилъ Живокини.—Добавимъ, Николаша, кое-что.

— Что именно, Василій Игнатьевичъ?

— Діалоги...

— Т.-е. какъ?

— Да такъ, добавимъ своего...

Они говорили то, чего не было въ водевилѣ, и успѣхъ оказался огромнымъ. Оба были награждены подарками.

Н. Ф. Сазоновъ однажды въ юности поѣхалъ на острова на тройкѣ вмѣстѣ съ драматургомъ и журналистомъ М. П. Федоровымъ, будущимъ редакторомъ «Новаго Времени», и артисткой Иксъ. Послѣдняя сидѣла между ними. Она очень нравилась Михаилу Павловичу Федорову. Сазонову было холодно, руки дрогли.

— Я взялъ,—говорилъ Сазоновъ,—и сунулъ руку въ муфту Иксъ, а Федоровъ, думая, что это ея рука, ухватился за мою.

— Миша!—обратился Сазоновъ къ Федорову.

— Что тебѣ?

— Не жми руку-то!

— А тебѣ какое дѣло!

— Да вѣдь мою ты жмешь!

— Ахъ, чортъ возьми!

Разсердился Федоровъ и не разговаривалъ дорогой съ Сазоновымъ.

— Съ Садовскимъ, Провомъ Михайловичемъ, мы все спорили проѣздомъ изъ Каменноостровскаго театра!—вспоминалъ Сазоновъ.

— О чемъ?

— Ворчалъ Садовскій, порицая Петербургъ, и хвалилъ Москву. Ну, что это за рѣка Нева!—гово-

рилъ онъ.—Порядочная рѣка не потечетъ на шестьдесятъ верстъ!

Просматривая портреты Сазонова у одного театралы, я увидѣлъ Николая Федоровича Парисомъ и посыльнымъ. Въ видѣ посыльнаго онъ когда-то въ пьесѣ «Со ступеньки на ступеньку» распѣвалъ модныя куплеты «Шиши».

Весь Петербургъ повторялъ эти «Шиши», и даже знаменитая Луиза Филиппо, тогдашняя звѣзда кафе-шантана, пѣла ихъ въ отдѣльныхъ кабинетахъ ресторановъ Бореля и Дюссо.

У В. В. Самойлова, жившаго прежде въ своемъ домѣ на Николаевской улицѣ, Сазоновъ хотѣлъ снять квартиру, но не сходилъ съ Василиемъ Васильевичемъ въ цѣнѣ... Онъ предлагалъ 16 руб., а Василии Васильевичъ просилъ 18 руб. На этотъ счетъ сохранился въ памяти Сазонова забавный фактъ... Давали пьесу «Ришелье», котораго изумительно игралъ Самойловъ... Въ концѣ пьесы, когда Ришелье однихъ наказуетъ, а приближенныхъ награждаетъ, Сазоновъ, изображавшій пажа, сталъ на колѣни и шепнулъ Ришелье:

— Нельзя-ли уступить квартиру за 16 рублей?

— «Никогда не говори: нельзя!» отвѣчалъ Ришелье, при чемъ улыбнулся и шепнулъ въ сторону:— «уступаю!»

Сазоновъ, выторговавъ два рубля, перебрался въ домъ Самойлова и, благодаря сосѣдству, прошелъ съ послѣднимъ нѣсколько ролей, какъ, на примѣръ, Ивана въ вод. «Барская спѣсь». Самойловъ самъ игралъ эту роль.

Отчего гибнутъ наши таланты? Не оттого ли въ

большинствѣ случаевъ, что награжденные ими отъ природы самородки забываютъ о трудѣ, объ отдѣлкѣ, о шлифовкѣ талантовъ? Сазоновъ въ этомъ отношеніи представлялъ счастливое исключеніе.

Что такое былъ знаменитый Коклэнъ? Талантливый человѣкъ, одаренный вовсе не крупнымъ талантомъ, но какихъ результатовъ онъ достигъ! Это былъ французскій Сазоновъ, и мнѣ становилось обидно за русскаго актера, когда во время гастролей въ Петербургѣ Коклэна критики, со свойственной имъ слабостью къ Европѣ, высказывали мнѣнія: пускай, молъ, наши поучатся у знаменитаго Коклэна, нѣтъ у насъ подобнаго ему актера...

Коклэновъ въ тѣ времена въ Петербургѣ было немного, но Сазоновъ былъ имъ безспорно.

До Владиміра Николаевича Давыдова Коклэнъ никогда не поднимался. Объ этомъ двухъ мнѣній быть не можетъ.

Я откровенно высказалъ свое мнѣніе Сазонову о Коклэнѣ и о русскихъ актерахъ, способности которыхъ у насъ до сихъ поръ любятъ умялять передъ западными гастролерами.

Сазоновъ, помнится мнѣ, замялся, отвѣтилъ, что находить для себя неудобнымъ высказываться по этому вопросу... конечно, по нашей россійской скромности. Любимъ мы себя потоптать, принизить предъ иностранцами. Посмотрите, сколько замѣчательныхъ талантовъ открывали и открываютъ въ Михайловскомъ театрѣ!

А своихъ, словно, боимся выдвинуть, смѣлости часто не хватаетъ! Ну, да это старая исторія.

Въ лѣтописи Александринскаго театра послѣдней

четверти прошлаго вѣка имя Сазонова займетъ не одну страницу.

Мы, очевидцы, современники Сазонова, обязаны это подчеркнуть. Къ Сазонову въ предлагаемой книгѣ я возвращусь еще не разъ.

За кулисами Александринскаго театра познакомился я съ Петромъ Михайловичемъ Медвѣдевымъ, приглашеннымъ дирекціей въ качествѣ руководителя труппы послѣ А. А. Потѣхина.

Кто хоть немного былъ близокъ къ русскому театру, тотъ зналъ, что въ провинціи есть знаменитый «Петръ Михайловичъ».

Волга его знала, за Волгой—вся Россія. Такъ и величали его просто «Петръ Михайловичъ».

Кто у него ни переигралъ изъ корифеевъ русской сцены? Кого ни спросишь — начиналъ у Петра Михайловича.

— Я, вѣдь, у Петра Михайловича служилъ!

Это былъ папаша русской провинціальной сцены второй половины девятнадцатаго вѣка.

Онъ самъ игралъ, но слава антрепренерства затемняла его славу, какъ актера. Въ качествѣ актера Медвѣдева я увидѣлъ впервые, какъ это ни странно, едва ли не въ «Маскоттѣ», гдѣ онъ игралъ на сценѣ лѣтняго театра «Аркадія» — герцога.

Плохо онъ игралъ, мямлилъ, тянулъ и совсѣмъ не былъ слышенъ. Незамѣтно промелькнулъ П. М. Медвѣдевъ и исчезъ съ петербургскаго горизонта.

Едва ли не по иниціативѣ В. П. Погожева, управлявшаго конторою Императорскихъ театровъ и впоследствии автора ряда цѣнныхъ историческихъ изслѣ-

дованій по театру, былъ приглашенъ на петербургскую сцену Медвѣдевъ руководителемъ русской труппы.

Имя Петра Михайловича давало ему право занять эту должность, но подходилъ ли онъ къ ней?

Нѣтъ, онъ запоздалъ пожаловать въ Петербургъ. У него было большое чутье стараго театральнаго человѣка, но онъ не былъ человѣкомъ интеллигентнымъ, начитаннымъ, подготовленнымъ для новой роли.

Онъ даже по тому времени отсталъ отъ требованій образцовой сцены; онъ оказался довольно-таки безхарактернымъ, усталымъ человѣкомъ, отъ котораго проявленія самостоятельной инициативы ждать представлялось труднымъ.

Милый, обходительный, съ багажомъ воспоминаній и анекдотовъ, онъ былъ встрѣченъ актерствомъ съ почтеніемъ и радушіемъ.

Проникнуть Медвѣдевъ былъ благими намѣреніями, но пользы принести Александринскому театру не могъ.

Въ Петербургѣ Медвѣдевъ выдвинулся скорѣе какъ актеръ, преимущественно въ русскихъ пьесахъ. У него оказался мягкій, не яркій комизмъ, была простота.

Медвѣдева мы увидѣли на склонѣ лѣтъ, и смѣшно бы было требовать отъ него необычайнаго. Слишкомъ много пожертвовалъ онъ жизни для русскаго театра до пріѣзда своего въ Петербургъ, потрудился, и мнѣ Петръ Михайловичъ представлялся болѣе не современнымъ актеромъ, а исторической театральной фигурой, почтенной фигурой.

Его надо было пригласить въ труппу образцоваго

театра за его заслуги, предоставить ему извѣстный почетъ, но ввѣрить ему труппу, ввѣрить сцену—было поздно. Тихо, спокойно поигрывалъ Петръ Михайловичъ и кончилъ здѣсь свои дни.

Пріятный, заслуженный былъ человекъ! Вотъ все, что могу сказать про него.

Спасибо ему за то, что онъ воспиталъ въ суровое для театра время легионъ выдающихся русскихъ актеровъ, отгадывая и выдвигая ихъ дарованія.

По сравненію съ нимъ другіе антрепренеры провинціи были тогда мелки, незначительны.

Александринская сцена ему лавровъ не прибавила, да и онъ лично не украсилъ ее, но всякій помянетъ его добрымъ словомъ.

Изъ режиссеровъ Александринской сцены я довольно обстоятельно прослѣдилъ дѣятельность Федора Александровича Федорова-Юрковского. Онъ былъ сначала актеромъ, слылъ за образованнаго, корректнаго человекъ и полезнаго актера. Почему-то его обрели одно время на изображеніе евреевъ («Ваалъ» и др.).

Съ назначеніемъ его режиссеромъ, отъ него ждали многого, и актеры были довольны этимъ назначеніемъ.

Когда всѣ довольны на сценѣ кѣмъ-нибудь,—это не рекомендуетъ избранника. Говорю не про данный случай, а вообще, поскольку я наблюдалъ.

Деликатный Федоръ Александровичъ, какъ режиссеръ, отъ котораго въ тѣ времена не требовалось нынѣшней изобрѣтательности, не хваталъ звѣздъ съ неба и не портилъ ничего. Все обставлялось и ставилось аккуратно, примитивно, по тогдашнимъ требованіямъ прилично и умно. Давались указанія акте-

рамъ, гдѣ стать, въ какія двери уйти, гдѣ продлить паузу, какъ лучше загримироваться! Психологія пьесы или дѣйствующихъ лицъ не вызывала преній, исполнители пользовались свободой творчества...

Я оставилъ службу въ Александринскомъ театрѣ, обидѣвшись на Ѳедорова-Юрковскаго, который, ставя пьесу И. Н. Ге «Карьеристъ», когда заболѣлъ кто-то изъ исполнителей, не передалъ роли мнѣ. Я просилъ его, онъ обѣщалъ, но забылъ про меня, и роль получилъ Н. Л. Глазуновъ.

Я ушелъ со сцены и больше не возвращался.

Впрочемъ, это былъ только предлогъ съ моей стороны: я рѣшилъ покинуть службу, такъ какъ началъ работать въ «Петербургской Газетѣ», и что бы ни появилось тамъ объ Александринскомъ театрѣ, все приписывали мнѣ. Создавалась тяжелая атмосфера. Уходъ мой со службы превратилъ меня изъ актера въ журналиста, хотя сцены я не покидалъ еще, игралъ въ частныхъ театрахъ.

При Ѳ. А. Ѳедоровѣ-Юрковскомъ поставлена въ Александринскомъ театрѣ первая большая пьеса А. П. Чехова «Ивановъ», которая шла въ бенефисъ самого режиссера. Въ постановкѣ этой принималъ участіе В. Н. Давыдовъ, ставившій пьесу въ Москвѣ, о чемъ скажу далѣе, и игравшій роль Иванова.

Только что упомянувъ имя Владиміра Николаевича Давыдова, перваго изъ современныхъ актеровъ русской, а не только Александринской сцены, я хочу мимоходомъ вспомнить о первыхъ его шагахъ въ Петербургѣ, не касаясь текущей славной его дѣятельности: она передъ нами.

Когда выступаетъ на сценѣ новый актеръ, дебю-

тантъ, и имѣеть успѣхъ, объ этомъ успѣхѣ говорятъ, имъ интересуются. Одни привѣтствуютъ актера, другіе со злобой копаются въ его недостаткахъ, возникаютъ споры.

Когда блеснетъ на сценѣ истинный талантъ, публика хоромъ, какъ одинъ человекъ, его разгадаетъ.

Одной изъ первыхъ ролей В. Н. Давыдова былъ Бальзаминовъ. Я присутствовалъ на этомъ спектаклѣ.

Давыдовъ захватилъ публику, она почувяла, что передъ ней большой художникъ. Въ антрактѣ, послѣ настоящей оваціи, въ залѣ Александринскаго театра стоялъ гулъ.

Гудить, вся зала гудить! Каждый желаетъ подѣлиться впечатлѣніемъ, провѣрить себя. Всѣ въ неподнятомъ состояніи — талантъ пришелъ! Дождались его!

Алексѣй и Николай Потѣхины торжествовали. Они давно кричали: «посмотрите, что это за актеръ!»

Встрѣтилъ своего отца А. Н. Плещеева въ коридорѣ—словно двѣсти тысячъ выигралъ.

«Давыдовъ, Давыдовъ!»—только и слышно.

Такъ встрѣчали Савину и Давыдова, такъ не восторгались Самойловымъ, Павломъ Васильевымъ, Шумскимъ, потому что ихъ знали, и знали, что они дадутъ.

А тутъ съ неба упали таланты, пришли изъ какой-то провинціи, даже безъ патентовъ на знаменитость.

Не обошлось и безъ курьеза. Николай Антиповичъ Потѣхинъ, авторъ «Злобы дня», «Нищихъ духомъ» и другихъ пьесъ, любившій сболтнуть для краснаго словца, кому-то сказалъ про Давыдова:

— Ученикъ мой!

Это передали Горбунову.

— Погодите, одинъ ли Николай Антиповичъ его учителемъ будетъ... у талантливыхъ людей ихъ всегда пропасть! откуда берутся? Безъ учителей ничего не выйдетъ...

Горбуновъ, со свойственной ему наблюдательностью, удивительно вѣрно подмѣтилъ, какъ около талантливаго человѣка вырастаетъ всегда толпа учителей, которымъ этотъ человѣкъ обязанъ больше, нежели собственному таланту.

Бываетъ и наоборотъ: «Я Самойловскій ученикъ!»—говорилъ, бѣя себя въ грудь, бывшій актеръ Александринскаго театра Измайловъ.

Давыдовъ, изображая Бальзамина, чуть-чуть пришепетывалъ. Ну, конечно, послѣ него къ этому прибѣгали всѣ исполнители этой роли.

Даже и такой рѣдкій талантъ, какъ нашъ Владиміръ Николаевичъ, въ силу тяжелаго режима Александринскаго театра покидалъ послѣдній. Онъ уходилъ въ труппу московскаго театра Корша. Давыдовъ дебютировалъ еще въ роляхъ Сиводушина въ «Нищихъ духомъ», Сладнева въ «Маіоршѣ» и Ладыжкина въ «Женихѣ изъ долгового отдѣленія».

— Въ провинціи,—говорилъ мнѣ Давыдовъ,—я не только игралъ въ комедіи и драмѣ, но когда-то и въ операхъ пѣлъ и въ балетахъ участвовалъ и даже фокусы показывалъ. У покойнаго Медвѣдева въ Казани участвовалъ въ балетахъ: «Два вора — Робертъ и Бертрамъ», «Мельники», «Волшебная флейта» и др.; танцевалъ мазурку въ «Жизни за Царя»; пѣлъ Торопку не разъ въ «Аскольдовой могилѣ», Бартоло

въ «Севильскомъ цирюльникѣ». Расскажу вамъ курьезъ. Въ Казань пріѣхалъ извѣстный тогда фокусникъ Эпштейнъ, дававшій представленія и въ Петербургѣ; я игралъ водевиль «Бѣда отъ сердца и горе отъ ума». Это было послѣ перваго представленія Эпштейна. Я загримировался имъ и вышелъ чрезъ устроенный, какъ и на его представленіи, мостикъ въ публику и продѣлалъ рядъ его фокусовъ. Что вы думаете, сборъ-то я ему второй подорвалъ. Въ публикѣ его слава поблекла.

Въ Москвѣ Давыдовъ особенно сблизился съ Антономъ Павловичемъ Чеховымъ, бывавшимъ тамъ за кулисами.

Мы вспоминали съ В. Н. Давыдовымъ о Чеховѣ. Разговоръ завязался по поводу возобновленія въ Александринскомъ театрѣ Чеховскаго «Иванова». Давыдовъ можетъ быть названъ крестнымъ отцомъ «Иванова»: онъ поставилъ пьесу первый разъ въ Москвѣ, и онъ же затѣмъ поставилъ ее въ Петербургѣ. «Ивановъ» былъ первой большою пьесой Антона Павловича, увидѣвшей сцену.

Чеховъ не разъ заглядывалъ за кулисы, бывалъ у Давыдова въ уборной. Однажды, зайдя къ нему въ началѣ спектакля, Чеховъ какъ будто стѣснялся, словно хотѣлъ что-то сказать, но не рѣшался.

— Антонъ Павловичъ,—обратился къ нему Владиміръ Николаевичъ,—вы что-то хотите сказать... говорите... я вижу... угадалъ я?

—Ничего... я такъ зашелъ.

— Да ужъ сознайтесь, что я правъ...

— Право безъ всякаго дѣла зашелъ...

Мялся-мялся Антонъ Павловичъ и только послѣ

второго акта подошелъ къ Давыдову и сунулъ ему въ карманъ сюртука тетрадь...

— Не смотрите... послѣ... послѣ, дома посмотрите, Владиміръ Николаевичъ... До свиданья! Потомъ скажете.

Давыдовъ пытался при Чеховѣ взглянуть на рукопись, но Чеховъ удержалъ его за руку.

— До свиданья!

Антонъ Павловичъ ушелъ изъ театра.

Давыдовъ нашелъ въ карманѣ «Иванова».

— Развернулъ я дома за чаемъ пьесу, прочелъ десятокъ страницъ, — рассказывалъ, волнуясь, Владиміръ Николаевичъ, — въ восторгъ пришелъ. Дальше-больше... всю ночь читалъ, не могъ оторваться. Рано утромъ полетѣлъ къ Антону Павловичу.

— Другъ мой, дайте пьесу поставить...

— Ни за что! — замахалъ Чеховъ руками. — Ни Боже мой!

Уговаривалъ его Владиміръ Николаевичъ цѣлый часъ. Наконецъ, уломалъ.

— Берите... берите, — сказалъ Чеховъ, — берите на свою отвѣтственность... вы будете виновникомъ провала.

— «Ивановъ» захватилъ меня, — продолжалъ съ нервнымъ подъемомъ Давыдовъ, какъ будто все это случилось вчера. — Это было что-то мое, родное! Успѣхъ былъ такой, шумъ такой... Не помню такого пріема пьесы.

— Кто игралъ въ «Ивановѣ»?..

— Обставили мы пьесу какъ только могли... Сара — Глама-Мещерская, Шурочка — Рыбчинская, докторъ — Солонинъ, Ивановъ — я, Лебедевъ — Градовъ — Соколовъ,

Лебедева—Бороздина, Шабельскій—Киселевскій, Бабакина—Кошева, Боркинъ—Свѣтловъ, старуха—Красовская, Косыхъ—Валентиновъ.

— Возвратился я въ Петербургъ... Тогда режиссеромъ въ Александринскомъ театрѣ былъ Ф. А. Оедоровъ-Юрковскій. Я былъ у него. Онъ искалъ пьесу.

— Есть, говорю ему, есть дорогая, излюбленная! Завтра привезу.

Оедоровъ-Юрковскій запоемъ, такъ сказать, прочелъ «Иванова».

Давыдовъ немедленно телеграфировалъ Чехову, и тотъ приѣхалъ въ Петербургъ.

Здѣсь то же самое—сенсация, успѣхъ...

— Чеховъ бывалъ на репетиціяхъ... гдѣ-то таился съ его скромностью... не видно его было... Я ставилъ пьесу—разсказывалъ Давыдовъ,—играли: Сару—Стрепетова, Шурочку—Савина, доктора—Аполлонскій или Черновъ (не помню), Иванова—я, Лебедева—Варламовъ, Лебедеву—Жулева, Шабельскаго—Свободинъ, Бабакину—Н. Хлѣбникова, Боркина—Далматовъ, старуху—Стрѣльская, Косыхъ—Арди.

Владиміръ Николаевичъ весь загорался, когда вспоминалъ объ «Ивановѣ» и объ его незабвенномъ авторѣ; чувствовалось, какъ взбудоражились его нервы, какъ много въ этомъ художникѣ вдохновенія, молодого вдохновенія, несмотря на его годы.

Вспомнился Антонъ Павловичъ съ его великой застѣнчивостью, неуверенностью и робостью.

А рядомъ съ нимъ Владиміръ Николаевичъ...

— Большая литература и большой театр!

Вспомнили Чехова,—и вспыхнулъ Давыдовъ.

Онъ заговорилъ именно про свое, родное...

Объ Иванѣ Ѳедоровичѣ Горбуновѣ сколько ни рассказывай, всего не припомнишь. Поговоришь, бывало, съ нимъ, и хочется занести разговоръ въ записную книжку, а Горбуновъ этого не любилъ.

— Обличишь?—спрашивалъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— Участвовали сегодня, Иванъ Ѳедоровичъ, въ концертѣ?

— Съ приказчикомъ.

— Съ какимъ?

— Съ Павломъ Вейнбергомъ... Будь, говорить, хозяиномъ... куда ты, туда и я. А вотъ у меня другой приказчикъ плачетъ... безъ работы Де-Лазари-Константиновъ... вчера, говорить, что жъ ты меня забылъ!

Павелъ Исаевичъ Вейнбергъ, извѣстный рассказчикъ еврейскихъ сценъ и актеръ, впоследствии былъ принятъ въ труппу Александринскаго театра. К. Н. де-Лазари служилъ ранѣе подъ фамиліей Константинова, пѣлъ цыганскіе романсы («Нищіе духомъ»), вѣликолѣпно игралъ на гитарѣ и копировалъ живыхъ и мертвыхъ съ рѣдкимъ мастерствомъ.

Какъ-то Горбуновъ при мнѣ поссорился съ Константиновымъ. Горбуновъ ушелъ изъ ресторана.

— Чего я для него въ жизни не дѣлалъ и вотъ вамъ... самъ бываетъ у министровъ... что бы сказать: кого интересно послушать—это Константинова! Вѣдь онъ бы погибъ, если бы не я.

— Какъ погибъ?

— Не служилъ бы въ Александринскомъ театрѣ.

— Какъ такъ?

— Павелъ Степанычъ разсердился на него, видѣть его не хотѣлъ и не пускалъ къ себѣ.

— Какой Павелъ Степанычъ?

— Ѳедоровъ, начальникъ репертуара... бывало, разсердится, со свѣту сживетъ.

При этомъ Константиновъ передразнивалъ шамжавшаго и шлепавшаго губами старика.

— Да вѣдь Ѳедоровъ Горбунова обожалъ.

— Разсердился и разлюбилъ...

— Какъ же вы его спасли?

— Прихожу къ Павлу Степанычу, а Горбуновъ у меня за дверями остался. Ну, что ты?—спрашиваетъ меня Павелъ Степановичъ.

— Горбуновъ бѣдный, смотрѣть жаль.

— А что съ нимъ такое?

— Убивается.

— Гдѣ?

— За дверями, Павелъ Степанычъ, стоитъ и горько плачетъ... даже на колѣни упалъ.

— Чего же онъ убивается?

— За что, говорить, Павелъ Степанычъ на меня прогнѣвался.

— Ну, пусть войдетъ!

И помирились.

Этотъ рассказъ, за достовѣрность котораго, конечно, ручаться не могу, записанъ мною полностью со словъ покойнаго К. Н. де-Лазари.

Съ Горбуновымъ мнѣ пришлось встрѣчаться съ дѣтства и до самой смерти его.

О такихъ художникахъ вспоминаешь всегда съ особеннымъ удовольствіемъ.

Горбуновъ говорилъ мнѣ «ты», потому что зналъ

меня мальчикомъ, я его звалъ на «вы». Отношенія были искреннія, наилучшія. На «ты» Горбуновъ былъ и съ моимъ отцомъ.

Иванъ Федоровичъ принадлежалъ одинаково и литературѣ и театру. Онъ всегда былъ дорогимъ гостемъ, и за кулисами любого театра и въ любомъ литературномъ кружкѣ, начиная съ корифеевъ мысли и кончая самыми маленькими сотрудниками периодическихъ изданій. Объ обществѣ я не говорю, оно знало и любило Горбунова больше чѣмъ кого-нибудь. Отъ дворца до скромной комнатки — вездѣ были рады Горбунову. Это не мѣшало ему заглядывать чуть не ежедневно и въ рестораны, хотя бы позднею ночью. Онъ, словно Репетиловъ, показывался иногда передъ запоромъ дверей въ Маломъ Ярославцѣ или у Палкина, цѣлуясь рѣшительно со всѣми.

Иногда онъ подходилъ къ буфету, не снимая енотовой шубы, изъ которой торчалъ его носъ.

Горбуновъ рассказывалъ мнѣ, какъ его обидѣлъ какой-то филантропъ. Онъ смолчалъ, а когда обидчикъ попалъ подъ судъ по обвиненію въ растратѣ, И. Θ. равнодушно, но часто повторялъ:

— А ты кружку-то подай, подай кружку!

Здѣсь подразумѣвалась кружка для сбора пожертвованій, изъ которой филантропъ выгребалъ фонды.

Эта устная литература, — горбуновское словцо, которое произносилось съ надлежащимъ выраженіемъ лица, спокойнымъ тономъ и съ выдержкой многозначительной паузы, удивительна по юмору и по наблюдательности. Если въ своихъ рассказахъ, тре-

бывавших продуманности, Горбуновъ, по мнѣнію Кони, не былъ импровизаторомъ, то среди друзей, среди кружка милаго его сердцу, онъ былъ именно неподобный импровизаторъ. Гр. Шереметевъ подарилъ публикѣ копилку горбуновскаго юмора — книгу «Отзвуки разсказовъ И. Θ. Горбунова», правда не полную, въ которую онъ собралъ, что могъ собрать, что могъ запомнить. Копилку, онъ вѣроятно, со временемъ еще пополнитъ, чѣмъ облегчитъ трудъ будущаго новаго біографа Горбунова: изъ мелочей, подробностей вырастаетъ нѣчто цѣлое, характеризующее всю фигуру художника и его міросозерцаніе.

Горбуновскіи юморъ разсыпался по всей Россіи и вошелъ въ поговорки, въ пословицы. Кто не слышалъ: «кажинный разъ на этомъ мѣстѣ», «клопъ со всего свѣту собрался», «сліяніе интеллигенціи съ капиталомъ уже совершается», «шампанское «Пли» — свадебное», «эту марку не многіе выдерживаютъ» и др. Можно составить сборникъ ходячихъ выраженій Горбунова, которыя произносятся буквально во всѣхъ сферахъ русскаго общества. Мѣткія выраженія его по своей привлекательной простотѣ и близости ихъ къ русскому духу и жизни, не вымученныя, а подмѣченныя, легко примѣняются къ отечественному обиходу. А. Θ. Кони, опасался, что весьма многое изъ подобныхъ перловъ канетъ въ «пропасть забвенія».

На замѣчаніе М. И. Семевскаго, по свидѣтельству Н. П. Барсукова, «а вы не безъ юмора», Горбуновъ отвѣчалъ:

— Этимъ торгуемъ.

Къ сожалѣнію, онъ не торговалъ имъ, потому что тогда бы ничего не пропало, а просто разбрасывалъ повсюду среди пріятелей, друзей и знакомыхъ.

А. Ө. Кони находитъ въ своемъ очеркѣ, посвященномъ артисту, что о Горбуновѣ иногда, на основаніи единичныхъ встрѣчъ, составляли мнѣніе, какъ о застольномъ увеселителѣ и забавникѣ.

Пожалуй, но едва ли кто-нибудь изъ подобныхъ цѣнителей смотрѣлъ на Горбунова такъ односторонне и не признавалъ бы въ то же самое время художественныхъ заслугъ замѣчательнаго фотोगрафа русской жизни, у котораго въ забавныхъ разсказахъ, мелочахъ и отрывкахъ изображенъ безъ прикрасъ и карриатуры человекъ истинно русскій, съ его душою, горестями и восторгами. Непрерывной нотой во всѣхъ произведеніяхъ Горбунова звучитъ любовное отношеніе къ его героямъ, чаще всего смѣшнымъ, безобразнымъ, но все же симпатичнымъ. Иванъ Өедоровичъ, слѣдуя за Островскимъ, давалъ часто разнообразныя картины русской жизни и часто, несмотря на спокойный юморъ и вызываемый послѣднимъ дружный смѣхъ, наводилъ слушателей на совершенно противоположныя размышленія. Въ правдѣ Горбуновскаго творчества—его сила.

Пріѣхавъ на Волгу въ какой-то городокъ, Иванъ Өедоровичъ прочелъ афишу, изъ которой узналъ, что въ мѣстномъ собраніи будетъ рассказывать артистъ Императорскихъ театровъ И. Ө. Горбуновъ... И. Ө. отлично передавалъ свою встрѣчу и невозмутимую, спокойную бесѣду съ самозванцемъ, который, когда узналъ, съ кѣмъ говоритъ, сконфузился и

бѣжалъ. Я слышалъ нѣсколько вариантовъ этого діалога. По одному изъ нихъ, назвавшійся Горбуновымъ продолжалъ доказывать Горбунову настоящему, что тотъ самозванецъ.

Кстати замѣчу, что среди Горбуновскихъ выраженій графъ Павелъ Шереметевъ приводитъ разговоръ мужа и жены по телефону, но я позволю себѣ сдѣлать поправку. Это не принадлежитъ Горбунову, это истинный случай, переданный мною Ивану Федоровичу и тогда же напечатанный, въ видѣ шутки, въ «Петербургской газетѣ». Случилось это не съ купцомъ, а съ покойнымъ водевилистомъ П.

Горбуновъ, конечно, рассказалъ его въ болѣе интересной, оригинальной формѣ.

Мужъ сообщаетъ женѣ по телефону, что онъ пригласилъ обѣдать Ивана Кузьмича, который находился тутъ же у аппарата.

— Слушайте теперь, Иванъ Кузьмичъ, сами, какъ жена обрадуется.

— Охота тебѣ всякую сволочь звать! произнесла жена.

Горбуновъ передавалъ мнѣ заслуживающій вниманія случай. Обыкновенно свои сцены, какъ только Иванъ Федоровичъ расскажетъ на сценѣ, онъ печаталъ въ «Новомъ Времени», получая отъ Суворина щедрый гонораръ.

Встрѣтилъ въ буфетѣ Александринскаго театра Горбунова Н. А. Лейкинъ, издававшій съ Р. Р. Голике журналъ «Осколки».

— Иванъ Федоровичъ, — сказалъ Лейкинъ, — у меня къ тебѣ пріятельская просьба.

— Что такое?

— Дай ты мнѣ напечатать новый рассказъ, который рассказывалъ только что. Я тебѣ широко заплачу.

— Вѣдь я, Николай Александровичъ, у Суворина всегда печатаю.

— Знаю, но ты сдѣлай мнѣ исключеніе, а ужъ я не постою!.. по-царски вознагражу... Эти вещи по строкамъ разцѣнивать нельзя! это блески...

— Ну, ладно, я тебѣ дамъ...

Горбуновскій рассказъ былъ напечатанъ, а при ближайшей встрѣчѣ Лейкинъ отвелъ опять таки въ буфетъ Александринскаго театра Горбунова въ сторону и, сунувъ въ руки кредитный билетъ, шепнулъ.

— Спасибо... я тебѣ такъ плачу, огуломъ, наживайся!

— Спасибо!

Горбуновъ потомъ заглянулъ въ руку и нашелъ тамъ не то 10, не то 25 рублей. Точно не помню. Лейкинъ былъ необыкновенно скареденъ, да и Горбуновъ расточительностью не славился. Они могли поспорить между собою по части экономіи.

Этотъ случай Иванъ Ѳедоровичъ передавалъ въ добродушномъ тонѣ, добавляя: «вознаградилъ по-царски»!

И. Ѳ. Горбуновъ удивительно владѣлъ стариннымъ стилемъ. Придя какъ-то къ М. И. Пыляеву, онъ не засталъ его дома и оставилъ ему письмо. Воспроизвожу это письмо цѣликомъ, такъ какъ ранѣе напечаталъ его съ маленькими упущеніями.

«Письменные хитрости трудолюбивому подвижнику; древнихъ писаній изрядному ревнителю и

учителю; сокровенныхъ письменъ, въ нихъ же тайное и неудобосказуемое и блудное описуется; хранителю царствующаго града и всѣхъ же въ немъ описателю; въ затворѣ, яко пустынножитель, благопробывающему и въ семъ благопробывательномъ житіи отъ умильно гласныхъ райскихъ птицъ превозносимому; пречестнѣйшему господину Михаилу Ивановичу, нѣкто, зовомый Ивашка, сынъ Ѳеодоровъ, Горбунова, низменнѣ касаясь честнымъ твоимъ стопамъ, много челомъ бьетъ.

Не по одинъ разъ толкался азъ многогрѣшный почасту и въ колокольникъ клепаль, писано бо есть: «толцые и отверзятся вамъ». Но не отверзлись двери и безмолвіи быти, яко въ пустынѣ аравійской.

Нѣкій отъ служителей дому твоему спросилъ:

— Кто есть сей толкійся?

Азъ же отвѣщавъ рече: хочу азъ зрѣти лицо господина твоего.

— Господинъ мой исходитъ изъ дому своего утру глубоку на дѣло свое и надѣланіе свое до вечера.

(Псалм. 103, стр. 23.).

Пречестнѣйшій мой господине! Отверзи ми дверь, утренѣтъ бо духъ мой ко храму твоему».

Нѣкоторые мелкіе факты объ И. Ѳ. Горбуновѣ у меня записаны или сохранились въ нѣсколькихъ вариантахъ, потому что и самъ Иванъ Ѳеодоровичъ рассказывалъ ихъ на разные лады, варьируя, добавляя и импровизируя. Сегодня у него выходило такъ, завтра иначе, и еще лучше: все зависѣло отъ вдохновенія, отъ минуты, когда это передавалось.

Вотъ еще забавный случай, рассказанный мнѣ И. Ѳ. Горбуновымъ.

Однажды Иванъ Ѳедоровичъ зашелъ въ уборную, когда актеръ В. И. Виноградовъ гримировался.

— Здравствуй, Вася!

— Ахъ, это ты, Ваня? откуда?

— Отъ Некрасова, обѣдалъ у него!—отвѣчалъ Горбуновъ.

— Ну что, хорошо угостилъ? Некрасовъ умѣетъ угостить.

— Хорошо. Я тебя не забылъ...

— Что это?

— На, возьми... сигарку принеси знатную, съ золотымъ концомъ.

— А! спасибо тебѣ... это изъ хорошихъ... я сейчасъ закурю! Онъ обгрызъ сигару, закурилъ и, внюхиваясь въ дымъ, опредѣлилъ съ видомъ знатока.

— Рублей на тридцать!

На самомъ дѣлѣ Горбуновъ купилъ дешевую сигару и, придя въ театръ, велѣлъ бутафору облѣпить кончикъ ея золотой бумагой.

Онъ сознался Виноградову, что одурачилъ его, и Василий Ивановичъ очень разсердился.

Пригласили какъ-то Ивана Ѳедоровича на купеческую свадьбу и усадили на почетное мѣсто.

Очень хорошо Горбуновъ изображалъ, какъ во время торжественнаго обѣда лакей, придерживая перстомъ на тарелкѣ бумажку, выкликалъ тосты: «за здоровье тетеньки и дядиньки невесты», «за здоровье брата жениха» и пр. Выкликалъ онъ съ трудомъ, ибо выпилъ жадно. Иванъ Ѳедоровичъ все

ждалъ, когда обратятся къ нему съ просьбой разсказать что-нибудь, объясняя неизбежность этого приглашеніемъ въ мало знакомый домъ.

Однако, никто изъ хозяевъ не тревожилъ Горбунова и только попозже хозяинъ вручилъ ему конвертъ съ кредитными билетами.

— Когда же рассказывать?

— Что вы, Иванъ Федоровичъ, помилуйте, вы у насъ дорогой гость, вы честь намъ оказали...

Горбуновъ сыгралъ роль свадебнаго генерала.

Идетъ, бывало, Горбуновъ по улицѣ, поглядывая по сторонамъ, а встрѣчные поминутно привѣтствуютъ:

— Иванъ Федоровичъ! Иванъ Федорычу!

Горбуновъ каждому ласково подмигиваетъ.

Придетъ Иванъ Федоровичъ въ ресторанъ—всѣ знакомые! Цѣлуются, обнимаются.

— Запомятовалъ! кто это?—спрашиваетъ Горбуновъ, вырвавшись изъ объятій.

Не помню болѣе популярной личности въ литературно-театральной средѣ, ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, чѣмъ И. О. Горбуновъ.

Когда онъ появлялся на сценѣ, на эстрадѣ съ своими художественными разсказами, между нимъ и публикой моментально устанавливалось интимное, дружеское общеніе. Ловили каждое его слово, каждое его выраженіе, и залъ отвѣчалъ гуломъ смѣха, словно какое-то сказочное чудовище смѣялось отъ души.

Горбуновъ мало жилъ у себя дома, большая часть жизни проходила у него внѣ дома, въ гостяхъ, на вечеринкахъ, въ ресторанахъ. Застать его дома на-

вѣрняка можно было развѣ въ день ангела, когда въ его квартирѣ собирались люди разнаго званія, начиная съ Тертія Ивановича Филиппова и кончая незнакомцами, считавшими обязанностью поздравить именинника.

Какъ большинство нашихъ художниковъ, Горбуновъ часто обращалъ ночь въ день, не считаясь съ годами, покаяваніемъ тутъ и тамъ и совѣтами докторовъ. Пріятная компанія, весело говорится и пьется, и Иванъ Ѳедоровичъ не измѣнялъ друзьямъ. А друзья у него были вездѣ: и въ высшемъ обществѣ, и въ административныхъ кругахъ, и въ литературѣ, и въ театрѣ, словомъ вездѣ.

Въ ресторанахъ Горбунову было не легко: съ кѣмъ ни поздороваешь, къ какому столу ни подойдетъ— просятъ присѣсть на минутку и хлебнуть.

Только заболѣвъ серьезно и жалуясь на боли въ ногахъ, Иванъ Ѳедоровичъ старался смотрѣть на напитки, но не пить ихъ.

Онъ вовсе не былъ алкоголикомъ, но любилъ прихлебывать разныя вина потихоньку, не торопясь, потому что они, какъ говоритъ кто-то у Островскаго, пріятныя мысли уму придаютъ.

— Иванъ Ѳедоровичъ!— козыряетъ Горбунову городской у ресторана.

— Пріятель!— говоритъ про него Иванъ Ѳедоровичъ.

Секретъ горбуновской популярности заключался въ томъ, что онъ дѣйствительно постигъ русскую душу и русскаго человѣка, потому что самъ былъ русскимъ. Онъ для всѣхъ былъ понятенъ, всѣмъ былъ близокъ и дорогъ, какъ большой художникъ,

чуждый клеветы на русскаго челоуѣка, чуждый пошлаго высмѣиванія его. У Горбунова было множество подражателей, но успѣха они не имѣли, потому что не наблюдали русской жизни, а сочиняли ее.

Про все горбуновское, что онъ писалъ и рассказывалъ, каждый русскій челоуѣкъ безошибочно говорилъ—это наше.

Вся Россія знала Горбунова, и наѣзды его въ провинцію были праздникомъ для мѣстнаго общества. Я помню пріѣздъ Горбунова въ Ковну, гдѣ я служилъ актеромъ. Русскіе обрадовались. Ухватили Горбунова на вокзалѣ, и только подъ утро онъ пришелъ въ гостиницу. Завтракалъ у правителя канцеляріи губернатора, обѣдалъ у губернатора, ужиналъ въ собраніи, потомъ завладѣли имъ офицеры, и такъ три дня подъ-рядъ, парасхватъ.

Недавно я былъ въ Москвѣ, въ музеѣ, бывшемъ А. А. Бахрушина, гдѣ съ особеннымъ удовольствіемъ увидѣлъ витрину, отведенную Ивану Федоровичу. Тутъ его бумаги, поднесенные ему адреса, подарки, а со стѣны смотритъ въ разныхъ видахъ самъ Горбуновъ, зарисованный Микѣшинымъ, Трутовскимъ, Первухинымъ и др.

На адресѣ, поднесенномъ въ 1885 году, подписи Островскаго, Потѣхина, гр. Шереметева, С. Максимова, Т. Филиппова, Кобеко, Кривенко, Кони, А. Н. Плещеева, кн. П. Оболенскаго, М. Писарева, Давыдова, Далматова, Барсукова, Н. Скрыдлова, Пыляева, бар. М. Клодта и др.

Было бы желательнo, чтобы коллекцію А. А. Бахрушина друзья и пріятели Горбунова дополнили, кто чѣмъ можетъ. За все будутъ благодарны.

Признаюсь, я думалъ, что Горбуновъ послѣ смерти будетъ полно представленъ въ другомъ музеѣ, въ Горбуновскомъ, но этого музея не существуетъ.

Иванъ Ѳедоровичъ одно время принялся за устройство музея при Александринскомъ театрѣ, но дѣло стало! Набралось много цѣнныхъ предметовъ, появились витрины, но затѣмъ все собранное куда-то исчезло, фойе было уступлено подъ уборныя, и о Горбуновскомъ музеѣ напоминала лишь витрина, въ которой хранилась чья-то статуэтка съ попорченнымъ носомъ.

Заглянулъ я на могилу Ивана Ѳедоровича въ Александро-Невской лаврѣ и, къ удивленію своему, нашелъ ее въ образцовомъ порядкѣ. Въ часовнѣ большой портретъ Горбунова. Изъ часовни спускъ въ склепъ. Горбуновъ покоится неподалеку отъ Антона Рубинштейна.

Лучшимъ памятникомъ Горбунову, я думаю, справедливо считать роскошное изданіе его сочиненій, подаренное русскому обществу графомъ Шереметевымъ, однимъ изъ друзей Ивана Ѳедоровича.

Горбуновъ-актеръ совершенно тушевался въ Александринскомъ театрѣ передъ Горбуновымъ-разсказчикомъ, тѣмъ не менѣе въ репертуарѣ Ивана Ѳедоровича, весьма ограниченномъ, были удачныя роли, какъ, на примѣръ, Ипполита въ «Не все коту масленица», сыгранная имъ въ бенефисъ, Кудряша въ «Грозѣ», Тугоуховскаго въ «Горе отъ ума», въ доброе старое время — трактирнаго слуги въ «Ревизорѣ» и др. Незадолго передъ смертью И. Ѳ. игралъ снова Кудряша, причемъ Варвару изображала его дочь Т. И. Горбунова. Этотъ выходъ незабвеннаго Горбунова

не былъ такъ удаченъ, какъ въ болѣе молодые годы.

Странно было видѣть Ивана Ѳедоровича съ дочерью, игравшихъ влюбленныхъ. Объ этомъ друзья откровенно говорили Горбунову, а кто-то изъ рецензентовъ не постѣснялся даже напечатать. Съ корректностью такого замѣчанія согласиться не могу.

Для меня появленіе маститаго Горбунова въ этой роли представлялось вполнѣ понятнымъ: онъ принесъ жертву въ пользу дочки, желая обставить ее возможно лучше.

Т. И. Горбунова дарованіемъ не обладала.

Долгіе годы съ афиши Александринскаго театра не сходило имя Ивана Ѳедоровича, какъ рассказчика.

«Г. Горбуновъ прочтетъ сцену своего сочиненія» — такъ гласила афиша. Публика по окончаніи пьесы не расходилась, ожидая появленія своего любимца. Съ перевальцемъ входилъ Иванъ Ѳедоровичъ, встрѣчаемый аплодисментами, останавливался, озирался кругомъ и послѣ паузы приступалъ къ разсказу.

Взрывы хохота не умолкали.

Ивана Ѳедоровича всѣ любили, и всѣ съ нимъ цѣловались, когда онъ подставлялъ по привычкѣ щеку, но это лобзаніе не останавливало разныхъ Іудушекъ говорить про Горбунова всякія мерзости. Считали его двуличнымъ, и въ то же время сами двуличничали и подличали. Но это еще пустяки. Боже мой, чего не валилось на голову Горбунова.

Я думаю, многіе слышали, какъ одно время, желая, вѣроятно, нанести ударъ горбуновской популяр-

ности, стали говорить, что онъ служить въ тайной полиціи.

Возможно, что поводомъ къ инсинуаціямъ послужила дружба Ивана Ѳедоровича съ бывшимъ тогда начальникомъ сыскной полиціи И. Д. Путилинымъ, наблюдательнымъ человѣкомъ съ запасомъ характерныхъ разсказовъ.

Не знаю, слышалъ ли Горбуновъ о томъ, что про него говорили? Впрочемъ, про кого и чего не говорили въ театрално-литературныхъ кружкахъ, переполненныхъ подлыми завистниками.

Говорили, говорятъ и будутъ говорить.

Въ бытность мою на сценѣ началась медленная агонія «трагика».

Трагики кричали, «пускали мозги въ потолокъ», завывали, объявляя себя наслѣдниками Рыбакова, а Н. Х. Рыбаковъ самъ на старости отдалялся отъ этого ложнаго трагизма.

Въ труппѣ Александринскаго театра служилъ почтенный старикъ Леонидъ Львовичъ Леонидовъ, гремѣвшій во дни оны, какъ трагикъ. Въ послѣдніе годы жизни ему приходилось мало играть. Онъ пользовался почитаніемъ среди товарищей, которые не прочь были и вышутить его, пустить анекдотикъ.

— Какой случай-то вышелъ съ Леонидомъ Львовичемъ, — передавалъ кто-то изъ актеровъ — игралъ онъ трагедію, да какъ крикнетъ, а въ райкѣ отъ этого крика трагическаго кучерь дремавшій проснулся и на весь театръ гаркнулъ: «стой! черти!» онъ думалъ, что лошади бунтуютъ.

По внѣшности Леонидъ Львовичъ выдѣлялся изъ

толпы. Длинные серебристые волосы, смуглый цвѣтъ лица, гигантскій ростъ, зычный голосъ.

Добрякъ по натурѣ, Леонидовъ дружилъ съ труппой.

Его юбилей мы праздновали въ ресторанѣ «Медвѣдь», помѣщавшемся на мѣстѣ нынѣшняго ресторана того же названія; данъ былъ ужинъ, за которымъ я читалъ стихи, посвященные юбиляру. Было много балетныхъ артистовъ и драматическихъ, конечно. Присутствіе первыхъ объяснялось тѣмъ, что дочь Л. Л. Леонидова была замужемъ за балетмейстеромъ М. И. Петипа.

Леонидовъ переигралъ множество переводныхъ пьесъ; у него были хорошія, казовыя роли, въ которыхъ онъ производилъ на толпу впечатлѣніе. Благородство манеръ и внѣшняя импозантность помогали Леониду Львовичу.

При господствовавшемъ мелодраматическомъ репертуарѣ такіе актеры, какъ Леонидъ Львовичъ, были необходимы.

Отъ всей фигуры Леонидова вѣяло чѣмъ-то добродушно-патріархальнымъ.

На юбилеѣ его человѣческія качества были подчеркнуты всѣми ораторами. Разумѣется, тормозили и леонидовскую славу, которая гремѣла въ его молодые годы. Мы, слушая стариковъ, понятно, вѣрили имъ.

Александринскій театръ сблизилъ меня съ Федоромъ Алексѣевичемъ Бурдинымъ, котораго называли чаще «Федей». Засталъ я его слабымъ на ноги, хватавшимся на сценѣ за одушевленные и неодушевленные предметы, чтобы не растянуться.

Онъ считалъ себя и большимъ комикомъ, и большимъ драматическимъ актеромъ.

Не разъ мнѣ приходилось играть съ Бурдинымъ, о которомъ упоминалъ, роль Мити въ «Бѣдность не порокъ», гдѣ онъ изображалъ Любима Торцова. Удачныя его роли: Барабошевъ—«Правда хорошо, а счастье лучше», Аховъ—«Не все коту масляница» и др.

Дарованіемъ Богъ наградилъ Бурдина скромнымъ, но онъ во всякомъ случаѣ не заслуживалъ того безпощаднаго лая, которымъ привѣтствовали его въ каждой новой роли рецензенты. Александринская публика не раздѣляла вполне этихъ нападокъ, хотя и не считала Бурдина выдающимся актеромъ. Его не любили за то еще, что онъ умѣлъ захватывать лучшія роли, преимущественно въ пьесахъ Островскаго, дружбой котораго онъ пользовался. Иногда самъ Александръ Николаевичъ, сознавалъ, что «Федя» слабоватъ.

Въ бенефисы Бурдина шли, какъ я говорилъ уже, пьесы Островскаго. Пріѣзжая изъ Москвы, Островскій читалъ у него свои новыя пьесы, распредѣляя совмѣстно роли.

Бурдинъ былъ въ лѣтахъ, помимо слабости ногъ, онъ плохо говорилъ, мямлилъ, нижняя губа начала плохо повиноваться.

Федоръ Алексѣевичъ покинулъ, наконецъ, сцену, уѣхалъ въ Курскъ и дважды умеръ.

Одинъ разъ его похоронили при жизни и почтили лестными некрологами газеты, а въ другой разъ онъ дѣйствительно скончался.

Послѣ первой смерти Ф. А. Бурдинъ рассказывалъ:
— Не безъ удовольствія я прочелъ прочувствован-

ные некрологи о себѣ во всѣхъ газетахъ... Это было первое доброе слово, сказанное обо мнѣ театральною критикою,... оно хоть и поздно, но лучше, чѣмъ никогда...

Ходилъ анекдотъ, что Бурдинъ, будучи за границей, посѣтилъ могилу Тальма и написалъ на ней, что «тутъ былъ русскій Тальма—Бурдинъ».

Бурдинъ любилъ путешествовать, склонилъ однажды къ поѣздкѣ по Европѣ юнаго Сазонова, который, проигравшись въ Монте-Карло, остался безъ копейки въ Италиі.

Бурдинъ же его и выручилъ изъ непріятнаго положенія, случайно встрѣтя на обратномъ пути на Ривьерѣ. Сазоновъ не имѣлъ возможности каждый день ѣсть и не зналъ, гдѣ жить, потому что въ отелѣ больше чѣмъ косились.

Среди надежныхъ силъ мужского персонала труппы Александринскаго театра неизгладимо запечатлѣлись въ памяти моей Павелъ Матвѣевичъ Свободинъ и Модестъ Ивановичъ Писаревъ.

И тотъ, и другой начитанные, образованные люди, посвящавшіе досуги литературѣ.

Свободинъ писалъ недурные стихи и рассказы. Оба они были желанными людьми въ литературныхъ кружкахъ и дружили съ молодежью.

Модестъ Ивановичъ Писаревъ былъ человѣкъ мягкаго сердца, безхарактерный, почти безвольный, что совсѣмъ не гармонировало съ его богатырской фигурой. Съ молодыхъ лѣтъ онъ увлекался литературой и сценой, боготворилъ Островскаго и съ особой тщательностью, съ усердіемъ изучалъ его произведенія, проникаясь ихъ духомъ.

Какъ наблюдательный человекъ, знавшій близко русскую жизнь, онъ чувствовалъ родственную связь съ людьми Островскаго, онъ любилъ ихъ и создалъ рядъ богатыхъ бытовыхъ и историческихъ фигуръ, каковы Красновъ, Несчастливцевъ, Русаковъ, Дикой, Грозный, Ананій («Горькая судьбина» Писемскаго) и другія.

Писаревъ былъ прежде всего бытовымъ актеромъ, котораго на жаргонѣ провинціального актерства называли «рубашечнымъ».

Увлекаясь иностранной классической литературой, Писаревъ все же тяготѣлъ душой къ своему, національному.

По наблюденіямъ и клятвамъ современныхъ драматурговъ, быть отживаетъ или даже отжилъ свое время.

Это покушеніе съ негодными средствами на русскую жизнь, непониманіе и незнаніе ея! Съ дальней юности я дружилъ съ Модестомъ Ивановичемъ. За послѣдніе годы службы въ Александринскомъ театрѣ онъ увялъ, болѣлъ, постарѣлъ. Не такимъ онъ былъ, появившись въ Петербургѣ вмѣстѣ съ Полиной Антиповной Стрепетовой, не такимъ помнятъ его Москва и провинція. Если сфера его таланта не была широкой, онъ въ этой сферѣ былъ богатыремъ.

То же можно сказать и про Стрепетову, во много разъ превосходившую Писарева по таланту. Не обильно было число ролей въ ея репертуарѣ, но что мы переживали, что она дѣлала съ нашими нервами и сердцами, особливо въ молодые годы! Играла, какъ Рѣпинъ пишетъ...

Тотъ не можетъ судить о Стрепетовой, кто за-

сталъ ее во время послѣдняго возвращенія въ Александринскій театръ.

Это были остатки Стрелетовой, которую сразу обрекли не на свое дѣло, заставивъ играть глуповатую помѣщицу, кажется, въ пьесѣ князя Сумбатова.

Возвращаюсь къ Писареву.

Игралъ онъ въ клубѣ художниковъ, который помѣщался на набережной Невы, на углу Гагаринской, въ домѣ князя Волконскаго, а потомъ—Елисѣева.

Послѣ спектакля Стрелетова уѣхала измученная домой, а мы небольшимъ кружкомъ ужинали. Центромъ вниманія былъ Писаревъ. Только что появилась восторженная статья Аверкіева о немъ и о Стрелетовой. Рѣчь зашла объ Александринскомъ театрѣ.

— Служить въ Александринскомъ театрѣ лестно и пріятно,—говорилъ Писаревъ:—но я бы съ большимъ удовольствіемъ послужилъ въ народномъ театрѣ... Петербургу нуженъ народный театръ съ художественнымъ репертуаромъ. Дайте намъ народную аудиторію, она насъ пойметъ и оцѣнитъ по-своему...

— А сколько бы вамъ такой театръ могъ платить?—спросилъ кто-то изъ пріятелей Писарева.

— Безразлично... я бы именно туда пошелъ.

Въ этотъ моментъ показался Д. В. Аверкіевъ во фракѣ и съ биноклемъ въ рукѣ. Онъ одинъ считалъ обязанностью появляться здѣсь во фракѣ.

— Дмитрій Васильевичъ,—обратился къ нему Писаревъ:—нуженъ Петербургу народный театръ?

— Нужно сначала,—хриплымъ, рѣзкимъ голосомъ отвѣчалъ Аверкіевъ:—чтобы Стрелетова и Писаревъ играли въ образцовомъ театрѣ.

Писаревъ нѣсколько разъ возвращался къ своей мысли о народномъ театрѣ, который ему рисовался болѣе образцовымъ, чѣмъ Александринскій въ смыслѣ репертуара.

Нѣсколько десятковъ лѣтъ прошло, возникли народные дома, но художественнаго репертуара Писаревъ, встань онъ изъ могилы, не нашелъ бы.

Модестъ Ивановичъ не разъ въ бесѣдахъ, когда мы вмѣстѣ служили въ московскомъ Пушкинскомъ театрѣ, говаривалъ, что къ Островскому никогда не ослабнетъ интересъ публики, что народятся театры Островскаго,—но ставьте его образцово.

Островскій не сходилъ съ языка Писарева; о чемъ бы онъ ни заговаривалъ, онъ возвращался къ Аполлону Григорьеву и сейчасъ же къ Островскому.

Незадолго передъ кончиной, послѣднія силы Модестъ Ивановичъ отдалъ опять Островскому, любовно редактируя его сочиненія.

Писаревыхъ было два: когда Модестъ Ивановичъ появлялся въ трагедіи иностраннаго репертуара—это былъ одинъ Писаревъ, умный, старательный, даровитый актеръ.

Въ бытовомъ репертуарѣ—это былъ Писаревъ, который десятью головами выше перваго.

Модестъ Ивановичъ еще со временъ московскаго университета и передовыхъ тогдашнихъ литературныхъ кружковъ остался до гроба другомъ молодежи, бѣдноты, протестовавшимъ противъ грубаго произвола, неправды и гонителей свободы.

На лестъ, на низкопоклонство, на созданіе себѣ протекціи онъ былъ неспособенъ.

Чистый былъ человекъ.

Ни въ какихъ партійныхъ, закулисныхъ спорахъ Писаревъ не участвовалъ.

Репутацію Павла Матвѣевича Свободина, не отрицающая его безспорнаго таланта, я находилъ преувеличенной.

Его сравнивали съ В. Н. Давыдовымъ. Это несправедливо. Давыдовъ и передъ нимъ великанъ.

Разнообразность, сказалъ бы, раскиданность репертуара Свободина была широкая, но онъ повторялся, и въ галлерей его созданій, среди которыхъ были—превосходныя, попадались шаблонныя.

Онъ давалъ много въ характерныхъ роляхъ съ темпераментомъ и проигрывалъ въ комическихъ, потому что сочнымъ комизмомъ не обладалъ.

Что привлекало въ Павлѣ Матвѣевичѣ Свободинѣ—это мягкость тоновъ, наивное добродушіе. Покойный артистъ отдѣлывалъ роли, отличаясь типичными гримами. Видѣлъ я его въ пьесахъ Толстого, Сухово-Кобылина, Островскаго, Чехова, Суворина, знаю его очень хорошія роли, помню ихъ, но онъ не былъ «большимъ» актеромъ.

Въ жизни, за кулисами Свободинъ казался мнѣ человѣкомъ со странностями. Очутившись въ Петербургѣ, онъ примкнулъ къ литературнымъ кружкамъ, его влекло туда. Погибъ, какъ извѣстно, Павелъ Матвѣевичъ трагически: онъ умеръ во время спектакля, въ гримѣ, въ «Шутникахъ». Всѣ были потрясены этой страшною смертью.

— Тяжело умирать, а умереть легко!—говорилъ будто бы Свободинъ кому-то изъ товарищей за три дня до смерти. Павелъ Матвѣевичъ въ юности обучался въ петербургскомъ театральномъ училищѣ,

гдѣ товарищи признавали его будущимъ Самойловымъ.

Не вѣрю я, что ты Свободинъ,
Коль ѣхать съ нами не свободенъ.

Такъ отвѣчалъ Свободину какой-то начинающій писатель, тщетно приглашавшій его слушать свою пьесу. Съ этими курьезными строками обращались, смѣясь, не разъ къ Свободину пріятели, если онъ почему-либо уклонялся отъ ихъ компаніи.

«Весной» Александринскаго театра называли первый годъ дѣятельности приглашеннаго завѣдывать труппой Алексѣя Антиповича Потѣхина. Въ дореформенную эпоху онъ перомъ работалъ въ пользу освобожденія.

Ждали, что и тутъ онъ поработаетъ за освобожденіе русской сцены отъ чиновничьей опеки. Въ самомъ дѣлѣ, назначеніе литератора, добрая половина пьесъ котораго признавалась, по требованіямъ цензуры, вредной, было новымъ словомъ въ жизни Александринскаго театра. Закулисные наблюдатели задавали глубокомысленный вопросъ: А. А. Потѣхинъ превратится въ чиновника, или чиновники нарядятъ его въ вицъ-мундиръ?

Новый директоръ императорскихъ театровъ Всеволожской, новый управляющій труппой, литераторъ, приглашеніе въ литературно-театральный комитетъ литераторовъ съ именами взамѣнъ Юркевича и К^о., все указывало на новыя вѣянія.

Предсѣдателемъ 1-го отдѣленія комитета былъ Д. В. Григоровичъ, а второго—А. Н. Плещеевъ.

Въ это время пронеслась вѣсть о свободѣ частныхъ

театровъ, объ освобожденіи ихъ отъ уплаты дани дирекціи императорскихъ театровъ.

Алексѣй Антиповичъ съ первыхъ же шаговъ зарекомендовалъ себя упрямымъ, настойчивымъ человекомъ. Одни видѣли въ этомъ хорошій признакъ самостоятельности, другіе, наоборотъ, обрушились на его характеръ.

Какъ это ни странно, но наша братія, журналисты, съ первыхъ же дней управленія Потѣхина, набросились на него, принялись вышучивать, порицать, негодовать.

Мотивы для этого были, но мы забывали одно, что и на солнцѣ есть пятна.

Грѣшенъ и я, что нѣтъ-нѣтъ, да поддавался вліянію хора потѣхинскихъ недоброжелателей, а иной разъ и завистниковъ.

Болѣе опредѣленное и уравнивленное мнѣніе о Потѣхинѣ у меня созрѣло по ликвидаціи его театральной дѣятельности.

Отрицательная часть его работы — неизмѣримо меньше положительной. Послѣдняя преобладаетъ. Труппа пополнялась и удачно, и неудачно. Также и сокращалась. Репертуаръ Потѣхину видоизмѣнить кореннымъ образомъ нельзя было скоро, хотя онъ и стремился къ этому.

Въ труппу проскользнула, на примѣръ, съ любительской сцены очень эффектная, но лишенная способностей г-жа Пашенко, которую выпускали въ хорошихъ роляхъ, въ ущербъ дѣлу.

Это была новая мишень для глумленія печати; затѣмъ нападки переносились на дочь Алексѣя Антиповича, Р. А. Потѣхину, которая появлялась на столич-

ныхъ сценахъ, на многое не претендовала, но была слаба и обнаруживала неясную читку.

Въ провинціи почитали за кумира актера В. В. Чарскаго, котораго пригласили въ Александринскій театръ.

Здѣсь Чарскій превратился въ неудачника: что бы онъ ни игралъ, начиная отъ классической роли и кончая пустенькой въ комедіи, театральная критика набрасывалась на него съ яростью, словно сговорившись. Публика оставалась равнодушной къ его игрѣ. Чарскому попадало отъ рецензентовъ и тогда, когда онъ этого не заслуживалъ.

Чтобы не потерять своего имени совсѣмъ, какъ я думаю, В. В. Чарскій опять удалился въ провинцію. У Чарскаго была выгодная сценическая внѣшность, онъ былъ высокій, голосъ его сильный, но суховатый. Такимъ образомъ, пребываніе артиста не было удачнымъ въ Александринскомъ театрѣ.

Припоминаю еще нѣсколькихъ актеровъ образцовой сцены. Съ клубныхъ сценъ сюда перешелъ весьма способный и даровитый любитель К. П. Шкаринъ, принадлежавшій къ купеческому кругу и имѣвшій свою торговлю. Онъ исполнялъ типично и оригинально народныя роли, мужиковъ, купчиковъ, приказчиковъ, и при томъ чаще второстепенныя роли.

Въ клубахъ Шкаринъ подвизался лѣтъ двадцать и всегда съ успѣхомъ, обращая вниманіе и публики, и печати.

Александръ Семеновичъ Черновъ, относительно недавно покинувшій Александринскій театръ, пріѣхалъ въ Петербургъ въ восьмидесятыхъ годахъ и былъ принятъ на сцену директоромъ И. А. Всево-

ложскимъ, который его зналъ лично. Всю свою службу онъ оставался полезнымъ членомъ труппы и, какъ корректный, воспитанный человѣкъ, пользовался неизмѣнными симпатіями товарищей. Онъ ушелъ съ казенной сцены и служилъ въ частномъ театрѣ.

Въ восьмидесятихъ годахъ Александринскій театръ насчитывалъ въ своей труппѣ трехъ опереточныхъ пѣвицъ, если не считать А. И. Абаринову, поступившую въ оперу.

Пѣли З. Д. Кронебергъ, М. М. Чернявская, жена провинціального актера И. Р. Чернявскаго, и г-жа Нелюбова. Маленькія роли въ опереткахъ исполняла Семенова.

Антонина Ивановна Абаринова изъ оперы возвратилась въ Александринскій театръ и была талантливой комедійной актрисой, веселой и изящной. Съ годами она начала играть роли пожилыхъ женщинъ и преимущественно свѣтскихъ барынь, готовясь замѣнить Е. Н. Жулеву.

Антонина Ивановна справедливо считалась большою работницей и своего дарованія въ землю не зарывала. Карьеру ея прервалъ тяжкій недугъ: она скончалась отъ рака.

Больная, страдающая, за нѣсколько дней до смерти Антонина Ивановна мечтала еще о новыхъ роляхъ, о будущей службѣ.

Какъ пѣвица опереточная, А. И. Абаринова могла соперничать съ выдающимися парижскими артистками этого жанра. Антонина Ивановна была очень красивой. Оперетку она покинула, разсердившись на публику Александринскаго театра. Свидѣтелемъ этого происшествія я не былъ, не знаю точно, что ее оби-

дѣло, а потому умалчиваю о причинѣ ухода артистки.

А. И. Абаринова часто путешествовала по Европѣ, интересовалась европейскими сценами, стараясь позаимствовать все выдающееся для своего театра.

Незадолго до смерти она путешествовала по Скандинавіи, посѣтила Ибсена, который радушно принялъ русскую актрису, рассказавшую ему много интереснаго для него объ исполненіи и постановкѣ его пьесъ въ Россіи.

Съ восторгомъ передавала мнѣ Абаринова объ этомъ свиданіи.

Въ труппѣ Александринскаго театра кончина А. И. Абариновой составила большой пробѣлъ. Съ возвращеніемъ туда Надежды Сергѣевны Васильевой, особливо послѣ смерти Екатерины Николаевны Жулевой, амплуа какъ послѣдней, такъ и Абариновой нашло наконецъ замѣстительницу.

Надежда Сергѣевна Васильева, нынѣ удостоенная званія заслуженной артистки, дочь знаменитыхъ москвичей С. Васильева и Е. Н. Васильевой, украшавшихъ Малый театръ, начала карьеру на той же московской сценѣ, откуда въ 1878-мъ году переведена въ Петербургъ. Она покидала временно Александринскій театръ и, къ стыду тогдашней дирекціи, не по своей волѣ: ее не удерживали. А потомъ, пришлось повторить пословицу:—что имѣемъ не хранимъ, потерявши плачемъ.

Н. С. Васильеву не слѣдовало упускать, какъ талантливую актрису, какъ представительницу знаменитой театральной семьи, играющей роль въ исторіи нашего театра.

Дирекція, разставаясь съ Н. С. Васильевой, наградила ее прощальнымъ бенефисомъ и воспротивилась почему-то публичному чествованію Надежды Сергѣевны.

Публика настаивала, но занавѣсъ не подняли.

Я не могу понять, не могу объяснить себѣ такихъ фактовъ, какъ никогда не пойму, что Александринскій театръ могъ разставаться съ В. В. Самойловымъ, съ В. Н. Давыдовымъ.

Н. С. Васильева возвратилась въ Александринскій театръ чрезъ два года.

Когда я вспоминаю прошлую четверть минувшаго вѣка, и передо мной встаютъ, какъ тѣни, бывые дѣятели Александринской сцены, я словно вижу передъ собой обаятельную старую барыню Екатерину Николаевну Жулеву.

Съ перваго дня знакомства, съ первой нашей встрѣчи за кулисами, когда меня представили ей, и до самой смерти, когда бы и гдѣ мы ни встрѣчались, я восторгался этой высокоуважаемой женщиной, не говоря объ ея нѣжномъ, благородномъ талантѣ, отъ котораго вѣяло старымъ барствомъ, дворянской семьей далекихъ лѣтъ.

Когда эта барыня сердилась, если ее чѣмъ-нибудь огорчали на сценѣ, она сердилась такъ добродушно, что гнѣвъ представлялся выговоромъ, адресованнымъ матерью по адресу обожаемыхъ дѣтей. Когда-то въ двухактной пьескѣ «Старое старится, молодое растетъ» играли Е. Н. Жулева и В. В. Самойловъ. Дуэтъ былъ чудный. Екатерина Николаевна все время ворчала на сценѣ, изображая старую барыню, Самойловъ ворчалъ, изображая старика. Это «ворчанье» восторгало публику.

Однажды на какой-то репетиции Жулева и Самойловъ заспорили.

— Что репетируютъ? «Старое старится»? — спросилъ тихо вопедшій на сцену В. А. Крыловъ.

Дѣйствительно, они словно повторяли сцену изъ комедіи. Екатерина Николаевна любила возвращаться въ разговорахъ къ пролетѣвшему времени, къ своимъ далекимъ встрѣчамъ съ литераторами и актерами, вспоминая о нихъ, какъ о близкой роднѣ. Величавая, добрая барыня, несмотря на преклонный возрастъ, вносила съ собою на сцену бодрость духа. Вы, нынѣшнія, нутко! — рвалось съ языка при видѣ ея.

Искусство незабвенной актрисы чаровало мягкими, тургеневскими тонами. Бабушка русской сцены пользовалась глубокимъ уваженіемъ всего актерства и за свою привѣтливость, за свою ласку.

Какъ она любила свой театр!

Врачи настаивали на покоѣ, а старческое сердце усиленно билось при одномъ воспоминаніи о сценѣ. Екатерина Николаевна начала, не считаясь съ болѣзненнымъ состояніемъ, снова, отъ времени до времени, появляться на сценѣ.

Послѣднія вспышки таланта скоро угасли, и Екатерины Николаевны не стало.

Когда мнѣ приходится слышать упоминаніе о традиціяхъ Александринскаго театра, я спрашиваю: въ чемъ выражаются эти традиціи?

Въ той искренней прогрессивной заботѣ стариковъ о процвѣтаніи успѣха любимаго дѣла, объ охранѣ хорошихъ обычаевъ, которые завѣщали имъ предшественники. Жулева хранила эти традиціи,

какъ и многіе ея товарищи. Но этого мало, они дополняли, совершенствовали эти завѣты...

На моихъ глазахъ въ Александринскомъ театрѣ прошла вереница актрисъ. Если не всѣхъ, то многихъ изъ нихъ, хочется назвать. Я засталъ тамъ А. М. Читау, которая мнѣ памятна особенно въ «Злобѣ дня» Н. А. Потѣхина въ роли матери Градищевой, родовитой аристократки. Артистически справлялась она съ этой довольно ходульной ролью, и въ сценѣ объясненія съ будущимъ женихомъ дочери, когда съ ней дѣлается истерика, захватывала театрѣ.

И въ совершенно противоположныхъ характерныхъ роляхъ старухъ, большею частью драматическихъ, Читау давала типичные образы.

Громова, Сабурова, Александрова, неувядаемая до сихъ поръ В. В. Стрѣльская, Левкѣевы — старая и молодая, какъ ихъ тогда называли, М. М. Глѣбова, А. И. Дюжикова, Н. Е. Хлѣбникова, А. З. Тютрюмова, — подававшая большія надежды, но быстро покинувшая сцену, Литвинова, А. А. Яблочкина-Журина, О. Д. Лолла, поступившая послѣ успѣшныхъ дебютовъ на клубныхъ сценахъ и закончившая трагически карьеру въ провинціи и др.

Дебютировала въ Александринскомъ театрѣ Е. Н. Горева, о которой шумѣли лѣтъ двадцать пять назадъ до сумасшествія. Десятки именъ, которыхъ не, припомнишь! Служилъ въ Александринскомъ театрѣ но совсѣмъ безуспѣшно, одинъ или два сезона Н. Н. Соловцовъ, впослѣдствіи извѣстный антрепренеръ, основавшійся въ Кіевѣ. Послѣ неоднократныхъ попытокъ зачислили въ труппу Г. Н. Стремлянова, отца М. Г. Савиной.

Дочь будто бы сначала противилась до поры до времени его поступленію, по той разумной причинѣ, чтобы не заслуживать упрека товарищей, которые могли бы сказать, что она протаскиваетъ свою родню.

За кулисами Александринскаго театра были популярны двѣ личности. Они не принадлежали къ актерской средѣ. Я говорю о бібліотекарѣ А. Х. Мозерѣ и секретарѣ театральнаго комитета, а прежде второмъ режиссерѣ А. П. Шталь.

Мозеръ первый въ Россіи занялся литографированіемъ и распространеніемъ въ провинціи пьесъ, шедшихъ въ Александринскомъ театрѣ. Тогда не существовало спеціальныхъ театральныхъ бібліотекъ.

Оба они общіе друзья нѣсколькихъ поколѣній александринскихъ актеровъ. Шталь недавно скончался въ преклонныхъ лѣтахъ.

Заканчивая клочки воспоминаній о близкомъ мнѣ театрѣ, я извиняюсь, что о многихъ забылъ упомянуть, и повторяю, что не руководствовался хронологіей и послѣдовательностью, предоставляя эту кропотливую работу историкамъ.

Я записалъ, что помнилъ, и что пригодится, пожалуй, какъ справочный матеріалъ.

Пріятельскій кружокъ.

III.

Литературно-театральный кружокъ въ ресторанѣ «Малый Ярославецъ». Федоровъ, Шрейеръ, Макаровъ, Пропперъ, Градовъ-Соколовъ, Пыляевъ, Горбуновъ, Григоровичъ, Похвисневъ, Киселевскій, Самаринъ, Быковъ, Бефани, Ивановъ-Классикъ, Зазулинъ, Атава-Терпигоревъ и др.

Въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія (какъ странно звучать эти слова!) въ Петербургѣ въ маленькой, низкой комнатѣ у буфета трактира «Малый Ярославецъ» собирались ежедневно съ четырехъ часовъ дня литераторы, артисты, музыканты, журналисты и люди, близкіе къ этому кружку.

Тутъ пили, ѣли, спорили и сочиняли статьи. Засѣданія прерывались часовъ въ восемь вечера, когда всѣ спѣшили по театрамъ, а къ 11—12 часамъ ночи комната снова наполнялась тѣми же самыми лицами. Иногда многіе, увлекаясь бесѣдой или виномъ, совсѣмъ не разъѣзжались, а оставались до поздней ночи. Удалялись наверхъ въ отдѣльные кабинеты отдохнуть и опять спускались, совсѣмъ какъ у себя

дома. Въ началѣ девяностыхъ годовъ кружокъ прѣдѣль и, наконецъ, распался.

Въ литературно-театральной комнатѣ можно было видѣть: И. О. Горбунова, В. П. Далматова, П. П. Киселевскаго, С. Н. Атаву-Терпигорева, Ф. Н. Берга, Д. В. Григоровича, Л. И. Градова-Соколова, М. П. Федорова, «Короля репортеровъ» — Ю. О. Шрейера, А. А. Нильскаго, балетомана, критика и водевилиста А. Н. Похвиснева, балетомана Н. М. Безобразова, композитора Г. А. Лишина, драматурга, журналиста и антрепренера—И. П. Зазулина, музыкальнаго критика и редактора «Биржевыхъ Вѣдомостей» — П. С. Макарова, путешественника П. И. Пашино, I. Я. Сѣтова, М. В. Лентовскаго, М. Г. Черняева, Н. Н. Бутурлина — этого друга артистовъ и литераторовъ, — бывшаго оберъ-полицеймейстера въ Варшавѣ, М. И. Пыляева, поэта А. Ф. Иванова-Классика, П. Ф. Левдика и мн. др. Рѣдко удавалось постороннему посетителю устроиться въ литературно-театральной комнатѣ. Весь Петербургъ зналъ объ этихъ собраніяхъ и, когда въ городѣ происходило что-нибудь особенное, за новостями спѣшили въ Малый Ярославецъ. Если умиралъ кто-нибудь изъ общественныхъ дѣятелей, то сообщали прямо сюда, и тутъ одни вспоминали о покойномъ, а другіе садились писать некрологи и разсылали по редакціямъ. Бывало, входишь въ Малый Ярославецъ и слышишь, какъ журналисты приказъ швейцару отдають.

— Посыльнаго! скорѣе съ угла посыльнаго! нужно въ редакцію послать.

— И мнѣ тоже! спѣшное!

— Еще третьяго посыльнаго!

— Четырехъ!—слышится новый голосъ.

И вскорѣ швейцаръ входитъ въ сопровожденіи четырехъ посыльныхъ, которые бѣгутъ по редакціямъ. То же бывало и послѣ выдающихся первыхъ представленій. Иногда компанія, посидѣвъ долго въ ресторанѣ, разыгрывала шутки, какъ, напримѣръ, съ «Королемъ репортеровъ» Ю. О. Шрейеромъ, который жилъ у Большого театра въ домѣ балетмана Н. М. Безобразова. Редакторъ «Новаго Времени» Михаилъ Павловичъ Федоровъ и еще кто-то звонили однажды къ нему въ два часа ночи по телефону, сообщая о страшномъ убійствѣ на Петербургской сторонѣ, причемъ указывали адресъ. Шрейеръ спалъ, не полѣнился встать и поѣхать на Петербургскую сторону гдѣ ничего не слышали объ убійствѣ. Тогда «Король репортеровъ», писавшій въ то время по крайней мѣрѣ въ десяти изданіяхъ, разбудилъ въ свою очередь полицейскаго пристава, требуя указать мѣсто преступленія.

— Я дѣйствительный статскій совѣтникъ Шрейеръ... Не скрываете.

— У меня все спокойно въ участкѣ, ваше превосходительство. Можетъ быть, у сосѣда?

— Зарѣзано пятеро дѣтей.

— Ничего подобнаго даже не слышалъ.

— Вы не должны скрывать...

Шрейеръ, утомленный, измученный, ѣздилъ въ сосѣдній участокъ къ другому полицейскому приставу, который принялъ его за ненормальнаго человека, и затѣмъ направился въ «Малый Ярославецъ» разслѣдовать, кто сообщилъ. Тамъ было подстроено и объяснили, что по телефону разговаривалъ гвардейскій офицеръ.

— Это мисти́фикація!—сказаль, протягивая всѣмъ руку, Шрейеръ.

— А! Юлі́й Осиповичъ!—обратился къ нему Федоровъ... рекомендую съѣсть телячью головку... отлично подали.

— Ёздиль на Петербургскую... извозчику три рубля!.. это просто свинство.

Всѣ расхохотались.

— Вы?—крикнулъ догадавшійся Шрейеръ.—Такъ я и зналъ. Это вы, Федоровъ — гвардейскій офицеръ!

— Пошутили!—сказаль Михаилъ Павловичъ... За это мы васъ ужиномъ угощаемъ!

— Чортъ васъ возьми съ вашимъ ужиномъ! Ну, не подлость ли, мнѣ нездоровилось! Вѣдь двухъ полицейскихъ приставовъ съ кровати поднялъ.

Шрейеръ въ концѣ концовъ самъ хохоталь больше всѣхъ.

Ю. О. Шрейера справедливо называли «Королемъ репортеровъ»: онъ проникаль рѣшительно всюду, а въ крайнихъ случаяхъ надѣваль какой-то мундиръ съ орденами, которыхъ у него было довольно, и если его не пускали, то требоваль пропуска.

Приѣхавъ зимой въ квартиру въ Басковомъ переулкѣ, гдѣ убили женщину, и гдѣ передъ тѣмъ были судебныя власти, неприказавшія никого пускать, онъ велѣль сторожу отворить дверь.

— Не могу-съ!

— Приказываю!

— Не могу-съ! Воспрещено.

— Смотри!

Юлі́й Осиповичъ распахнулъ шубу, а сторожъ,

увидя блескъ орденскихъ знаковъ, струсилъ и произнесъ:

— Ваше превосходительство, виновать... не призналъ.

— Надо, братецъ, различать людей.

Шрейеръ осмотрѣлъ трупъ, квартиру и напечаталъ на другой день цѣлое слѣдствіе, поразившее судейскихъ. Сторожъ принялъ его за самаго главнѣйшаго прокурора.

Юлій Осиповичъ былъ живой человѣкъ, настоящій журналистъ, который иной разъ самъ тратилъ больше, чѣмъ получалъ за статью или замѣтку. У него былъ нервъ журналиста, а если онъ узнаеть, бывало, какую-нибудь новость — летить по редакціямъ. Нѣкоторые издатели, однако, эксплуатировали его, стараясь поменьше заплатить гонорара.

Весьма типичнымъ завсегдатаемъ «Малаго Ярославца» былъ композиторъ и музыкальный критикъ Павелъ Семеновичъ Макаровъ. Сначала бывшій редакторомъ журнала «Музыкальный Свѣтъ», издаваемого Н. П. Карцевымъ, а потомъ сдѣлавшійся редакторомъ газеты С. М. Пропера «Биржевыя Вѣдомости», Макаровъ, полный, блѣдный мужчина, лѣтъ за пятьдесятъ, съ длинною сѣдой бородой, отличался невозмутимостью, ровностью характера и желаніемъ казаться умнѣе другихъ. Въ его разговорѣ звучалъ какой-то менторскій покровительственный тонъ. Человѣкъ это былъ честный и деликатный. Музыку понималъ хорошо! по крайней мѣрѣ такъ аттестовали музыканты. Они, впрочемъ, часто хвалятъ тѣхъ, кто этого не заслуживаетъ, дабы порицать людей понимающихъ. Макаровъ дѣйстви-

тельно былъ толковый музыкальный критикъ. Иногда, обращаясь къ М. П. Федорову, онъ громко говорилъ, не стѣняясь присутствующихъ:

— А знаете, Михаилъ Павловичъ, на насъ спросъ растетъ!

— На кого, на насъ?

— На отвѣтственныхъ редакторовъ. Испытанные, благонамѣренные люди. Вы, да я, а назовите-ка еще кого-нибудь?

Федоровъ улыбался и подмигивалъ сосѣдямъ, указывая на Макарова.

— Я увѣренъ, что меня бы сейчасъ утвердили редакторомъ! — замѣтилъ съ увѣренностью публицистъ Леонидъ Павловичъ Филипповичъ, писавшій политическія и театральныя статьи въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» и въ «Петербургской Газетѣ», а ранѣе работавшій въ «Голосѣ». Филипповичъ былъ немолодой, красивый мужчина, хорошо воспитанный.

— Васъ? — удивленно посмотрѣлъ Макаровъ, который считалъ его либераломъ.

— Разумѣется.

— Попробуйте... А вотъ если мы захотимъ съ Михаиломъ Павловичемъ, насъ еще утвердятъ редакторами другихъ изданій. Надежные люди.

— Я сегодня видѣлъ вашего издателя Проппера, — продолжалъ Филипповичъ — онъ недурную статью помѣстилъ... она мнѣ понравилась.

— Это онъ вамъ говорилъ, Леонидъ Павловичъ?

— Я знаю самъ.

— Прежде всего, — объяснялъ необыкновенно спокойнымъ, ровнымъ тономъ Макаровъ, сознававшій и чувствовавшій могущество редактора, — Пропперъ

только издатель, а редакторъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» я, и, слѣдовательно, онъ помѣстить ничего не могъ. Было это такъ: Пропперъ передалъ мнѣ статью и сказалъ: «Павель Семеновичъ, вотъ статья!» Я прочелъ и дѣйствительно помѣстилъ. Если Пропперъ придетъ сюда, я охотно повторю все это ему при свидѣтеляхъ. Онъ ничего помѣстить не могъ безъ моего согласія.

Когда Филипповичъ былъ постояннымъ сотрудникомъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», то появлялся всегда вдвоемъ съ Макаровымъ. Они были большими пріятелями. Однажды Макарова притянулъ къ суду волостной писарь, котораго корреспондентъ обличалъ за какіе-то грѣхи, обнаруженные при приѣмѣ новобранцевъ.

Филипповичъ считалъ себя не только театральнымъ критикомъ, публицистомъ, но и юристомъ и предложилъ по-пріятельски бесплатную защиту Макарову.

— Тутъ вѣрное оправданіе,—доказывалъ Филипповичъ.

— А вдругъ?

— Да ужъ если я берусь... Ну, ступайте къ адвокатамъ, сдерутъ съ васъ.

— Ничего не сдерутъ! редактора защищать это имъ реклама!—возражалъ Макаровъ.

Я сидѣлъ въ литературно-театральной комнатѣ, когда Макаровъ и его защитникъ Филипповичъ, умѣвшій красно говорить, вошли туда усталые, утомленные.

— Я сталъ на ту точку, что...—объяснялъ Филипповичъ Макарову.

— Вотъ именно вы стали не на ту точку.

— Моя точка правильная...

— Ваша точка неправильная.

— Но почему же, Павелъ Семеновичъ!

— Потому уже, что меня приговорили, благодаря вамъ, въ тюрьму на два мѣсяца.

Долго они спорили о точкѣ зрѣнія и другъ друга старались убѣдить.

— Если бы вы молчали,--доказывалъ Филипповичъ,—васъ бы оправдали!

— Садитесь въ Петербургскую часть, тамъ уютно!—смѣясь и похлопывая Макарова по плечу, произнесъ М. П. Федоровъ. — Я васъ познакомлю со зрителемъ, добрый русскій человѣкъ. Я у него сидѣлъ.

П. С. Макаровъ, однако, былъ потомъ оправданъ или покончилъ миромъ—не помню.

Михаилъ Павловичъ Федоровъ считался наиболѣе почетнымъ гостемъ въ литературно-театральной комнатѣ, потому что онъ началъ посѣщать «Малый Ярославецъ» ранѣе другихъ. Бывалъ здѣсь въ молодости съ Сазоновымъ, Зубровымъ, Горбуновымъ и другими актерами. Большинство пріятелей называло его просто Миша.

Михаилъ Павловичъ пріѣзжалъ въ трактиръ къ шести часамъ, прямо изъ редакціи. Онъ любилъ прихватывать съ собою молодыхъ сотрудниковъ «Нов. Вр.» какъ, напримѣръ, бывшаго актера В. Г. Ильменскаго, И. П. Зазулина, а иногда кого-нибудь еще. Долгое время при немъ состоялъ юный зубной врачъ и театраль Солоненко, застрѣлившій потомъ изъ ревности Мясникову и покончившій самоубійствомъ.

Федоровъ занималъ у окна опредѣленный столъ и такъ какъ всегда передъ обѣдомъ ощущалъ голодъ, то горячился.

— Ну, что ты мнѣ въ ротъ смотришь!—кричалъ онъ на человѣка, служившаго ему.—Что ты мнѣ карточку съешь, я знать не хочу твоей карточки.

— Виновать, Михаилъ Павловичъ.

— Сашу, Ласточку мнѣ позови!

Ласточка былъ главный буфетчикъ, любимецъ всего кружка и душа «Малаго Ярославца». Журналистамъ и актерамъ онъ открывалъ кредитъ.

— Что прикажете, Михаилъ Павловичъ?

— Ахъ, вотъ и Ласточка! Здравствуй, Саша! Михаилъ Павловичъ протягивалъ ему руку.—Узнай, пожалуйста, Саша, у повара, что бы мнѣ скушать можно?

— Полегче?

— Гм.. среднее!

— Ушицу съ налимьими печеночками, растегайчикъ, потомъ котлетки изъ рябчика, потомъ можно цыпленочка съ фаршемъ и кашку гурьевскую. Грибки есть...

— Вотъ и грибовъ тоже добавишь къ котлеткѣ изъ рябчика... такъ отлично... А пока кусочекъ балычку и кусочка два мѣшковой икры... знаешь, любимой моей.

Ласточка исчезъ, а Федоровъ одобрялъ его умѣніе дать идею, что пріятно съѣсть. Михаилъ Павловичъ, сознававшій, что незаслуженно обидѣлъ человѣка, принесшаго ему карточку, подозвалъ его и наградилъ двугривеннымъ.

— Старуха Жюдикъ меня вчера поразила,—обра-

тился къ присутствующимъ Михаилъ Павловичъ.— Наше поколѣніе! Сегодня хочу ее въ «Нинишъ» послушать. Былъ у нея въ уборной. Вспоминали съ ней прошлое. Артистка неподражаемая, нашимъ бы поучиться у нея надо!

— А Зорина, Бѣльская, Михаилъ Павловичъ!— сказалъ кто-то.

— Не говорите, не говорите!—закричалъ Федоровъ.— Тутъ шикъ, остроуміе, а наши русскія оцыганились... покорно благодарю! Я рара-Сѣтову прямо сказалъ: какъ ни старайтесь, до французовъ далеко.

Въ это время въ дверяхъ показался чистенькій, выбритый, вѣчно въ бѣломъ галстухѣ и сюртукѣ, извѣстный актеръ, любимецъ публики, Л. И. Градовъ-Соколовъ.

— Вотъ не ожидали!—увидя его крикнулъ Михаилъ Павловичъ.— Единственный, кого смотрю съ удовольствіемъ въ русской опереткѣ!

— Здравствуй, Миша!

Градовъ поцѣловалъ Михаила Павловича въ щеку.

— Посмотри Жюдикъ!—совѣтовалъ ему Федоровъ.

— Миша, вѣдь ей сто лѣтъ!

— Не возмущай, что же ваши Марусина—Пуаре, Кеслеръ, Зорина лучше?

— Да чего ты кричишь-то, я собираюсь Жюдикъ смотрѣть.

— Оживила, молодымъ вчера къ Борелю пріѣхалъ... Просидѣлъ тамъ до пяти утра.

— Миша выпьемъ кахетинскаго!—предложилъ Градовъ-Соколовъ.

— Ну, нѣтъ, братъ, спасибо, въ послѣдній разъ я едва всталъ на другой день. Керосинъ.

Однажды Михаилъ Павловичъ сидѣлъ въ Маломъ Ярославцѣ» совершенно одинъ. Къ нему подошелъ какой-то бѣдно одѣтый господинъ и поклонился. Федоровъ зналъ весь Петербургъ, хотя многихъ не узнавалъ. Онъ протянулъ незнакомцу руку.

— А! очень радъ, ну, что, какъ поживаете, присядьте.

— Такъ себѣ.

Незнакомецъ присѣлъ.

— Давно васъ не видалъ...

— Не приходилось какъ-то...

— А вы что же теперь-то обѣдать?

— Нѣтъ, я больше такъ... Думалъ встрѣчу кого-нибудь.

— А! еще не собрались... вамъ кого?

— Собственно никого, я больше къ вамъ. Не можете ли одолжить мнѣ три рубля!

Незнакомецъ произнесъ это необыкновенно быстро. Федоровъ вскочилъ и разсердился

— Ласточка, да что же это... какой-то незнакомецъ, денегъ просить...—горячился Федоровъ.

— Михаилъ Павловичъ, извините, мы думали, что они вашъ хорошій знакомый... Они пальто даже не имѣютъ...

— Первый разъ вижу!...

Незнакомецъ быстро исчезъ, а Федоровъ для спокойствія вынулъ бумажникъ и пересчиталъ деньги.

М. П. Федоровъ пользовался въ средѣ, о которой идетъ рѣчь, общей дружбой. Михаилъ Павловичъ былъ незлопамятный и только языкъ—его врагъ, вредилъ ему порою. Товарищи звали его шутя «добродушнымъ клеветникомъ». Дѣйствительно, Федо-

ровъ, бывало, никому спуску не дастъ, расскажетъ все, что слышалъ, а когда дойдетъ дѣло до объясненій—растеряется. Сегодня онъ разбираетъ кого-нибудь съ чужихъ словъ по косточкамъ, критикуетъ, а завтра видишь ихъ вмѣстѣ.

— Михаилъ Павловичъ, вы вчера такъ неодобрительно о немъ отзывались.

— Представьте себѣ, оказывается отличный малый, это все клевета, которую про него распускали. Мнѣ наговорили!

Въ концѣ концовъ оцѣнкѣ людей М. П. Федоровымъ не придавали никакого значенія, на кого бы онъ ни нападалъ, кого бы до небесъ ни превозносилъ. Иногда лишь ему замѣчали:

— Язычекъ у тебя, Миша!

Память Михаилу Павловичу иногда измѣняла, и онъ самъ забывалъ свои приговоры. Были люди, которые пользовались Федоровымъ для своихъ гнусныхъ плановъ: скажутъ Михаилу Павловичу про кого-нибудь сплетню, а когда Федоровъ повторитъ ее съ ихъ же словъ, начинаютъ распространять.

-- Это Михаилъ Павловичъ сочинилъ.

Въ средѣ актерства и журналистовъ онъ считался знатокомъ театра, драматической литературы, какъ нашей, такъ и иностранной. Въ «Маломъ Ярославцѣ» ни одинъ театральнй вопросъ не рѣшался безъ него, ни одинъ некрологъ актера или драматурга не написали безъ замѣчаній и воспоминаній Михаила Павловича. Федоровъ помнилъ все, что касалось театра, кто когда какую роль игралъ, хоть лѣтъ 25 назадъ, и въ этихъ свѣдѣнiяхъ не ошибался. Въ молодости онъ проводилъ время больше въ театраль-

ныхъ залахъ, а позднѣе предпочиталъ сидѣть за кулисами, не выдерживая никакихъ длинныхъ представлений. Михаилъ Павловичъ имѣлъ большую слабость къ кафе-шантану и опереткѣ и не скрывалъ этого, не лицемерилъ. Знаменитый увеселитель столицы директоръ «Демидрона» (Демидовъ садъ) Василій Егаревъ иначе не называлъ Федорова какъ знатокомъ по части французскихъ пѣвицъ.

— Знатокъ они!—говорилъ Егаревъ въ носъ.—И жанры артистокъ опредѣляютъ безъ ошибки. Есть еще знатоки, а только Михаилъ Павловичъ выше! Они, можно сказать, первый.

Въ «Маломъ Ярославцѣ» другомъ Федорова былъ одно время, чрезвычайно похожій на него, Михаилъ Ивановичъ Пыляевъ, о которомъ я упоминалъ уже. Незнакомые ихъ иначе не называли, какъ братцами.

Однажды Пыляевъ пришелъ въ литературно-театральную комнату обѣдать прежде Федорова. Вошедшій господинъ принялъ его за Федорова, протянулъ руку, обнялъ и поцѣловалъ.

— Вы меня, вѣрно, за Михаила Павловича принимаете?—жалобно произнесъ Пыляевъ, освобождаясь изъ объятій.

И много разъ ихъ мѣшали.

Какъ-то Федоровъ распустилъ слухъ про Пыляева, будто тотъ давалъ въ ресторанѣ «Самаркандъ» въ честь какой-то дамы пиръ съ цыганами.

До Пыляева это дошло, и шутка не понравилась ему. Онъ, придя въ «Малый Ярославецъ», сѣлъ противъ Михаила Павловича. Тутъ обѣдали еще человѣка три.

— Нехорошо, Михаилъ Павловичъ!—съ улыбкой Мефистофеля сказалъ Пыляевъ.

— Что, что такое нехорошо?—заворчалъ Федоровъ, любопытство котораго не знало границъ.

— Мы знаемъ что!—отвѣчалъ Пыляевъ.

— Да нѣтъ, послушайте, Михаилъ Ивановичъ, что такое еще?.. Неужели какія-нибудь сплетни опять?

— Скрываете отъ насъ ваши похождения.

— Какія похождения? Даю вамъ честное слово, что сижу по вечерамъ дома... Новый романъ Золя читаю.

— А въ «Самаркандѣ» то?

— Что въ «Самаркандѣ»?

— Угощали кого-то, цыгане пѣли... слышали!

— Я? Ужъ если хотите знать, это про васъ говорили.

— Про меня-съ... да что вы, Михаилъ Павловичъ... На меня хотите свалить!... я тамъ два года не былъ! Нехорошо Михаилъ Павловичъ!

— Да позвольте,—начиналъ уже сердиться Федоровъ,— я не былъ тамъ...

— Не скрывайте, Михаилъ Павловичъ! Ни съ того, ни съ сего не сочинять.

Михаилъ Павловичъ негодовалъ, хотя присутствовавшіе полагали, что онъ попался... Это обстоятельство сдерживало Федорова, когда онъ болталъ впоследствии о Пыляевѣ. Онъ побаивался, что тотъ отплатитъ ему тою же монетой.

— Парацельзъ! здравствуй!—сказалъ, войдя въ «Малый Ярославецъ», Иванъ Федоровичъ Горбуновъ, обращаясь къ Пыляеву.

Горбуновъ всѣхъ сидѣвшихъ, по обыкновенію, перецѣловалъ.

— Парацельзъ, какую ты мнѣ мазь обѣщалъ?

— Принесу, Иванъ Федоровичъ, непременно принесу...

— Принеси, пожалуйста!

— Вотъ даже узелокъ завяжу на платкѣ, Иванъ Федоровичъ.

— Ласточка!—подмигнуль Горбуновъ буфетчику.

— Составу прикажете, Иванъ Федоровичъ?

— Его самаго.

Вскорѣ Ивану Федоровичу подали огромный стаканъ съ содовой, коньякомъ и еще какими-то добавленіями. Такъ какъ Пыляевъ любилъ лѣчить, то Горбуновъ нѣтъ-нѣтъ да обращался къ нему.

-- Ломить...

— Мазью помажете, все пройдетъ.

— Изъ чего она, Миша?

— Ну, да ужъ что тамъ... старинное это средство.

— Михаилъ Ивановичъ,—обратился съ просьбою Федоровъ,—принесите вы мнѣ вашего зубного элекси́рцу... весь вышелъ.

— Съ удовольствіемъ, Михаилъ Павловичъ.

— Мастеръ,—поощрилъ его Федоровъ...—многіе восхищаются его порошкомъ и элекси́ромъ.

Я записалъ со словъ пріятеля И. Θ. Горбунова рассказъ послѣдняго о М. И. Пыляевѣ, авторѣ «Стараго Петербурга» и пр. Пыляевъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Горбуновымъ съ ранней юности, они другъ про друга много рассказывали забавнаго и безобиднаго.

— Мишу помню давно,—говорилъ Горбуновъ,—за кулисами у насъ въ Александринскомъ театрѣ онъ сдѣлался своимъ человѣкомъ. Носилъ намъ изъ отцовской лавки въ Гостиномъ дворѣ парфюмерию. Его всѣ любили, и когда Миши не было за кулисами, какъ будто кого-то не хватало. Вдругъ Миша

пропалъ! Нѣтъ Миши! исчезъ и ни слуху, ни духу... изъ Петербурга исчезъ. Разыскивали мы его, справлялись—пропалъ. Актеры сожалѣли. Много времени спустя пріѣзжаю я въ Воронежъ рассказывать и сижу въ мѣстномъ саду за столикомъ. Подходить ко мнѣ знакомый воронежскій помѣщикъ.

— Какъ, спрашиваю, вы поживаете?

— Да я ничего... жена вотъ очень больна, кому ни показывалъ, толку нѣтъ.

— Надо бы съ знаменитыми докторами посоветоваться.

— Непремѣнно... Я за этимъ въ городъ! Сегодня, какъ я узналъ, пріѣхалъ вашъ знаменитый врачъ.

— Кто такой?

— Михаилъ Ивановичъ Пыляевъ.

Тутъ мы встрѣтились съ Мишей и провели нѣсколько дней. На другой годъ въ Орлѣ я былъ и разговорился со знакомой старухой, помѣщицей, мужа которой я хорошо зналъ.

— Все ли благополучно у васъ?—спрашиваю.

— На скотѣ какая-то болѣзнь, боимся, не чума ли?

— А что же господа ветеринары?

— Ничего въ толкъ не возьмутъ, но вотъ пріѣхалъ изъ столицы замѣчательный ветеринаръ.

— Кто такой?

— Пыляевъ, Михаилъ Ивановичъ, много помогъ уже...

— Миша...

Потомъ мы съ Мишей гостили вмѣстѣ у помѣщика N, и тамъ онъ тоже практиковалъ, дѣлалъ операціи, давалъ снадобья, и всѣ ему были благодарны. Однажды Миша пошелъ погулять и пропалъ. День

ждали, два ждали, три... думали утонуть. Дали знать становому, всему начальству. Пропалъ и вещи оставилъ. Три мѣсяца прошло, и вдругъ получается отъ него письмо изъ Египта!

Въ этомъ разсказѣ И. Θ. Горбунова есть, можетъ быть, нѣкоторая утрировка, но знавшіе М. И. Пылева и его оригинальные обычаи и привычки, не удивятся такимъ метаморфозамъ въ жизни покойнаго писателя.

Съ Горбуновымъ въ литературно-театральной комнатѣ произошелъ однажды курьезный случай. Онъ встрѣтилъ тамъ знакомаго молодого человѣка^{*}, и они сѣли пить портеръ. Молодой человѣкъ только что окончилъ курсъ въ училищѣ Правовѣдѣнія.

— Ну, что, молодой человѣкъ, куда теперь направите путь жизни? — интересовался Горбуновъ. — Въ прокуроры, въ адвокаты, или по министерству?

— Литературой начинаю заниматься.

— Хорошее дѣло!

— Пишу въ * * (молодой человѣкъ назвалъ одну ежедневную газету).

— У N?

— Да.

— Что вамъ за охота, мелка очень эта литература... Бросьте вы эту газету... посерьезнѣе бы что-нибудь.

— Трудно мнѣ бросить-то, Иванъ Ѳедоровичъ, вѣдь это изданіе моего отца.

— Простите, я и не узналъ васъ! — сказалъ сконфуженно Горбуновъ. — Я вѣдь отца-то вашего знаю

лѣтъ тридцать и люблю... очень люблю! Старайтесь, старайтесь, молодой человѣкъ. Чеховъ тоже съ мелочей началъ, а заговорили... расцвѣтете, вотъ увидите! Григоровичъ во многихъ домахъ его рассказы читалъ... Открылъ, говоритъ, талантъ...

— Чехова Лейкинъ открылъ!—вмѣшался кто-то въ разговоръ.

— Это ужъ потомъ самъ Чеховъ разберется, чье онъ открытіе... Самъ онъ себя открылъ, я такъ думаю.

Два слова о популярности И. О. Горбунова и изображаемаго имъ генерала Дитятина...

На курьерскихъ поѣздахъ Николаевской жел. дор. для прислуги, при прежнемъ тарифѣ, всегда былъ вагонъ 2-го класса. Кромѣ прислуги въ него никто по правиламъ не допускался. Однако, люди, не располагавшіе достаточными средствами, ухитрились обращаться съ просьбой къ знакомымъ пассажирамъ и ѣздить съ курьерскимъ поѣздомъ во 2-мъ классѣ.

Однажды входитъ кондукторъ и тихо спрашиваетъ какую-то шубу.

— Вы съ кѣмъ ѣдете?

Шуба задумалась, а потомъ отвѣтила:

— Съ генераломъ Дитятинымъ.

— Его превосходительство почиваютъ?

— Давнымъ давно.

Кондукторъ подошелъ къ пальто.

— А вы съ кѣмъ ѣдете? кто ваши господа?

— Съ генераломъ Дитятинымъ.

— Съ нимъ же... А вы съ кѣмъ? — обратился кондукторъ къ толстяку въ шинели.

— Съ генераломъ Дитяинымъ.

— Какой штатъ прислуги-то у его превосходительства!—Кондукторъ желалъ потомъ взглянуть на его превосходительство, но никто не могъ найти генерала Дитяина.

Очень рѣдко, но показывалась въ театральнo-литературной комнатѣ серебряная голова Д. В. Григоровича. Онъ заходилъ сюда послѣ какихъ-нибудь собраний, чтобы подѣлиться впечатлѣнiями, и торопился домой, пораньше лечь спать.

— Что новаго въ театральнo-литературномъ комитетѣ?—спрашивали обыкновенно журналисты и актеры у Григоровича, который былъ предсѣдателемъ перваго отдѣленiя этого комитета.

— Дамы, дамы начинаютъ одолѣвать. Читаемъ все дамскiя пьесы. Если такъ будетъ расти число дамскихъ произведенiй, то къ концу столѣтiя придется открывать третье отдѣленiе комитета! *) и все драмами душать! Отдохнуть не на чемъ. Надняхъ какой-то сумасшедшiй читалъ трагедiю въ стихахъ, измучилъ насъ. Я ужъ и этакъ, и такъ, читайте, говорю, отрывками, сценами... по нимъ ясно составляется понятiе о всемъ произведенiи. «Нѣтъ, отвѣчаетъ, цѣльность впечатлѣнiя важна». Двое моихъ коллегъ, поэтъ и старыи публицистъ, заснули!

За столикомъ, около котораго сидѣли М. П. Федоровъ, И. Ѳ. Горбуновъ и кто-то еще, зашла рѣчь

*) И наканунѣ новаго столѣтiя Григоровичъ жаловался на обилiе дамскихъ пьесъ. Онъ предсказалъ вѣрно этотъ урожай.

о Михайловскомъ театрѣ *). Федоровъ, по привычкѣ, похвалилъ прежнее время, назвалъ нѣсколько громкихъ именъ и напалъ на режиссера Ланжаллэ.

— Хоть бы вы, Дмитрій Васильевичъ,—ворчалъ Федоровъ,—сказали при случаѣ И. А. Всеволожскому, что вся публика недовольна. Низводитъ сцену этотъ господинъ Ланжаллэ.

— Я сегодня былъ по этому поводу у Ивана Александровича,—сказалъ Григоровичъ.—А. Н. Плещеевъ... вотъ его отецъ (Григоровичъ указалъ на меня), живущій временно въ Парижѣ, слышалъ, что Ланжаллэ удаляютъ. Онъ просилъ меня провѣрить этотъ слухъ и передать И. А. Всеволожскому, не воспользуются ли услугами Дьедоне, который мечталъ возвратиться снова въ Россію.

— Были вы у директора театровъ?

— Былъ и самъ слышалъ отъ него, что слухъ о приглашеніи новаго режиссера лишенъ основанія, что дѣятельностью Ланжаллэ довольны. Надо надѣяться,—прибавилъ Григоровичъ,— что онъ долго просидитъ въ Михайловскомъ театрѣ. Всеволожской весьма сожалѣлъ о смерти Деа, молодой дочери Дьедоне, которую было предположено пригласить въ нашу французскую труппу. Я слышалъ, что она была талантливой.

Въ литературно-театральной комнатѣ почти ежедневно можно было встрѣтить путешественника, литератора Петра Ивановича Пашино, неудачно при-

*) Это относится къ позднѣйшему времени, но такъ какъ мѣсто дѣйствія одно, то я и привелъ настоящій разговоръ.

ступавшаго когда-то къ изданію «Азіатскаго Вѣстника». Пашино былъ разбитъ параличемъ, послѣ чего у него одна нога слегка волочилась, и моталась рука. Это его нисколько не удручало, и онъ жилъ долго въ такомъ положеніи, не воздерживаясь по части спиртныхъ напитковъ. Про него кто-то сказалъ. если не ошибаюсь, Д. Д. Минаевъ:

Градъ идетъ какой-то странный,
 Не крупа и не пшено,
 По Литейной ковыляетъ
 Петръ Иванычъ Пашино».

— Прощайте, господа!—говорилъ Пашино.—Прощайте, голубчики.

— Куда вы, Петръ Ивановичъ?

— Специальнымъ корреспондентомъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» въ Константинополь ѣду. Авансъ взялъ у Василія Григорьевича Авсѣенко.

— Когда ѣдете?

— Завтра въ Одессу и оттуда поплыву.

— Покачаетъ васъ.

— Охъ! меня ужъ и сегодня немножко качаетъ. Къ туркамъ, къ туркамъ! Ха, ха, ха!

Онъ постоянно говорилъ: «ха, ха, ха». Петръ Ивановичъ къ туркамъ не попалъ, оставшись на мѣстѣ въ Петербургѣ. Онъ, сидя на Литейной, умудрился написать двѣ корреспонденціи съ дороги — бесѣды съ турецкимъ пашей, слѣдовавшимъ на пароходѣ изъ Одессы въ Константинополь. Не лишне только замѣтить, что Пашино владѣлъ турецкимъ языкомъ, и потому многія фразы паши въ его бесѣдахъ были приведены по-турецки и тутъ же переведены на русскій языкъ.

За близость перевода къ подлиннику, конечно, поручиться было нельзя.

Пашино послѣ второй корреспонденціи не вытерпѣлъ и явился въ «Малый Ярославецъ» повидать друзей, чѣмъ и выдалъ себя.

Его потомъ звали «Пашино-паша».

В. Г. Авсѣенко, незнакомый съ такими нравами, только что принявшій на себя изданіе и редактированіе газеты, былъ весьма пораженъ. Онъ замѣтилъ однако, что Пашино взялъ очень мало денегъ авансомъ. Это Авсѣенко показалось страннымъ!

Корреспонденціи свои Пашино сочинялъ такъ ловко, что онѣ читались съ большимъ интересомъ. Выдержки изъ нихъ появились въ нѣмецкой и англійской печати.

— Какъ же это вы такъ!—подтрунивали надъ Петромъ Ивановичемъ пріятели.

— Да вѣдь написана правда. Паша, это мой другъ, мы съ нимъ лѣтъ десять назадъ разговаривали, я и привелъ его слова. Онъ мнѣ даже феску подарилъ. Я въ этой фескѣ много путешествовалъ и теперь ношу ее дома. Милый человекъ этотъ турокъ. Гаремъ мнѣ показывалъ.

Бывало, часовъ около двѣнадцати ночи, когда всѣ столики у буфета уже были заняты знакомыми, въ дверяхъ показывалась фигура въ енотовой шубѣ, напоминавшей по фасону шинель, съ необыкновенно высокимъ воротникомъ, замѣтно попорченнымъ молью. На головѣ этой фигуры была барашковая шапка съ бархатомъ. Фигура окидывала взоромъ присутствовавшихъ и, видя, что компанія интересна, отправлялась къ швейцару снимать шуба.

Это былъ Аркадій Николаевичъ Похвисневъ, популярнѣйшій человѣкъ въ Петербургѣ, въ свое время, въ царствованіе императора Александра II, блестящій гвардейскій офицеръ, а въ описываемые годы дѣйствительный статскій совѣтникъ, служившій въ Главномъ Управленіи по Дѣламъ Печати. Похвисневъ написалъ и передѣлалъ множество удачныхъ водевилей, занимался театральнѣй критикой, увлекаясь особенно балетомъ, и самъ просилъ называть его въ печати не просто «балетоманомъ», а «старѣйшимъ балетоманомъ». Безъ балета Похвисневъ жить не могъ и не пропускалъ ни одного спектакля, ѣздилъ на театральные ужины, пирушки, за которыми любилъ говорить рѣчи. Въ рѣчахъ его, самыхъ заурядныхъ, чувствовался какой-то необыкновенный пафосъ, подъемъ и увлеченіе. Произносилъ онъ ихъ глухимъ-преглухимъ голосомъ и чуть не послѣ cadaго блюда, а иногда и во время ѣды. За какимъ-то торжественнымъ ужиномъ въ честь иностранной дивы, не то балерины Дель-Эры, не то парижской пѣвицы Вильомъ, Аркадій Николаевичъ говорилъ такъ долго, что антрепренеръ, откровенный коммерсантъ, шепталъ ему:

— Аркадій Николаевичъ, урѣжьте слово, вы намъ всю дичь застудите, подавать надо!

А у дверей дѣйствительно ожидалъ окончанія рѣчи десятокъ лакеевъ съ блюдами, на которыхъ лежала «дичь разная», какъ называли ее въ «меню», и про которую Похвисневъ какъ-то замѣтилъ сосѣду:

— Что значитъ дичь «разная», вѣдь это, mon cher, — вчерашняя, старые объѣдки, и отчасти толь-

ко сегодня изжаренная, свѣжая. Не люблю неопредѣленности въ названіяхъ!

— Здравствуйте господа!—обратился Похвисневъ ко всѣмъ, протянувъ кой-кому два пальца.

— Саша!—обратился Похвисневъ къ буфетчику, — Ласточка! сдѣлай мнѣ судакъ о-гратенъ.

— Слушаю, ваше превосходительство.

— Побольше раковыхъ шеекъ!.. Сегодня Гердтъ изумилъ меня въ «Фараонѣ», удивительно игралъ Таора.

— Какъ вамъ не надоѣстъ балетъ, Аркадій Николаевичъ!—произнесъ съ какимъ-то озлобленіемъ М. П. Федоровъ.

— Mon cher, вы охотникъ до Приказчичьяго клуба... кто что любить.

— Какъ будто вы тамъ не бывали? Разрѣшите анекдотъ, Аркадій Николаевичъ, рассказать...

— Какое-нибудь сочиненіе!..

— Фактъ... Аркадій Николаевичъ обѣдалъ у министра и на другой день пошелъ инкогнито поиграть въ мушку въ одинъ клубъ. Сдають карты, взглянулъ онъ на сдающаго, а сдающій на него, и оба сконфузились. Сдавалъ камердинеръ министра, служившій наканунѣ Аркадію Николаевичу за обѣдомъ.

Есть, впрочемъ, и другой варіантъ этого разсказа: наканунѣ обѣда у министра Аркадій Николаевичъ игралъ въ маленькомъ клубѣ въ карты съ незнакомыми. За обѣдомъ, взглянувъ на человѣка, подсунувшаго ему блюдо съ рыбой, онъ узналъ въ немъ вчерашняго партнера по игрѣ.

— Преувеличено, ну, да пускай разсказываетъ, если

это ему нравится. Варвара Никитина меня прямо-таки очаровала въ прошлый спектакль. Какая легкость, какая грація! Вотъ балерина! Балетъ надо цѣнить и понимать... Ахъ, какой циникъ господинъ Скальковскій... Талантливъ, но циникъ. Я спрашиваю, какъ ему понравилась танцовщица Альджизи, а онъ мнѣ отвѣчаетъ: есть за что ущипнуть!

— Я помню Муравьеву,—сказалъ совершенно неожиданно Федоровъ,—и послѣ нея некого смотрѣть.

— Боже! какая критика... Если вы не ходите со временъ Марфы Николаевны въ балетъ, конечно, вы никого не видали. У насъ гиганты! Кшесинскій, Стуколкинъ, Гердтъ, Ваземъ, Соколова, а Никитина! а Югансонъ!..

— Аркадіи Николаевичъ поднесъ салфетку къ глазамъ и сдѣлалъ видъ, что плачетъ.

— Саша! Саша!—стоналъ онъ, призывая буфетчика.—Вѣдь это ужасно! Судакъ о-гратенъ и хоть бы одна раковая шейка.

— Запейте Помри, ваше превосходительство.

— Дай Помри!

Аркадіи Николаевичъ обожалъ шампанское въ равной степени, какъ и балетъ, хотя часто скорбѣлъ, что врачи запрещаютъ ему пить.

— Температура удивительна!—произнесъ онъ съ удовольствіемъ и сладкой улыбкой, чмокнувъ губами.—Такую температуру я встрѣчаю только за трапезой у Федора Ивановича Базилевскаго. Михаилъ Павловичъ, хлебните! ваше здоровье!

— Прекрасная температура! — согласился Федоровъ,—Саша, дай еще бутылку. Буду и я кутить.

— Ого, каковъ господинъ Федоровъ! — обрадо-

вался Похвисневъ, найдя подходящаго компаньона.— Михаилъ Павловичъ, да сдѣлайте мнѣ удовольствіе, приходите въ балетъ.

— Не могу, сплю, право сплю.

— Напишите вы замѣтку... вѣдь тамъ теперь двѣ партіи: одна стоитъ за русскую школу, другая за итальянскую. До чего только это дойдетъ! Ужина невозможно сформировать изъ-за этой партійности, одинъ не хочетъ ѣхать съ другимъ! Другъ друга чернятъ.

— Однако, у Базилевскаго всѣ ужинаютъ на Каменномъ островѣ, на дачѣ, забывая и партіи, и раздоръ!—съ ехидствомъ сказалъ Федоровъ...

— Гостепріименъ онъ очень, его такъ всѣ любятъ, трудно отказать.

— Потому и любятъ, что пьютъ и ѣдятъ на его счетъ.

— Вы старый скептикъ, языкъ у васъ злой... Пью за будущаго балетомана Федорова!

— Никогда имъ не буду.

— Ну, хотите за пѣвицу Монбазонъ выпить?

— Съ наслажденіемъ... вотъ это артистка, это талантъ, даромъ что въ опереткѣ поетъ! А что такое ваше балетное голоножіе.

— Пошлемъ Монбазонъ телеграмму!—предложилъ восторженный Похвисневъ.

— Вѣдь это рубля въ три влетитъ, а мы за эти деньги можемъ еще полбутылки Помри выпить.

— Разумѣется! Вы правы, Федоровъ,—не надо телеграммы!

Похвисневъ обходилъ всѣ столы, и отовсюду раздавался его голосъ: «Чекетти молодчина», «какой

неисчерпаемый запасъ фантазіи у Маріуса Петипа», «Машенька Петипа вихрь въ мазуркѣ, чародѣйка»!.. «А Варвара Никитина—пухъ!» Обойдя сосѣдей, онъ сѣлся на свое мѣсто, словно выполнилъ служебныя обязанности.

Одинъ изъ многочисленныхъ засѣдателей этого кружка былъ талантливый Иванъ Платоновичъ Киселевскій.

Какимъ-то чудомъ въ театръ въ Озеркахъ, нынѣ не существующій и совсѣмъ не въ тотъ, который потомъ сгорѣлъ, пріѣхалъ на гастроли знаменитый представитель Московскаго Малаго театра И. В. Самаринъ. Старикъ не ѣздилъ на гастроли, и только антрепренеру Озерковскаго театра удалось его соблазнить принять участіе въ нѣсколькихъ спектакляхъ. Успѣхъ былъ огромный, но дѣла антрепренера почему-то не клеились. И. П. Киселевскій рассказывалъ по поводу Самаринскихъ гастролей слѣдующее: «Прихожу я на вокзалъ въ Озеркахъ чтобы ѣхать въ Петербургъ, и вижу Ивана Васильевича Самарина. Старикъ поздоровался и заплакалъ.

— Иванъ Васильевичъ! что вы, голубчикъ, что съ вами?

— Ахъ, Иванъ Платоновичъ, жилъ я тихо и мирно, до старости дожилъ, уговорили гастролить... Пріѣхалъ и вотъ... дѣла антрепренера не важны, разовыхъ я не дополучилъ и не могу уѣхать въ Москву, не хватаетъ расплатиться.

— Иванъ Васильевичъ, позвольте вамъ предложить; у меня, положимъ, въ видѣ исключенія, но деньги сегодня есть.

Самаринъ занялъ у меня, и я проводилъ его въ

тотъ же день въ Москву. Очень ужъ мнѣ было жаль смотрѣть на этого прекраснаго старика, очутившагося въ такомъ положеніи. Насъ, провинціальныхъ актеровъ, подобное положеніе не удивило бы. Мы привыкли.

Изъ актеровъ, болѣе часто посѣщавшихъ «Малый Ярославецъ», былъ трагикъ А. С. Быковъ, которому мы справили 25-ти-лѣтній юбилей. О немъ я говорилъ по поводу дебюта въ Александринскомъ театрѣ.

— Желаете вы юбилей праздновать? — спрашивали друзья у Быкова.

— Итоги подвести хочется!.. Да, я думаю, каждому это пріятно, а вѣдь мнѣ Островскій сказалъ: «я васъ хорошо знаю-съ»!.. Я въ его драмѣ «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ» ролью Краснова въ Александринскомъ театрѣ дебютировалъ. Мы встрѣтились съ нимъ въ общемъ собраніи членовъ Общества драматическихъ писателей.

Александръ Семеновичъ принадлежалъ къ благороднѣйшимъ театральнымъ дѣятелямъ: это былъ идеалистъ, поражавшій своей наивностью. Одно время имъ овладѣла страсть писать драмы. Быковъ тогда жилъ въ квартирѣ, которую занимали я и П. Ф. Левдикъ, будущій редакторъ «Петербургской газеты», а въ то время сотрудникъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» В. Г. Авсеѣнко. Какъ-то Быковъ пришелъ въ «Малый Ярославецъ» обѣдать позже обыкновеннаго.

— Отчего вы сегодня такъ поздно?—интересовались друзья.

— Только что всталъ, всю ночь не спалъ. До

пяти драму писалъ, а въ пять пріѣхали Плещеевъ и Левдикъ и стали приставать, прочти имъ на ночь хоть двѣ-три сценки или моноложекъ. Они улеглись въ кровати, я увлекся чтеніемъ и читалъ до 8 утра. И вотъ что обидно, я потомъ уже замѣтилъ, что они крѣпко спали.

Когда «Петербургскую Газету» редактировалъ П. А. Монтеверде, трагикъ Быковъ сдѣлался репортеромъ и необыкновенно картинно описывалъ всякія убійства. Онъ чертилъ планы квартиры, мѣстности, гдѣ совершено преступленіе, производилъ свсе слѣдствіе, приводилъ бесѣды съ родственниками убитыхъ и убійць, примѣрно: «У тетки убійцы», «Разговоръ съ тестемъ убитаго», «Подозрительное полотенце». «Кровь или краска», «Сообщники» и пр. Именовалъ себя А. С. Быковъ «корреспондентомъ по особо важнымъ дѣламъ».

— Если завтра убійцу не поймаютъ,—говорилъ онъ,—самъ переодѣнусь и пойду въ трактиръ для извозчиковъ. Мнѣ сдается, что онъ тамъ.

Впослѣдствіи подобное описаніе убійствъ вышло изъ моды и было замѣнено сухими, краткими отчетами. Говорили, что объ этомъ хлопотали сыщики, потому что всѣ частныя свѣдѣнія только сбивали ихъ съ толку.

Быковъ считался неважнымъ актеромъ, но самолюбіе его сокрушало, и онъ жаждалъ выказать свой талантъ въ блескѣ. Игралъ онъ часто, но всѣ неудачи объяснялъ интригами. То ножа ему на сценѣ не положили, то револьверъ не зарядили, такъ что вмѣсто самоубійства приходилось падать отъ разрыва сердца и пр. Впослѣдствіи Быковъ посвятилъ

себя дѣятельности въ обществѣ трезвости и до конца дней завѣдывалъ чайной, гдѣ послѣ смерти оставилъ по себѣ завидную память.

Литературно-театральная комната пріобрѣла извѣстность въ цѣломъ Петербургѣ, и нерѣдко здѣсь встрѣчали такихъ людей, которые заглядывали спеціально по дѣламъ, касающимся прессы. Напримеръ, собирается кто-нибудь юбилей праздновать, глядишь онъ, какъ будто случайно, обѣдаетъ въ Маломъ Ярославцѣ дня три подъ рядъ. Тутъ, если онъ замѣтное лицо, и біографію его запишутъ, и побесѣдуютъ съ нимъ, и портретъ его возьмутъ для иллюстрированной газеты, и стихи ему на юбилей сочинять. Кстати, о стихахъ. Наканунѣ празднованія юбилея А. С. Быкова, я встрѣтилъ московскаго писателя и издателя сборника стиховъ русскихъ поэтовъ, для чтенія на сценѣ, В. П. Бефани, къ которому обратился съ просьбой:

— Не напишете ли вы стихотвореніе Быкову? Мы отпечатаемъ и прочтемъ.

— Безъ имени—извольте!—согласился Бефани.

— Почему же безъ имени?

— Да я Быкова въ глаза не видѣлъ и понятія о немъ не имѣю.

— Завтра увидите!

— Подписаться неловко!

— Онъ хорошій человѣкъ.

— Все это прекрасно, но стихи могутъ выйти сухи. Согласитесь, какая можетъ быть душевность, если воспѣваешь неизвѣстно кого.

— Если выйдетъ сухо, не подписывайтесь.

На другой день В. П. Бефани передалъ намъ

весьма удачные стихи въ честь юбиляра. Мы уговорили его подписаться, и онъ согласился на это.

Послѣ спектакля Быковъ подошелъ благодарить его и, обнявъ, сказалъ:

— Такой искренней, правдивой оцѣнки моей дѣятельности, какъ ваша, еще не встрѣчалъ. Позвольте васъ обнять и поцѣловать. Вы поняли меня!

Чрезвычайно свѣтлое, пріятное впечатлѣніе сохранилось у меня о встрѣчахъ здѣсь съ моимъ большимъ пріателемъ и товарищемъ по многимъ изданіямъ, поэтомъ А. Ф. Ивановымъ-Классикомъ, другомъ Н. А. Скроботова, редактора «Петербургскаго Листка». Скроботова встрѣчали въ «Маломъ Ярославцѣ» рѣдко. Онъ работалъ, какъ волъ, и если освобождался, то очень поздно. Я помню Н. А. Скроботова еще секретаремъ «Петербургскаго Листка» и всегда удивлялся его работоспособности и энергіи. Онъ былъ настоящимъ журналистомъ, что и доказалъ, поднявъ такъ тиражъ «Петербургскаго Листка». Энергія не оставила его, онъ и донынѣ поглощенъ любимымъ дѣломъ, отдавъ ему буквально всю жизнь. Александръ Федоровичъ Ивановъ былъ душа человѣкъ, враговъ у него не было даже въ журналистикѣ. Пѣсни его, если не отличались сильнымъ талантомъ, звучали искренностью, говорили о любви къ ближнему, о сочувствіи несчастному. Не мало, впрочемъ, «Классикъ» написалъ блестящихъ юмористическихъ стиховъ, которые читали актеры. Въ то время не было такого урожая на поэтовъ, какъ теперь. Алексѣй Федоровичъ, обѣдая какъ-то въ литературно-театральной комнатѣ, увидѣлъ передъ собой молодого человѣка.

— Алексѣй Федоровичъ, извините, у меня къ вамъ просьба, помогите...

— Что вы хотите?

— Да вотъ... набросалъ я стихи въ честь завтрашняго бенефицианта господина Сазонова... очень люблю его, какъ артиста. Пробѣгите, пожалуйста, можно ли послать?

— Позвольте!

Классикъ прочелъ стихи.

— Знаете, не того, лучше сохраните у себя на память.

— Очень бы хотѣлось... не поправите ли?

Алексѣй Федоровичъ взялъ карандашъ и въ теченіе четверти часа написалъ молодому человѣку стихотвореніе строкъ въ двадцать.

Дальнѣйшая исторія этого стихотворенія мнѣ неизвѣстна, потому что я его не помню и не могъ поэтому справиться у Н. Ф. Сазонова. Доброта «Классика» была безграничная. Къ нему въ загородномъ ресторанѣ пристали татары написать имъ нѣсколько строкъ для поздравительной карточки къ празднику. «Классикъ» написалъ моментально четыре строки и забылъ ихъ. На праздникахъ ему поднесли за ужиномъ карточку съ этими стихами, и онъ же заплатилъ за нихъ пять рублей. Вспомнивъ, что стихи его собственные, Алексѣй Федоровичъ замѣтилъ:

— Я заплатилъ себѣ за стихи дороже, чѣмъ Стасюлевичъ маститымъ поэтамъ платить.

Однимъ изъ общихъ пріятелей былъ въ этомъ кружкѣ Иванъ Петровичъ Зазулинъ, знакомство съ которымъ я свелъ въ дни ранней юности въ галереѣ Александринскаго театра. Зазулинъ писалъ

разказы, сценки, актерствоваль, а потомъ сдѣлался антрепренеромъ и такъ много работаль, что занемогъ, уѣхаль за границу и въ Швейцаріи умеръ, гдѣ и похороненъ. Зазулинъ обладалъ талантомъ и какъ писатель, и какъ театральнѣй администраторъ, любившій дѣло, не похожъ былъ на нынѣшнихъ антрепренеровъ, разсчитывающихъ на пошлыя афиши, да на скабрзность. Его водевили «Сама себя раба бьетъ» и пр. не сходятъ и теперъ съ репертуара. Зазулинъ, рѣшившійся давать драматическіе спектакли въ Панаевскомъ театрѣ, сослужилъ этимъ началомъ большую службу [частному театральному дѣлу въ Петербургѣ. Онъ бился, бѣдный, какъ рыба объ ледъ, принялся за оперу и въ близкомъ будущемъ, несомнѣнно, достигъ бы полнаго успѣха, но здоровье не выдержало. По происхожденію Иванъ Петровичъ былъ крестьянинъ. Ради любви къ сценѣ онъ покинулъ гимназію, и первое время ему приходилось довольно тяжело. Зазулинъ напечаталъ въ «Петербургскомъ Листкѣ», который тогда редактировалъ недавно скончавшійся А. А. Соколовъ, повѣсть «Черная кошка» и множество разказовъ и рецензій. Горбуновъ прозвалъ Ивана Петровича, какъ сотрудника «Петербургскаго Листка»,—«Лепесткомъ».

— Лепесточекъ!—обращался къ нему часто Горбуновъ,—кого обличаль сегодня?

Любовь къ театру въ юности приносила Зазулину много непріятностей. Онъ разказываль, какъ устраиваль въ ближайшихъ къ столицѣ провинціальныхъ городахъ спектакли, занимая въ складчину съ нѣкоторыми актерами комнату, гдѣ была всего одна кровать. Иванъ Петровичъ долго искалъ денегъ для

начала какого-нибудь серьезнаго театральнаго предпріятія.

— Попытайтесь!—совѣтоваль ему Похвисневъ.

— Что—попытайтесь?

— Обратитесь на Каменный островъ.

— Къ Базилевскому?

— Разумѣется, кто же еще антрепренеровъ вручаетъ!

— Думаль я, — рассказываль Зазулинъ, — и поѣхаль-было на Каменный, да вернулся.

— Напрасно.

— У самой дачи Базилевскаго двухъ антрепренеровъ встрѣтилъ. Оба веселые... значить, успѣхъ. Я повернулъ назадъ... На обратномъ пути третьяго антрепренера встрѣтилъ.

Бѣдный Базилевскій.

Иванъ Петровичъ вздохнулъ. У него не хватило духу зайти къ Базилевскому, котораго всѣ звали меценатомъ.

Иногда въ литературно-театральной комнатѣ показывался Сергѣй Николаевичъ Атава-Терпигоревъ. Присѣлъ онъ, помню я, къ столу, около котораго группировалась цѣлая компанія.

— Вотъ смѣялся надъ пріятелемъ Похвисневымъ, что онъ рѣчи на ужинахъ въ увеселительныхъ садахъ произноситъ, а и самъ удостоился, — сказалъ, потягивая сигару, Сергѣй Николаевичъ.

— Чего удостоились?

— Приглашенія! Первый разъ въ жизни удостоился! Подходить ко мнѣ вчера антрепренеръ «Аркадіи»... маленькій... какъ его... ахъ да, Поляковъ, Дмитрій Антиповичъ... «Вы, говоритъ, сосѣдъ

нашъ, и уважаемъ мы васъ... ужъ позвольте, говорить, просить завтра послѣ спектакля».—Куда?—«Бенефисъ завтра мой и Александрова, ужинъ даемъ и опять съ музыкой. Все свои соберутся, критика будетъ».—А! критика будетъ!—«Многихъ звали, хотимъ пирь горой задать».

— Будете?—спросилъ кто-то у Атавы.

— Ну, да какъ же... обязательно!..—подсмѣивался Атава.—Фракъ заказалъ!... Нѣтъ, знаете... я бы охотно въ щелку посмотрѣлъ, какъ это его превосходительство Аркадій Николаевичъ Похвисневъ насчетъ опереточнаго краснорѣчія прохаживается, поэтъ... все у него возвышенно! Наше новодеревенское Кунавино его великимъ ораторомъ зоветъ.

— Зашли бы, Сергѣй Николаевичъ.

— Да, постараюсь... Я и другой чести удостоенъ со стороны гостепріимныхъ хозяевъ: получилъ «почетный» билетъ на весь сезонъ... Почетомъ этимъ я воспользуюсь, потому что люблю у нихъ на галереѣ вечеромъ посидѣть... Они очень любезны и внимательны ко мнѣ. А только... да нѣтъ, чортъ возьми, и рассказывать не хочу!

— Чтò, расскажите...—просили окружающіе.

— Ужиналъ я вчера тамъ съ генераломъ Н. Н. Бутурлинымъ, и одинъ изъ хозяевъ мнѣ говоритъ: «если позволите, мы вамъ охотно скидку съ цѣнъ, обозначенныхъ въ картѣ, сдѣлаемъ, какъ сосѣду!».

Атава жилъ по-близости, у Строганова моста.

— Тронули они меня,—продолжалъ Атава,—вниманіемъ. Убытку я имъ не принесъ бы, но разсмѣшила меня эта «литературная» привилегія сосѣда... Они хорошіе люди... Я часто съ ними пью чай и бесѣдную.

Н. Х. Рыбаковъ.

IV.

Въ послѣдній разъ въ Лебедяни игралъ я Велизарія. Самъ Николай Хрисанеовицъ Рыбаковъ смотрѣлъ.

Несчастливцевъ («Лѣсъ» Островскаго).

«Вотъ актеръ, выполнившій свое назначеніе, ему нѣтъ послѣдователей».

В. В. Самойловъ. (Изъ рѣчи В. Н. Давыдова на могилѣ Рыбакова въ Тамбовѣ).

«У могилы артиста законная, сугубая печаль... люди знанія, чародѣи слова, звука, рѣзца и кисти, умирая, не перестаютъ жить своими бессмертными трудами. Не таковъ жребій артиста сценическаго искусства: могила уноситъ все, ничего не оставляя на память и удивленіе потомству». Когда-то этими словами, запечатлѣвшимися въ моей памяти, напутствовалъ въ могильный покой Ф. Н. Плевако московскаго артиста И. В. Самарина.

На память и удивленіе потомства послѣ актера не остается ничего, кромѣ воспоминаній, написанныхъ свидѣтелями владычества таланта надъ толпой, и характеристикъ театральныхъ историковъ, пе-

режевыюющихъ тѣ же немногія воспоминанія и добавляющихъ ихъ догадками, да соображеніями. Живутъ и не умираютъ послѣ большого сценическаго дѣятеля развѣ созданныя имъ традиціи, переходящія по наслѣдству отъ одного поколѣнія актера къ слѣдующему. Чѣмъ больше уцѣлѣло свидѣтелей сценическаго торжества актера, и чѣмъ больше эти свидѣтели написали и рассказали намъ объ его талантѣ, объ его личности, тѣмъ болѣе сохраняется память о покойномъ, память, не омраченная вымыслами. Поэтому, мнѣ кажется, что, несмотря на обширныя изслѣдованія объ актерахъ, весьма важны и маленькія замѣтки современниковъ, потому что онѣ вносятъ въ освѣщеніе личности какую-нибудь черту, какой-нибудь новый фактъ. А отъ этихъ мелочей опять-таки выясняется характеристика актера.

Въ 1901 году, а именно 15 ноября минуло четверть вѣка со дня смерти трагика Николая Хрисановича Рыбакова, театральнаго крестника Мочалова, отмѣтившаго этотъ богатый русскій самородокъ. Рыбаковъ — эта цѣлая эпоха русскаго театра, охватывающая середину прошлаго столѣтія, это человѣкъ сильнаго таланта, способностей, не знавшій школы, но создавшій ее... по крайней мѣрѣ, на актерскомъ жаргонѣ живетъ еще выраженіе «трагикъ Рыбаковской школы». Школа эта, разумѣется, была простымъ подражаніемъ Рыбакову, а не извѣстной подготовкой къ сценѣ. Но и за это спасибо Рыбакову, потому что онъ сознательно приходилъ къ убѣжденію, что въ ходульной мелодрамѣ и въ трагедіи необходима человѣчность, правда, возможная простота. Онъ понизилъ, смягчилъ до нѣкоторой

степени тонъ трагика того времени и, благодаря этому, в послѣдствіи быстро, отлично освоился самъ съ новымъ репертуаромъ Островскаго, создавъ серію разнообразныхъ купеческихъ типовъ и, наконецъ, трагика Несчастливцева, въ которомъ знаменитый драматургъ нарисовалъ фигуру, близкую къ самому Николаю Хрисановичу Рыбакову *).

Я былъ знакомъ съ Н. Х. Рыбаковымъ, какъ упомянулъ уже, и участвовалъ съ нимъ въ качествѣ любителя цѣлый лѣтній сезонъ въ Павловскомъ театрѣ (1876 годъ) и видѣлся иногда раза по три въ день, и по утрамъ на репетиціяхъ, и по вечерамъ въ театрѣ. Рыбаковъ, какимъ я его помню, какимъ я его зналъ, не былъ похожъ на того, какимъ онъ представляется въ разказахъ и анекдотахъ нѣкоторой части актерства, какимъ-то свирѣпымъ, грубымъ по рѣчи и формамъ и злоупотреблявшимъ непечатными выраженіями. Это—утрировка разказчиковъ, копирующихъ Николая Хрисановича. Непечатныя слова, ругань—обыденныя явленія за кулисами, и въ Павловскомъ театрѣ очень многіе изъ актеровъ упражнялись въ этомъ, но только не Рыбаковъ. Николай Хрисановичъ былъ немного строптивъ, настойчивъ, не любилъ, чтобы его опровергали, и иногда ворчалъ, что слѣдовало приписать его возрасту.

Спектакли въ Павловскѣ происходили во время славянскаго движенія, во время войны Сербіи съ Турціей.

Въ антрактахъ на сценѣ не разъ появлялся ма-

*) Называю его Хрисановичемъ. Это сокращенное имя приходилось и приходится слышать чаще.

ститый проф. Орестъ Федоровичъ Миллеръ и читалъ сенсационныя телеграммы въ родѣ, напримѣръ, такой:

«Турки, разбитые на - голову, обратились въ бѣгство».

Въ театрѣ царилъ энтузіазмъ, появлялся покойный славянофилъ и театралъ В. И. Аристовъ съ тарелкой, собирая въ пользу братьевъ славянъ, и росли горы денегъ.

Какъ-то въ антрактѣ на сцену принесли изъ сосѣдняго ресторана пироги, такое здѣсь въ театрѣ существовало обыкновеніе... Рыбаковъ усѣлся за столъ и заспорилъ... Спорилъ онъ однако не объ искусствѣ, но о политикѣ и горячо спорилъ...

— Побьемъ, всѣхъ поколотимъ, горячился онъ.

— Помилуйте, Николай Хрисанѳовичъ, вѣдь у противниковъ флотъ...

— Все равно побьемъ... Побьемъ непремѣнно. И говорить объ этомъ нечего...

Рыбаковъ былъ большой патриотъ. Онъ комментировалъ ежедневно депеши и радовался славянскимъ успѣхамъ.

Когда я обратился къ директору театра, покойному актеру и драматургу А. Ф. Федотову, съ просьбою принять меня въ качествѣ любителя, я никого изъ актеровъ не зналъ, а слышалъ лишь, что тамъ будетъ играть «самъ» Рыбаковъ. О немъ мнѣ много рассказывали, да и въ газетахъ тогда писали объ его ангажементѣ. Возвращаясь отъ Федотова, въ лѣскѣ близъ театра, я встрѣтился съ человѣкомъ колоссальнаго роста, здоровеннымъ, въ русскомъ картузѣ и въ поддевкѣ, или, вѣрнѣе въ черной длинной вен-

геркѣ съ поперечными швами и застежками: внушительная, мощная, хотя чуть-чуть сгорбленная фигура! Я не разъ оглянулся на нее, а на другой день или въ тотъ же вечеръ, не помню, я встрѣтилъ эту фигуру за кулисами и узналъ, что это и есть Николай Хрисановичъ. Лицо у него было сердитое, но едва заговорить, бывало, Рыбаковъ, и это впечатлѣніе совершенно сглаживалось; въ немъ было что-то скорѣе располагающее, добродушное, даже и тогда, когда онъ возвышалъ свой густой голосъ. Себя онъ не отличалъ отъ другихъ товарищей актеровъ и никогда не пытался быть величественнымъ, гордымъ, какъ гастролировавшій тамъ же В. В. Самойловъ. Съ Рыбаковымъ репетировали безъ церемоніи, шутили, болтали о текущихъ дѣлахъ, а при Самойловѣ всѣ умолкали. В. Н. Давыдовъ въ своей рѣчи надъ гробомъ Рыбакова, котораго хоронили въ Тамбовѣ, отзывается о знаменитомъ артистѣ, какъ о человѣкѣ, заслуживавшемъ полного уваженія, прослужившемъ почти 52 года на сценѣ, добромъ, честномъ, всегда стоявшимъ за правду, несмотря на всѣ искушенія артистическаго поприща.

Л. Н. Самсоновъ, рассказывая о томъ, что юные театральные орлы звали Рыбакова мужикомъ, говоритъ: «Но у этого мужика всю жизнь было то, чего не было у другихъ: искра Божія—сколькимъ онъ помогаль рублемъ и совѣтомъ». Потому то меньшая актерская братья такъ любила этого могикана провинціальной сцены. Преувеличено утвердившееся послѣ смерти Рыбакова мнѣніе, будто онъ ролей никогда не училъ. Самъ я игралъ съ нимъ и никогда этой слабости не замѣчалъ. Конечно, если въ силу свой-

ственной ему любезности онъ соглашался, по просьбѣ директора театра, выходить въ пустой, эпизодической роли, то это легко могло случиться. Напримѣръ, ему поручили ничтожную роль въ первомъ актѣ, имѣвшей тогда успѣхъ драмы «Убіѣство Коверлей». Разумѣется, Николай Хрисановичъ отнесся къ ней равнодушно. По поводу отношенія Рыбакова къ ролямъ, да и вообще къ дѣлу, которому онъ былъ преданъ душой, я говорилъ въ свое время въ печати. Приходилось мнѣ отмѣчать и его отношеніе къ молодому сыну, подвизавшемуся также въ Павловскѣ, а нынѣ артисту Малаго московскаго театра. Рыбаковъ, обожавшій сына, не хлопоталъ за него и не пользовался своимъ положеніемъ на сценѣ, чтобы выдвинуть его. Сынъ работалъ самостоятельно.

Какъ это ни странно, но знаменитый трагикъ выступалъ въ Павловскѣ въ роляхъ комическаго характера и имѣлъ въ нихъ огромный успѣхъ. У Рыбакова оказался замѣчательный комическій талантъ. Въ «Завтракъ у предводителя» Тургенева, гдѣ онъ давалъ удивительную фигуру помѣщика Алупкина, Рыбаковъ былъ неподобенъ. Вообще пьеса Тургенева шла здѣсь, какъ говорится, по нотамъ, причемъ, кромѣ Рыбакова, особенно выдавался покойный Васильевъ-Гладковъ. Забавенъ былъ Рыбаковъ въ роли сторожа въ комедіи «Къ мировому» и въ цѣломъ рядѣ подобныхъ ролей. Въ этотъ пріѣздъ въ Петербургъ Николай Хрисановичъ не появлялся въ своихъ прежнихъ драматическихъ роляхъ.

Обстоятельныя біографическія свѣдѣнія о Рыбаковѣ собраны Н. Городецкимъ, подѣлившимся ими въ прекратившемся «Дневникѣ артиста». Позво-

ляю себѣ воспользоваться въ сжатомъ видѣ хронологическими данными изъ жизни Николая Хрисановича *).

*) У меня сохранилась еще замѣтка о смерти Рыбакова, помѣщенная во «Всемирной Иллюстраціи» 1876 г. Дата смерти въ ней «17 ноября» приведена ошибочно. Считаю не лишнимъ воспроизвести цѣликомъ эту замѣтку, какъ матеріалъ для біографіи.

«17 ноября скончался ветеранъ русской сцены, Николай Хрисановичъ Рыбаковъ, портретъ котораго представляемъ, какъ артиста, пользовавшагося, въ теченіе долгаго времени, громкою извѣстностью, особенно въ провинціи.

Н. Х. родился и провелъ первые годы дѣтства въ Курскѣ. Родители его были люди небогатые и «жили отъ трудовъ рукъ своихъ»: мать содержала дамскіи магазинъ, а отецъ былъ управляющимъ имѣніями.

Еще будучи одиннадцати лѣтъ, Рыбаковъ пристрастился къ театру, и чтобы чаще посѣщать его, онъ, не имѣя денежныхъ средствъ, принималъ участіе въ спектакляхъ, являясь одѣваться на выходы. Въ первый разъ (5 февраля 1826 года) ему дали роль римлянина, въ пьесѣ «Суматоха въ маскарадѣ»; въ это время ему было 15 лѣтъ. Но до 21 года Н. Х., служа въ казенной палатѣ, игралъ на театрѣ, какъ любитель, безъ всякаго вознагражденія.

Оставивъ службу, Рыбаковъ съ труппою Млотковскаго переѣхалъ въ Харьковъ, гдѣ и выступилъ блистательно въ роли Гамлета. Сюда, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, въ лѣтніе мѣсяцы, наѣзжалъ знаменитый Мочаловъ, который и руководилъ молодымъ талантливымъ артистомъ.

Въ Харьковѣ Н. Х. игралъ болѣе десяти лѣтъ сряду, а потомъ сталъ переѣзжать изъ города въ городъ, играя въ Николаевѣ, Казани, Саратовѣ, Одессѣ, Таганрогѣ, Житомирѣ, Кишиневѣ, Орлѣ, Тулѣ и другихъ мѣстахъ.

Въ началѣ пятидесятихъ годовъ, Рыбаковъ съ успѣхомъ дебютировалъ на казенныхъ театрахъ обѣихъ столицъ, но не сошелся въ условіяхъ съ дирекціями.

Во время Политехнической выставки онъ особенно отли-

Рыбаковъ родился 7-го мая 1811 года въ Курскѣ. Отецъ его управлялъ имѣніемъ Вельяминовыхъ, а мать содержала швейный магазинъ. Н. Х. окончилъ мѣстную четырехклассную гимназію и служилъ канцелярскимъ чиновникомъ въ казенной палатѣ. 11-ти лѣтъ Рыбаковъ попалъ въ театръ на представленіе пьесы «Пустынникъ на островѣ Фромантеро». Спектакль произвелъ на него глубокое впечатлѣніе, онъ сталъ ходить въ театръ и пристроился въ качествѣ любителя въ статисты. По просьбѣ матери, Вельяминовъ увезъ Рыбакова на Кавказъ на службу. Н. Х. бѣжалъ въ Курскъ и, будучи 21 года, вступилъ актеромъ въ труппу Млотковскаго, съ которымъ

чался на тогдашнемъ народномъ театрѣ; зимній сезонъ 1873—74 г. игралъ въ артистическомъ кружкѣ, а въ послѣднее время въ «Общедоступномъ театрѣ».

5 февраля текущаго года исполнилось 50-лѣтіе его сценической дѣятельности. Въ этотъ день заслуженный артистъ исполнилъ на сценѣ московскаго «Общедоступнаго театра» роль Несчастливцева въ комедіи «Лѣсъ», А. Н. Островскаго. Въ этой роли онъ былъ неподражаемъ, несмотря на свои лѣта.

Въ день юбилея Рыбакову были поднесены слѣдующіе подарки: отъ дирекціи «Общедоступнаго театра» — золотые часы съ такою же цѣпочкою; отъ нѣмецкаго клуба — серебряный кофейный сервизъ, работы придворнаго фабриканта Хлѣбникова; отъ провинціальныхъ артистовъ и труппы «Общедоступнаго театра» — изящный серебряный вызолоченный вѣнокъ (того же мастера); отъ «Общества драматическихъ писателей» — стопа и плато въ русскомъ стилѣ, и, наконецъ, отъ артистовъ Императорскихъ московскихъ театровъ — адресъ и нѣсколько лавровыхъ вѣнковъ.

Эти приношенія лучше всего показываютъ, какое значеніе придавали поклонники искусства сценической дѣятельности Рыбакова».

уѣхалъ въ Харьковъ. Здѣсь его дарованіе отмѣтилъ П. С. Мочаловъ, сердечно относившійся къ молодому Рыбакову. Н. Х. случайно, почти экспромтомъ, сыгралъ послѣ отъѣзда Мочалова роль Гамлета, и успѣхъ его былъ началомъ блестящей карьеры. Прослуживъ десять лѣтъ въ Харьковѣ, онъ игралъ въ Николаевѣ, дебютировалъ блестяще, послѣ смерти Мочалова, въ Москвѣ на Императорской сценѣ, послѣ чего не дождавшись отвѣта отъ дирекціи, уѣхалъ въ Ярославль, откуда его вызывало московское театральное начальство, но обиженный трагикъ предпочелъ скитаніе по провинціи. Успѣхъ и слава его гремѣли повсюду. Въ 1854 году Н. Х. дебютировалъ по приглашенію дирекціи въ Петербургѣ въ Александринскомъ театрѣ въ роляхъ Гамлета и другихъ и опять съ огромнымъ успѣхомъ. Рыбакову предложили настолько умѣренное вознагражденіе, что онъ вторично направился въ провинцію. Въ 1872 году, онъ служилъ въ народномъ театрѣ въ Москвѣ, потомъ въ Одессѣ и снова въ Москвѣ въ Общедоступномъ театрѣ Танишева, а также игралъ позднѣе въ Артистическомъ кружкѣ. Въ 1876 году, 5-го февраля, на сценѣ Общедоступнаго театра отпраздновали 50-лѣтній юбилей его сценической дѣятельности. Объ этомъ чествованіи не разъ вспоминалъ Николай Хрисановичъ, и, видимо, оно сильно запечатлѣлось въ его душѣ. «Даже уцѣлѣли афишки, отпечатанныя на атласѣ» — говорилъ Рыбаковъ. Дѣйствительно, московское чествованіе Рыбакова было рѣдкимъ по единодушному отношенію къ нему и литературы, и театральныхъ собратьевъ. Рыбакову, остававшемуся всю жизнь провинціальнымъ скитальцемъ, несмотря на его огромный талантъ,

было дорого, что его чествовала именно Москва. Рыбаковскій юбилей былъ въ то же время праздникомъ русскаго провинціального актерства, сознававшего, что Николай Хрисановичъ старшій его товарищъ, что и безъ казенной сцены, куда немногимъ удавалось тогда проникать, можно составить себѣ истиннымъ талантомъ имя и славу. А. Н. Островскій привѣтствовалъ Рыбакова, какъ предсѣдатель общества русскихъ драматическихъ писателей, артисты Малаго театра поднесли юбиляру адресъ и вѣнокъ. Торжество было трогательное, и очевидецъ, помощникъ режиссера М. К. Николаевъ-Коваленко, говорилъ мнѣ, что желѣзный Рыбаковъ не выдержалъ, заплакалъ.

По словамъ г. Городецкаго, особенный восторгъ вызвало въ залѣ то мѣсто, когда Несчастливцевъ-Рыбаковъ упоминаетъ, что «самъ Николай Хрисановичъ Рыбаковъ» одобрилъ его игру. Вполнѣ довѣряя этому, я, однако, не могу не привести другого варіанта по тому же поводу, весьма распространеннаго въ актерской средѣ. Многіе увѣряютъ, что Рыбаковъ въ большинствѣ случаевъ не упоминалъ о себѣ въ «Лѣсѣ», замѣняя свое имя именемъ извѣстнаго Корнелія Полтавцева. Можетъ быть, этотъ варіантъ относится совсѣмъ не къ московскому спектаклю, но недавно еще въ моемъ присутствіи повторялъ его одинъ провинціальный актеръ. Народному театру и послѣ превращенія его въ Общедоступный тяжело было существовать въ Москвѣ. Ревнивая къ чужимъ успѣхамъ театральная дирекція завидовала и была недовольна. С. В. Танѣевъ откровенно рассказывалъ, сколько онъ вложилъ въ это дѣло средствъ и здо-

ровья. По словамъ актеровъ, костюмныя пьесы заставляли одно время играть во фракахъ и современныхъ костюмахъ. Когда Н. Х. Рыбаковъ въ утреннемъ спектаклѣ игралъ въ пьесѣ «Материнское благословеніе» и надѣлъ пейзажнскій костюмъ, къ нему пожаловалъ, какъ передаетъ актеръ М. К. Николаевъ-Коваленко, за кулисы чиновникъ отъ дирекціи казенныхъ театровъ.

— Я чиновникъ дирекціи, Николай Хрисановичъ, вы не имѣете права носить костюмъ.

— Что же, голымъ играть прикажете?

— Въ обыкновенномъ платьѣ.

— Я въ этомъ костюмѣ по улицѣ хожу, это мое обыкновенное платье.

Н. Х. Рыбаковъ, въ виду того, что чиновникъ слѣдилъ за нимъ, уѣхалъ домой съ товарищами въ каретѣ Общедоступнаго театра, не снимая блузы. Когда лошади не шли при поворотѣ въ гору, Николай Хрисановичъ вылѣзъ, желая облегчить лошадей, и гулялъ въ блузѣ, обращая вниманіе прохожихъ своей колоссальной фігурой въ такомъ странномъ костюмѣ.

Въ другой пьесѣ Рыбаковъ, войдя на сцену, перекрестился. Къ нему явился кто-то съ замѣчаніемъ:

— Николай Хрисановичъ, на сценѣ нельзя креститься.

— А въ кабацѣ можно? Я театръ ставлю выше!— отвѣтилъ Рыбаковъ.

Про Рыбакова рассказываютъ вообще столько, что всего не запишешь, и ко многому относишься даже съ понятнымъ недоумѣніемъ.

Н. Х. Рыбаковъ умеръ въ Тамбовѣ, утромъ 15-го

ноября 1876 года. Наканунѣ онѣ участвовалъ въ спектаклѣ. Л. Н. Самсоновъ утверждаетъ, что и *мертвый* (курсивъ Самсонова) Рыбаковъ постоялъ за себя: его не хотѣли хоронить, принимая за живого, и жгли его тѣло раскаленнымъ желѣзомъ.

Въ «Дневникѣ артиста» за 1893 г. имѣется весьма обстоятельное описаніе Рыбаковской могилы, сдѣланное Менделѣевымъ-Сибирякомъ, снимокъ съ этой могилы и портретъ Николая Хрисановича, снятаго съ Садовскимъ въ роляхъ Несчастливцева и Счастливецва.

Благодаря Н. Х. Рыбакову, я сдѣлался журналистомъ: разставшись съ знаменитымъ артистомъ и получивъ вскорѣ извѣстіе о его смерти, я написалъ первую замѣтку, посвященную его памяти, которая въ сокращенномъ видѣ была напечатана тогда въ «Петербургской Газетѣ» С. Н. Худекова.

Островскій тонко подмѣтилъ характерную черту трагика, ссылавшагося на авторитетъ «самого Н. Х. Рыбакова». Большинство актеровъ, по крайней мѣрѣ недалекаго прошлаго, непременно ссылалось на замѣчательныхъ собратьевъ.

— Я эту роль тридцать разъ съ Рыбаковымъ игралъ!—заявлялъ одинъ.

— Я, можно сказать, ученикъ Рыбакова!—говорилъ другой.—Есть пьесы, въ которыхъ Николай Хрисановичъ безъ меня не выходилъ.

Имя Н. Х. Рыбакова въ провинціи до сихъ поръ популярнѣе имени Самойлова. Рыбаковъ былъ тамъ человѣкъ «свой», дѣлившій съ товарищами горе и радости скитальческой жизни. Онъ свыкъся, сроднился и съ этой жизнью, и съ семьей провинціального

актерства. Душа его тяготѣла къ провинціальной сценѣ, къ сценѣ частной, а не къ міру театральныхъ чиновниковъ, которые успѣли въ отношеніи его проявить неделикатность.

Чтобы возстановить и освѣтить нѣкоторые факты изъ жизни Николая Хрисанѳовича, я бесѣдовалъ о немъ съ его сыномъ Константиномъ Николаевичемъ, знакомство съ которымъ у насъ завязалось, какъ я говорилъ, болѣе тридцати пяти лѣтъ назадъ въ Павловскѣ, куда онъ пріѣзжалъ съ отцомъ играть въ открывшійся тогда Павловскій театръ, по приглашенію А. Ѳ. Ѳедотова.

Н. Х. Рыбаковъ былъ женатъ на дочери самаго крупнаго въ старое время антрепренера Каменскаго, про котораго говорили, что предки его были польскіе графы. Одинъ изъ актеровъ, предлагавшій Каменскому свои услуги, писалъ ему письмо (оригиналъ хранится у К. Н. Рыбакова), въ которомъ называлъ его «великимъ пастыремъ блуждающаго стада».

А. Н. Островскій очень любилъ Рыбакова, пламеннаго почитателя его творчества. Смотри Сальвини, Александръ Николаевичъ сказалъ:

— Вотъ что значитъ быть иностранцемъ, весь міръ знаетъ Сальвини, а Рыбакова—только Россія.

— Скажите, Константинъ Николаевичъ,—спросилъ я,—какіе оклады жалованья получалъ вашъ отецъ?

— Тогда были другіе оклады. Я помню, мы втроемъ получали одинъ сезонъ, т.-е. отецъ мать и я—четыреста пятьдесятъ рублей въ мѣсяць. Въ Харьковѣ въ 1868 году отецъ, правда, не заручившійся заблаговременно ангажементомъ, получалъ 150 рублей въ мѣсяць.

— Насколько справедливы воспоминанія о томъ, что Н. Х., играя «Лѣсъ», когда приходилось говорить о себѣ, замѣнялъ свою фамилію фамиліей другого артиста?

— Сначала онъ совсѣмъ пропускалъ эту фразу, а потомъ, играя «Лѣсъ», произносилъ ее.

— Николай Хрисанеовичъ дебютировалъ на Императорской сценѣ въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Я помню рассказъ о случаѣ съ нимъ во время московскаго дебюта...

— Дѣйствительно, рассказываютъ этотъ случай совсѣмъ невѣрно. Въ Москвѣ были братья Горшковы, пріятели Корнелія Полтавцева, которые будто бы завлекли отца въ трактиръ, въ день дебюта въ «Уголино», напоили его, и онъ, играя въ такомъ видѣ, упалъ на сценѣ. Братья Горшковы, по словамъ отца, тутъ непричемъ: онъ самъ дѣйствительно выпилъ передъ спектаклемъ, а на сценѣ споткнулся, отступилъ назадъ и упалъ случайно. Это однако такъ повліяло на него, что онъ, предчувствуя закулисныя силетни, внезапно уѣхалъ. Дирекція долго разыскивала его, предлагала возобновить переговоры объ ангажементѣ, но онъ отказался. Первый дебютъ его былъ въ «Гамлетѣ». Въ Петербургѣ онъ не сошелся съ дирекціей въ условіяхъ, имѣя огромный успѣхъ. Когда умеръ Мочаловъ, отецъ встрѣтился съ Корнеліемъ Полтавцевымъ, который спросилъ: «Куда ты ѣдешь?» — «въ Москву, дебютировать» — отвѣчалъ отецъ. — «Пусти меня сначала, — просилъ Полтавцевъ, — тебя возьмутъ всегда и позже». Полтавцевъ поѣхалъ въ Москву и поступилъ въ Малый театръ.

— Москва праздновала пятидесятилѣтній юбилей сценической дѣятельности Николая Хрисанеовича?

— Да, въ Общедоступномъ, бывшемъ Народномъ, театрѣ, шелъ «Лѣсъ», я игралъ гимназиста. Послѣ юбилея мы уѣхали въ Тамбовъ. Объ этомъ спектаклѣ, помнится, была обстоятельная статья Луки Антропова.

— Сохранились афиши этого спектакля, отпечатанные на атласѣ?..

— У меня есть такая афиша... Это видите-ли, было отпечатано въ нѣсколькихъ экземплярахъ для генераль-губернатора Долгорукова и ожидавшихся высокопоставленныхъ лицъ. Московскій Малый театръ въ день двадцатипятилѣтія смерти моего отца поставилъ «Лѣсъ», со мною въ роли Несчастливцева... эту роль я играю теперь.

Николай Хрисанеовичъ располагалъ обширнымъ репертуаромъ, игралъ Отелло, Землянику, короля Лира, Шейлока, множество ролей въ пьесахъ Островскаго, въ пьесѣ «Гражданскій бракъ», въ старинныхъ мелодрамахъ и пр. Репертуаръ его такъ разнообразенъ, встрѣчаются такія противоположныя роли, что считать покойнаго Рыбкова исключительно «трагикомъ» нельзя, и только въ исторіи театра онъ остался «трагикомъ Рыбаковымъ».

Лучшій портретъ Николая Хрисанеовича сохранился у сына. Онъ написанъ Сѣдовымъ, но самымъ лучшимъ его портретомъ я считаю—сына Константина Николаевича. Онъ больше, чѣмъ художественное произведеніе, напоминаетъ своего отца.

У Григоровича.

V.

Въ 1895 году мнѣ случилось быть у Дмитрія Васильевича Григоровича, на его дачѣ въ Weidlingau, подъ Вѣной. Нашъ знаменитый писатель отдыхалъ здѣсь каждый годъ, возвращаясь въ Петербургъ поздней осенью. Почти въ то самое время, когда я находился въ Вѣнѣ, въ русскихъ газетахъ было сообщено объ отъѣздѣ Дмитрія Васильевича, который будто бы владѣетъ въ столицѣ Австріи двумя большими домами. Не безъ удивленія, конечно, могъ прочесть это Дмитрій Васильевичъ, да и всѣ его близкіе знакомые! Въ Weidlingau, недалеко отъ станціи, въ узенькой Wienergasse, на пригоркѣ утопала среди густыхъ, тѣнистыхъ деревьевъ маленькая дача съ такимъ же флигелемъ. Дачу занималъ Григоровичъ съ супругой, а во флигелѣ обыкновенно гостили его друзья и пріятели, которые, однако, наѣзжали довольно рѣдко. Здѣсь жили нѣкоторое время П. И. Вейнбергъ и А. Н. Масловъ (Бѣжецкій). Зеленъ и тишина окружали скромный уголокъ, нисколько не похожій на большіе дома...

Я не засталъ Дмитрія Васильевича: онъ ушелъ гулять въ сосѣдній лѣсъ, и меня просили подождать

въ саду на балконѣ. Служанка принесла мнѣ «Figaго»—единственную газету, которую здѣсь получалъ Григоровичъ. Можетъ быть, она ему менѣе интересна, нежели отечественные органы печати, но выписывалась по традиціямъ и читалась по привычкѣ. Много значить привыкнуть читать одну и ту же газету.

Въ саду настроены курятники, и бродили добродушные, преданные хозяевамъ, псы, одинъ очень большой, другой очень маленькій. Среди кустовъ распутившейся сирени стоялъ столъ для обѣдовъ въ хорошую погоду. Вся эта милая патріархальная обстановка напоминала наши петербургскія дачи.

Вскорѣ возвратился Дмитрій Васильевичъ въ соломенной шляпѣ, поля которой онъ отогнулъ наподобіе фуражки. Онъ выглядѣлъ отлично, загорѣлъ и не чувствовалъ ни малѣйшей усталости; передо мной былъ вполне бодрый человекъ, какъ всегда веселый, живой и подвижной. Дмитрій Васильевичъ и супруга его просили меня завтракать у нихъ и встрѣтили съ тѣмъ гостепріимствомъ и радушіемъ, отъ которыхъ отвыкаешь за границей, и которыя заставляютъ вспоминать родину. Въ гостиной, гдѣ мы завтракали, на одномъ изъ столовъ лежали нѣкоторые адреса, поднесенные Дмитрію Васильевичу въ день юбилея и привезенные имъ сюда въ Вейдлингау... Тутъ были, между прочимъ, адресъ акварелистовъ, листъ отъ общества любителей россійской словесности съ извѣщеніемъ о выборѣ Григоровича въ почетные члены и проч.

Рядомъ съ гостиной, которая вмѣстѣ съ тѣмъ и столовая, находился скромный кабинетъ Дмитрія Васильевича. Письменный столъ, небольшая библио-

тека, преимущественно французскихъ книгъ, нѣсколько гравюрокъ, двѣ-три книжки русскихъ журналовъ,—вотъ и все, что я здѣсь встрѣтилъ.

Незадолго передъ тѣмъ я былъ въ гостяхъ у одного парижскаго литератора, незначительнаго по таланту, но съ раздутой бульварной публикой репутаціей. Ахъ, какой у него кабинетъ, да вѣдь это музей, галлерей картинъ, и даже несгораемый шкафъ для цѣнностей! Еще ни у одного русскаго писателя въ кабинетѣ я не встрѣчалъ несгораемаго шкафа.

Дмитрій Васильевичъ, любившій Россію и русскаго человѣка, изучившій ихъ и преданный имъ сердечно, въ то же время питалъ слабость къ Европѣ; и съ ней онъ освоился, часто путешествуя, и въ ней онъ отмѣчалъ хорошія стороны и явленія, искренне восторгаясь ими. Искусство и литература на Западѣ особенно очаровывали Григоровича, его всегда раздражали тѣ русскіе литераторы, которыхъ Европа не манила, которые не стремились туда.

— Знаете,—говорилъ мнѣ Дмитрій Васильевичъ, съ которымъ мы поѣхали послѣ завтрака полюбоваться Вѣной,—есть литераторы, которыхъ никакъ не уговоришь заглянуть въ Европу, несмотря на то, что они могутъ это сдѣлать. Да вотъ, звалъ я неоднократно А. А. Потѣхина... боится, что скучно будетъ. Уговорилъ его погостить у меня, а потомъ соглашался ѣхать съ нимъ въ Венецію. Я обожаю Венецію и знаю ее прекрасно... Не соглашается, не хочетъ. Начерталъ ему подробный маршрутъ по Италіи—не желаетъ. О Парижѣ заговорили, и думать не хочетъ! А вѣдь Парижъ—это пупъ земли, здѣсь вся жизнь!

Дмитрій Васильевичъ какъ-то особенно оживился при словѣ «Парижъ».

— Послушайте, мы заговорили о Венеціи,—продолжалъ Григоровичъ,—вотъ курьезъ... Въ послѣдній разъ, когда я былъ въ Венеціи, меня приняли за Верди. Мы похожи другъ на друга, и были поползновенія даже устроить мнѣ овацію, такъ что я скрывался!

На портретѣ Ферраріо, который я видѣлъ въ Миланѣ, Верди особенно напоминаетъ Григоровича. Я поинтересовался узнать у Дмитрія Васильевича, какой изъ своихъ портретовъ онъ считаетъ лучшимъ?

— Лучшій мой портретъ сдѣланъ Бергамаско... огромная голова... Мнѣ кажется, что онъ болѣе другихъ похожъ на меня.

Отъ русскихъ литераторовъ рѣчь перешла къ мѣстной литературѣ и журналистикѣ и къ ея представителямъ.

— Знакомы ли вы, Дмитрій Васильевичъ, съ кѣмъ-нибудь изъ вѣнскихъ журналистовъ и литераторовъ?—спросилъ я.

— Съ однимъ только Галантомъ... Конечно, знаю, что они писали и пишутъ... Вотъ они моихъ произведеній не знаютъ, и потому естественно, что я имъ совсѣмъ неинтересенъ.

— Въ какомъ положеніи вообще находится современная литература въ Австріи?

— Въ Австріи мало крупныхъ талантовъ—литература въ упадкѣ... Все высшее общество и дамы большого свѣта склонны къ новому и сильному увлеченію спортомъ... Упряжка и лошадь—это идеалы здѣшной аристократіи, замѣтно падающей. Вообще скачки тутъ играютъ первую роль...

Дмитрій Васильевичъ быстро перешелъ къ литературѣ французской, заговорилъ объ Эмиль Зола и коснулся французской женщины. Онъ вспоминалъ о томъ впечатлѣніи, которое въ юности произвела на него «Манонъ», съ какимъ интересомъ онъ прочелъ между прочимъ «Нана» Зола и т. д.

— А какой бы былъ романистъ, — воскликнулъ Григоровичъ, — Василій Ивановичъ Немировичъ-Данченко, если бы онъ вмѣсто сорока томовъ написалъ только шесть. Это талантливѣйшій человѣкъ.

— Какого вы мнѣнія, Дмитрій Васильевичъ, — поинтересовался я, — по вопросу о литературной конвенціи съ Франціей?

— По моему правъ Суворинъ, высчитавшій на сколько мы покупаемъ французскихъ изданій. Контрибуція для французской литературы достаточная. Наши переводчики бѣдны, очень бѣдны!

Мы потихоньку подвигались съ Дмитриемъ Васильевичемъ по улицамъ Вѣны, останавливаясь около оконъ выдающихся магазиновъ. Григоровичъ восхищался всевозможными изящными предметами, хвалилъ работу, а потомъ вдругъ задумался... — Какъ тяжело мое настоящее положеніе въ 73 года. Иной разъ хочется купить что-нибудь, къ чему? что-нибудь задумаю написать большое, но когда же выполнить? Грустно, очень грустно...

Я замѣтилъ Дмитрію Васильевичу, что онъ выглядитъ гораздо лучше, чѣмъ прежде.

— Однако, все лѣчусь... вотъ завтра приѣду въ городъ къ своему доктору Цензе... Все запрещаетъ... Григоровичъ внезапно остановился.

— Пойдите! — посмотрите вы на зданіе оперы,

что это за прелесть, а кругомъ что за дома, какова архитектура, какова красота. У насъ такого театра нѣтъ... Сколько вкуса, изящества и какъ грандіозенъ! Вѣна вообще украшается замѣчательно, жаль только, что новый полицеймейстеръ вздумалъ измѣнить уличную жизнь, печется о нравственности и совѣмъ напрасно. Безъ этой толпы, безъ этого движенія, безъ этой жизни—скучно. Я очень радъ за покойнаго вашего отца, что онъ хоть на закатѣ былъ и жилъ за границей. Кто стремится за границу? Люди хорошо подготовленные или тѣ, у которыхъ есть нервъ, жизненный нервъ... Парижъ его очаровалъ... Помню встрѣтились мы въ rue de la Paix...—Посмотрите,—говорю ему,—посмотрите на эту улицу... сколько тутъ сокровищъ... Семь губерній за нее одну надо отдать!

Въ Вѣнѣ у Дмитрія Васильевича былъ кружокъ знакомыхъ, въ особенности русскихъ, но весьма ограниченный; чаще другихъ его посѣщалъ нашъ генеральный консулъ К. А. Губастовъ, впослѣдствіи товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ. Само собой разумѣется, что Дмитрій Васильевичъ, удаляясь въ Вѣну, не забывалъ интересоваться отечественными новостями, переписывался съ друзьями и слѣдилъ за русской общественной жизнью.

Два дня я провелъ въ Вѣнѣ съ Дмитриемъ Васильевичемъ. Провожая его послѣдній разъ на вокзалъ желѣзной дороги, я замѣтилъ, что онъ ищетъ глазами извозчиковъ, которыхъ не замѣчаетъ.

— Вотъ дрожки,—обратился я къ Григоровичу.

— Я вижу, вижу, да пойдемъ подальше,—этихъ я не возьму... Лошадямъ дали ѣсть, жестоко мѣшать имъ, пусть ѣдятъ!

Черезъ нѣсколько минутъ попался извозчикъ, котораго мы наняли.

— Съ однимъ условіемъ мы беремъ васъ,—сказалъ Григоровичъ,—не ѣхать скоро и не бить лошади. Извозчикъ, однако, проѣхавъ незначительное разстояніе, ударилъ лошадь. Григоровичъ остановилъ его.

— Мы вамъ охотно прибавимъ 50 крейцеровъ, но не бейте лошадь, я вамъ запрещаю! Когда извозчикъ забылся и снова ударилъ лошадь, Дмитрій Васильевичъ не вытерпѣлъ и вылѣзъ, предложивъ взять другого извозчика.

— Не могу, не выношу этихъ истязаній, бить беззащитное животное.

Подобныхъ исторій между Дмитріемъ Васильевичемъ и грубыми вѣнскими извозчиками происходило не мало—и, конечно, это рекомендовало сострадательное сердце знаменитаго писателя.

Балетъ и балетоманы конца прошлаго столѣтія.

VI.

Всѣ тѣ, кого злой рокъ унесъ,
Вдругъ въ памяти моей воскресли,
И вотъ о смерти привелось
Мнѣ думать въ театральномъ креслѣ.

А. Жемчужниковъ.

Въ послѣднее двадцатипятилѣтіе прошлаго вѣка балету особенно посчастливилось въ Петербургѣ, и онъ встрепенулся послѣ продолжительной спячки. Сборы начали подниматься, балету удѣляла большое вниманіе печать, росло число балетомановъ, и все это хореграфическое движеніе привело къ тому, что Большой театръ, а потомъ Маріинскій превратились въ какой-то клубъ балетомановъ. Между сценой и зрительнымъ заломъ завязалось такое общеніе, что балетоманы не называли артистовъ и артистокъ иначе, какъ по имени-отчеству, а послѣдніе точно также балетомановъ. Лукуловскіе пиры, которыми не брезгали высокіе сановники, гвардейцы, милліонеры, публицисты—не прекращались.

Въ 1884 году я познакомился съ Аполлономъ

Афанасьевичемъ Гриневымъ, однимъ изъ первыхъ адептовъ Терпсихоры.

Онъ былъ женатъ на извѣстной балеринѣ Е. О. Ваземъ и потому считался своимъ человѣкомъ за кулисами и коноводомъ балетомановъ въ зрительномъ залѣ. Полный, кругловатый, живой, обладающій густымъ басомъ, онъ, входя въ партеръ, пожималъ руку буквально всѣмъ: незнакомыхъ у него не было.

Гринева, когда насъ познакомили, спросилъ меня:

— Въ балетѣ, молодой человѣкъ, бываете?

— Нѣтъ, не бываю.

— Молодой человѣкъ, журналистъ и въ балетѣ не бываетъ! Вамъ необходимо бывать въ балетѣ! Тамъ всѣ, рѣшительно всѣ... Я непременно сведу васъ въ балетъ.

И дѣйствительно онъ посвятилъ меня въ балетныя чары. Гринева подарилъ мнѣ билетъ на прощальный бенефисъ своей супруги.

Во время спектакля, отличавшагося особенной торжественностью, такъ какъ бенефисъ былъ прощальнымъ, Гринева былъ въ такихъ хлопотахъ, такъ волновался и кричалъ «браво», что, конечно, забылъ обо мнѣ и, только встрѣтившись въ послѣднемъ антрактѣ, онъ остановилъ меня.

— Каково!—произнесъ онъ восторженно... «Дочь Фараона», «Камарго» — не знаю, что лучше! А каковъ адресъ, батюшка! Приѣзжайте ужинать, весь свѣтъ будетъ.

Я поблагодарилъ, но на ужинъ не поѣхалъ, потому что былъ не во фракѣ.

Поѣхать на ужинъ меня соблазнялъ и Аркадій Николаевичъ Похвисневъ.

Онъ помнилъ всѣхъ и чуть ли не ужиналъ еще съ самой Тальони. Похвисневъ служилъ въ молодости въ Преображенскомъ полку, былъ любимъ Императоромъ Александромъ II и не разъ пользовался его милостями.

Похвисневъ самъ мнѣ рассказывалъ, что, проигравшись въ карты, не разъ обращался черезъ шефа жандармовъ Мезенцева къ Государю, прося выручить его.

Наконецъ, Александръ II, несмотря на свое добрейшее сердце, прогнѣвался на Похвиснева.

— Ничего ему не дамъ!—приказалъ сказать Государь, но затѣмъ остановилъ Мезенцева и произнесъ:

— Жалко его, я дамъ ему. Сколько ему нужно? Двѣсти рублей?

— Тысячи три, Ваше Величество,—отвѣчалъ Мезенцевъ.

— Дай ему три тысячи!

И Похвисневъ восторжествовалъ, но не надолго, потому что проигрался въ карты.

Похвисневъ показывалъ мнѣ гравюру, на которой изображены мальчиками Императоръ Александръ II, онъ—Похвисневъ, и др.

— Неужели вы не придете на ужинъ?—со слезой въ голосѣ обратился Похвисневъ ко мнѣ. Аполлонъ *) угостить умѣетъ на славу!

— Наконецъ, вы тамъ увидите всѣхъ выдающихся

*) А. А. Гриневъ.

балетомановъ. Я буду говорить, буду читать стихи. Такіе ужины, монъ шеръ, часто не повторяются! Я сегодня очень печально настроенъ, разстаться съ такой артисткой, какъ Ваземъ, это ужасно! Чаровница! Скоро уходитъ со сцены другая звѣзда, Евгения Соколова, и мы осиротѣемъ! Я съ печалью гляжу на будущее...

Онъ былъ убитъ балетными событіями и спѣшилъ всѣмъ повѣдать свое горе. Плакался онъ такъ искренно, что это вызвало невольную улыбку.

Отъ времени до времени я началъ посѣщать балетъ и знакомиться съ кружкомъ его посѣтителей и съ артистами.

Слезы балетомановъ нѣсколько обсохли съ появленіемъ хорошенькой танцовщицы, впоследствии балерины, Варвары Александровны Никитиной.

Выдвигались также молодая г-жи Югансонъ и Фролова, а Ваземъ замѣнила понемногу М. Н. Горшенкова, воздушная танцовщица, лишенная мимического таланта.

— Варвара молодець!—объявилъ знакомымъ Похвисневъ про Никитину. — Она меня удивила въ «Коппеліи». Павелъ тоже мнѣ нравился, да и Машенька чудо.

Павелъ—это П. А. Гердтъ, Машенька—М. М. Петица.

— Новый и страшный ударъ постигъ насъ!—жаловался Гриневъ, — уходитъ Шапошникова! что будетъ дѣлать Россія безъ солистокъ! не изъ кухни же ихъ набирать.

— Какія тяжелыя времена мы переживаемъ! — плакался Похвисневъ, горяя словно о гибели отече-

ства.—Въ Италіи выдающихся силъ нѣтъ... Я сиршиваль у графа Греппи.

Графъ Греппи тоже числился балетоманомъ. Онъ былъ итальянскимъ посломъ въ Петербургъ и изъ театра не выходилъ. Тонкій, какъ спичка, съ длинными сѣдыми усами, одѣтъ по картинкѣ, расчесанный и надушенный, онъ полжизни проводилъ въ театрахъ и садахъ, найдя себѣ надежнаго компаньона маркиза Кампо Саграда, испанскаго посланника.

Для послѣдняго, въ виду необыкновенно тучной его фигуры, расширили абонированное имъ въ Мариинскомъ театрѣ кресло.

Похвисневъ и Гриневъ продолжали горевать: — ушла Любовь Петровна Радина, и какъ они пережили это — непонятно! — Замѣнить ее, по ихъ словамъ, тоже никто не могъ.

Изъ посѣтителей балета у меня сохранился въ памяти престарѣлый М. Д. Обрѣзковъ, спавшій въ креслахъ безпробуднымъ сномъ. Онъ пріѣзжалъ и засыпалъ, а когда просыпался, то тихо произносилъ «браво», совсѣмъ невпопадъ.

Типичнѣйшимъ балетоманомъ былъ старикъ Лебедевъ; бывшій учитель танцевъ, сыпавшій сотнями экспромты безъ размѣра по адресу всѣхъ танцовщицъ и танцовщиковъ, вродѣ слѣдующихъ:

Павель Андреевичъ Гердтъ
Настоящій десертъ.
Онъ всегда увлекалъ,
Такъ поднимаемъ бокаль!

Безъ этихъ экспромтовъ, вызывавшихъ дружный смѣхъ, не обходилось ни одно торжество. Лебедевъ

былъ лишенъ достатковъ матеріальныхъ, и ему бенефицианты посылали за любовь къ нимъ почетные билеты, т. е. даровые.

Когда подняли цѣны на мѣста въ балетѣ, Лебедевъ страдалъ, потому что не могъ посѣщать театра.

Про него рассказывали забавный случай. Возвращаясь отъ Ѳ. И. Базилевскаго, съ Каменнаго острова, Лебедевъ вышелъ на Троицкій мостъ, который начинали разводить, и не дошелъ до конца, мостъ развели, и онъ оказался на плашкоутѣ, стоявъ на немъ часа два.

Въ балетѣ присутствовалъ безотлучно нотариусъ, добродушный нѣмецъ Ф. К. Холмъ, полный и розовый, съ жизнерадостной, широкой улыбкой. Онъ съ давнихъ поръ занималъ кресло въ первомъ ряду.

Раздавался рѣзкій, какъ сѣверный вѣтеръ, голосъ Константина Аполлоновича Скальковскаго, балетнаго критика и историка. Онъ вышучивалъ Похвиснева, Гринева и остальныхъ балетомановъ. Его остроумные словечки и анекдоты распространялись быстро по залѣ.

— Скальковскій невозможенъ! — бѣгалъ по коридору Похвисневъ и каждому сообщалъ остроту Скальковскаго. — Этотъ господинъ неисправимъ.

Скальковскому старался подражать Н. М. Безобразовъ, молодой тогда камеръ-юнкеръ, начинавшій пописывать статейки о балетѣ и принимавшій горячее участіе въ закулисныхъ дѣлахъ.

Закулисныя дѣла, интриги и сплетни были общими дѣлами балетомановъ, занимавшихся ими довольно ревностно.

Курганомъ въ этой группѣ выдавался Федоръ Ивановичъ Базилевскій, около котораго вертѣлись десятки друзей. Высокій, полный, съ огромной черной бородой и длинными волосами онъ напоминалъ скорѣе ученаго мужа. Онъ абонировалъ ложу бенуара, которую энергично посѣщали пріятели, не любившіе часто платить за кресла. Базилевскій былъ доволенъ, что его не забываютъ.

Сколько онъ подписывалъ на подарки — трудно припомнить.

Бывало, соберутъ рублей сто, а Базилевскій девятьсотъ добавитъ.

Съ нимъ дружилъ А. П. Фроловъ, управлявшій тогда театральнымъ училищемъ и балетной труппой, мягкій человѣкъ, но не изъ дальнихъ по изобрѣтательности и вкусу.

Къ танцовщицамъ онъ относился по-отечески, и его любили.

Онъ ладилъ съ артистами вообще.

Въ это самое время въ царствѣ Терпсихоры произошло необыкновенное событіе, давшее толчокъ нашему хореографическому искусству и взбудоражившее кружокъ балетомановъ, который разросся въ короткое время.

Въ садъ Лентовскаго «Кинь-Грусть» пріѣхала итальянская балерина и въ полномъ смыслѣ великая артистка Вирджинія Цукки. На нее еще ранѣе указывалъ въ своихъ статьяxъ Скальковскій, а Лентовскій сумѣлъ ангажировать ее.

Протанцовала она въ фееріи «Путешествіе на луну», всѣ съ ума сошли. Балетоманы нашли лѣтній пріютъ.

Скальковскій объявилъ ея ноги — ногами Діаны, воспѣлъ поэзію ея спины. У Похвиснева не хватало хвалебныхъ эпитетовъ для воздаянія должной дани Цукки.

Ее провозгласили «божественной» и восторгались всѣ. Даже турецкій посолъ Шакиръ-паша не устоялъ и присоединялся къ дипломатическому корпусу балета. Были случаи, что отъ восторга иные бросались въ Невку; увѣряли, по крайней мѣрѣ, что тамъ искупался въ своемъ фантастическомъ одѣяніи Лентовскій.

— Мы дожили до второй Эльслеръ! — увѣрялъ Похвисневъ. — О, какъ я счастливъ, что дождался Виржини.

— Ну, что ваши мармеладные носки по сравненію съ ней! — радовался Скальковскій.

Зимой Цукки, по общему настоянію и усилю А. П. Фролова, пригласили на казенную сцену, которая въ значительной степени и ожила благодаря ей.

Нашелся, однако, балетоманъ, Д. Д. Коровяковъ, который самъ преподавалъ драматическое искусство и котораго умышленно называли профессоромъ граціи, потому что онъ былъ маленькій, горбатый; Коровяковъ возмущился приглашеніемъ Цукки, находя ее недостойной нашей сцены.

Человѣкъ онъ былъ очень умный, но здѣсь промахнулся.

Цукки способствовала не только балету, но и продуктивности нашихъ юмористовъ, которые освѣщали ея эпоху стихами, пародіями и шутками.

Большой театръ давно не видалъ столько публики, а рестораторы столько ужиновъ и обѣдовъ, сколько устраивали въ честь Цукки.

Съ легкой руки Цукки, появлялись у насъ періодически всѣ знаменитыя заграничныя балерины. Въ балетоманы записались: беллетристъ А. Н. Бѣжецкій, блестящій адвокатъ и критикъ С. А. Андреевскій, сражавшійся за берлинскую балерину Дель-Эру и т. д.

Аркадій Похвисневъ угощаль всѣхъ балеринъ рѣчами и тостами, причемъ слегка дрожалъ отъ волненія и затѣмъ, переходя къ восторгу, прикладывалъ платокъ къ глазамъ.

Однажды онъ, какъ увѣряли шутники, началъ свою рѣчь въ честь итальянской балерины Лимидосъ того, что пригласилъ почтить вставаніемъ покойную Тальони.

Когда ужиномъ чествовали въ «Аркадіи» Дель-Эру, онъ замѣтилъ мѣстнымъ директорамъ:

— Нельзя, господа, чествовать такую воздушную балерину столь тяжелымъ ужиномъ. Вы удручили насъ вашимъ меню. Осетрина и баранина съ кашей!

Появился въ балетѣ еще Михаилъ Ивановичъ Пыляевъ; несмотря на слабость къ архиву, онъ тоже началъ пописывать о балетѣ.

Кто только тогда не принимался за прославленіе балетныхъ свѣтилъ. Однако, торжество итальянокъ черезъ нѣсколько лѣтъ посѣяло и вражду въ балетѣ.

Одни балетоманы боролись за итальянокъ, другіе за русскую школу, за отечественныхъ танцовщицъ, какъ будто однѣ другимъ мѣшали.

Цукки изъ «божественной» превратилась въ Степку-Растрепку, другихъ итальянокъ называли хореграфическими нигилистками.

Итальячки, увлекавшія Петербургъ, успѣли состариться, многія изъ нихъ перемерли. Сошли въ могилу: Гриневъ, Похвисневъ, Базилевскій, братья Скальковскіе, Безобразовъ, Холмъ и др.

Прежнее настроеніе исчезло изъ залы театра, и нынѣшніе балетные фестивали напоминаютъ официальные юбилеи, устраиваемые бюрократами. Много было прежде наивнаго, смѣшнаго во всѣхъ сумасшедшихъ восторгахъ, но чувствовалось, что искренне увлекались талантами, изъ-за нихъ ломали копья.

Н. И. Юрасовъ.

VII.

Въ послѣднее мое свиданье съ А. П. Чеховымъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до его смерти, онъ спросилъ меня:

— Ну, а что нашъ Николай Ивановичъ, бѣдняга? Надѣюсь скоро увидѣть его. Скрипитъ?

— Рѣдкій человѣкъ!—сказалъ я.

— Да, и интересный... Какъ вы съ нимъ познакомились?

— Отецъ мой познакомился съ Николаемъ Ивановичемъ чрезъ Н. А. Бѣлоголоваго въ Ниццѣ, а я первый разъ встрѣтился съ нимъ у отца. Съ Боборыкинымъ его часто встрѣчалъ, съ Немировичемъ-Данченко, М. М. Ковалевскимъ и др., а затѣмъ бывалъ у него и видѣлся съ нимъ ежедневно, пріѣзжая въ Ниццу.

Мы говорили о Николаѣ Ивановичѣ Юрасовѣ, нашемъ вице-консулѣ въ Ментонѣ и работавшемъ также у консула въ Ниццѣ, гдѣ онъ и жилъ постоянно. А. Θ. Кони написалъ монографію доктора Гааза, о Юрасовѣ, который скончался въ Ниццѣ, забыли, или ограничились замѣтками и некрологами.

А вспомнить его слѣдуетъ.

Николай Ивановичъ по спеціальности былъ художникъ, учился въ академіи художествъ, былъ командированъ учиться за границу и тамъ остался, вращаясь часто въ кружкѣ Герцена.

У Юрасова развилась злѣйшая чахотка, и онъ лишился одного легкаго. Не забывая палитры и красокъ, онъ принялъ должность вице-консула, и на этомъ мѣстѣ потрудился на пользу человѣчества столько, сколько не работаль, вѣроятно, ни одинъ изъ нашихъ дипломатовъ за границей.

Другое легкое, спустя лѣтъ пять, тоже начало измѣнять Юрасову, но процессъ, къ счастью, благодаря чудному климату Ривьеры, пріостановился. Больной, скрюченный на одинъ бокъ, съ ужасными приступами кашля, этотъ человѣкъ десятки лѣтъ жилъ для другихъ.

Вотъ, вотъ, казалось, закашлялся, и конецъ ему. Нѣтъ отошло! и свидѣтели радовались.

Докторъ А. Л. Эльсницъ, популярнѣйшій въ Ниццѣ изъ старинныхъ эмигрантовъ, слѣдилъ за Юрасовымъ, какъ мамка за младенцемъ, но часто ничего не могъ подѣлать: не слушался его паціентъ и, несмотря на скверную погоду, несмотря на простуду, слонялся по знакомымъ и незнакомымъ съ хлопотами.

Покоя онъ не зналъ. Его тревожили и днемъ, и ночью: то пріѣзжали изъ Ментоны, то въ Ниццѣ надо было хлопотать.

Всѣ, безъ исключенія всѣ русскіе, знали и глубоко уважали Николая Ивановича.

Онъ не отходилъ отъ больныхъ, навѣщаль ихъ, помогаль имъ изъ послѣднихъ грошей, хотя самъ перебивался.

Умреть кто-нибудь, онъ хоронить, отправляетъ тѣло въ Россію, успокаиваетъ семью.

Безъ Юрасова трудно было обойтись, онъ каждому горю сочувствовалъ, за cadaго скорбѣлъ.

Заболѣлъ въ Ниццѣ мой братъ Н. А. Плещеевъ ужаснымъ дифтеритомъ, а я былъ въ Петербургѣ. Положеніе было опасное, больного отдѣлили, воспретивъ входить къ нему.

Юрасовъ не только явился, но часами сидѣлъ около него.

Неразрывная, близкая дружба Юрасова съ Максимомъ Ковалевскимъ, съ моимъ отцомъ А. Н. Плещеевымъ, П. Д. Боборыкинымъ, редакторомъ «Русскихъ Вѣдомостей» Соболевскимъ, позднѣе съ Чеховымъ и другими, влекла Николая Ивановича именно въ этотъ кружокъ.

Н. А. Бѣлоголовый говорилъ друзьямъ-паціентамъ: «Поѣзжайте въ Ниццу, тамъ благодатный климатъ, и, наконецъ, тамъ живетъ мой другъ Н. И. Юрасовъ, который все вамъ устроить и помѣститъ васъ».

Юрасовъ буквально все устраивалъ, искалъ помѣщеніе, суетился, заботился.

Обожаніе, иначе не могу выразиться, Юрасова было таково, что при желаніи ему бы не пришлось нуждаться. Его жалѣли, ему предлагали заимообразно десятки тысячъ, чтобы отдохнуть, но онъ только свои скудныя средства раздавалъ направо и налево.

Въ маленькой комнаткѣ, сплошь увѣшанной картинами собственной работы, изображающими большею частью голубое небо, деревья и море Ривьеры, Юрасовъ по утрамъ работалъ, отдавая дань своему художественному таланту.

Одинъ изъ великихъ князей, пріѣхавшихъ въ Ниццу, искалъ случая сдѣлать что-нибудь пріятное Юрасову за его безконечныя услуги и пожелалъ пріобрѣсти у Николая Ивановича картину.

Ему понравился пейзажъ, и онъ предложилъ за него полторы тысячи.

— Не продамъ за эти деньги, ваше высочество!

— Извините, я не зналъ, Николай Ивановичъ, цѣны, я готовъ...

— За сто рублей продамъ. Мнѣ больше за такія работы не платили.

И больше ста рублей онъ не взялъ.

Художественныя работы были для него подспорьемъ, потому что на ничтожное жалованье министерства иностранныхъ дѣлъ прожить, да помогать было мудрено.

Юрасова любили одинаково всѣ, отъ большихъ до самыхъ малыхъ включительно. Онъ былъ для всѣхъ одинаковъ.

Больного старика, однако, тревожили и нежелательные элементы: врывались, зная его доброе сердце, проигравшіеся въ Монте-Карло, требовашіе отправки даромъ на родину. Являлись мошенники, шантажисты, которыхъ около рулетки вдоволь, и это его дѣйствительно тяготило.

Не могу же я мошенникамъ помогать! Сегодня,— рассказывалъ онъ мнѣ,— одинъ негодяй, лишенный въ Россіи правъ и проживающій здѣсь, пришелъ въ консульство требовать денегъ... убить всѣхъ хотѣлъ! Всѣ попрятались, а я пошелъ объясняться. Убью! говорить. Ну, убейте, я васъ не боюсь, вы извѣстный мошенникъ, мнѣ на васъ здѣсь префектъ жаловался,

васъ высылали, на васъ всё русскіе жалуются. Ушелъ, обѣщая убить!

— Сегодня былъ въ Ментонѣ и ѣду вечеромъ въ Монте-Карло. Несчастье, проигрался бѣдный чиновникъ и застрѣлился, оставивъ жену и дочь. Тѣло его найти нельзя. Въ Монако его спрятали и, говорятъ, что онъ уѣхалъ, а въ газетахъ напечатано, что застрѣлился. Ну, да я разыщу. Нужно позаботиться о несчастной женѣ съ дочерью.

Разыскивалъ онъ тѣло чиновника и нашелъ, причемъ въ карманъ покойнаго подложили двѣсти франковъ, чтобы смерть не приписывали проигрышу. Юрасовъ хоронилъ его, отправилъ семью, самъ провожалъ, письмо далъ къ консулу въ Вѣну.

— Охота вамъ возиться!—замѣтилъ Юрасову знакомый бюрократъ изъ Петербурга.

— Что вы! вѣдь это прежде всего моя обязанность, какъ консула, а кромѣ того обязанность человека помочь бѣдной семьѣ... У меня что ни день, то страшныя драмы.

Свободолюбивый, прогрессистъ по убѣжденіямъ, Николай Ивановичъ возмущался царившимъ у насъ произволомъ, любовно и родственно относился къ русскимъ эмигрантамъ. Взгляды его были не по душѣ только той аристократіи, которая ютилась въ Ниццѣ, продуваясь въ рулетку, и кичилась барствомъ и титулами. На Юрасова писались доносы, но тронуть съ мѣста его не пытались, потому что у него было много друзей.

Удивляло меня всегда одно обстоятельство, что сильные друзья Николая Ивановича никогда не до-

гадывались, а можетъ быть, не хотѣли хлопотать, чтобы его назначили консуломъ въ Ниццу.

Фактически онъ былъ имъ долгое время, и обращались только къ нему.

Чиновничество, канцелярщина, равнодушіе къ соотечественникамъ, превратили большинство нашихъ консуловъ, по крайней мѣрѣ въ то время, въ личностей совершенно чуждыхъ намъ.

Д. В. Григоровичъ считалъ любимой темой вышучиваніе чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ, призванныхъ служить русскимъ за границей.

Онъ, однако, дѣлалъ исключеніе для К. А. Губастова, бывшаго тогда генеральнымъ консуломъ въ Вѣнѣ.

Губастовъ, дѣйствительно, пользовался симпатіями русскихъ, и о немъ неоднократно говорилъ тотъ же Н. И. Юрасовъ.

Возвращаюсь къ Юрасову. Онъ сумѣлъ заслужить любовь французовъ. Журналисты въ Ниццѣ прониклись къ нему особеннымъ уваженіемъ, отмѣчая постоянно его дѣятельность, что нерѣдко сокрушало Николая Ивановича.

— Зачѣмъ они это пишутъ, просилъ ихъ не писать! Консулу здѣшнему это непріятно; ревнуетъ, подумаетъ, что я этого желалъ. Вы ихъ знаете, попросите, чтобы не писали обо мнѣ.

Но съ этимъ народомъ ничего подѣлать было нельзя! Да и не соглашались съ ними было мудрено: они говорили правду.

А. П. Чеховъ чутко оцѣнилъ прелести юрасовской души, они поняли и почувствовали другъ друга, и завязалось хорошее знакомство, о которомъ каждый изъ нихъ вспоминалъ.

Не могу съ точностью сказать, гдѣ завязалось это знакомство, въ самой Ниццѣ, или лѣтомъ на Ривьерѣ, когда отъ жары Юрасовъ не разъ поднимался повыше.

М. М. Ковалевскій, пріѣзжая изъ Болье, гдѣ у него своя вилла, въ Ниццу, былъ неразлученъ съ Николаемъ Ивановичемъ; всегда ихъ видипь, бывало, вмѣстѣ. Юрасовъ ѣздилъ часто къ Ковалевскому, у котораго собирався литературный кружокъ. Въ Татьянинъ день Юрасовъ, Ковалевскій, Плещеевъ, Боборыкинъ, Соболевскій и др. не разъ собирались на обѣдъ, и летѣла телеграмма въ Москву.

Я бы сказалъ, что не Юрасовъ вращался въ кружкахъ русской интеллигенціи, ютившейся въ Ниццѣ, а они группировались около этой привлекательной, съ кристаллически-чистой душой личности. Юрасовъ всѣхъ ихъ объединялъ.

Отсутствіе его на Ривьерѣ — пробѣлъ, который чувствуетъ каждый, кто встрѣчался съ Николаемъ Ивановичемъ.

Сколько сдѣлано добра, сколько выстрадано Юрасовымъ, скорбѣвшимъ за больныхъ и угнетенныхъ, — не расскажешь въ сжатой газетной статьѣ. Юрасовъ дождется своего А. Ө. Кони, который посвятитъ ему, если не монографію, то обстоятельныя воспоминанія.

К. А. Скальковскій.

VIII.

Я давно и близко зналъ Константина Аполлоновича Скальковскаго, зналъ его, какъ журналиста, сотрудничая вмѣстѣ въ газетахъ, какъ театрала, вращаясь съ нимъ въ кружкахъ, близкихъ кулисамъ, и, наконецъ, какъ чиновника горнаго вѣдомства, совершивъ съ нимъ поѣздки по районамъ южнаго и сѣвернаго горныхъ округовъ. Такимъ образомъ, Скальковскій знакомъ мнѣ въ самыхъ разнообразныхъ роляхъ... Всѣ эти роли ему были по душѣ! Журналистику онъ любилъ, увлекался ею,—онъ не умѣлъ писать длинно и скучно. Это не мѣшало ему говорить о самыхъ серьезныхъ предметахъ общественной и государственной важности. Запасъ знаній, эрудиція, блестящій, остроумный талантъ и полемическій задоръ придавали интересъ всему, что выходило изъ-подъ пера Скальковскаго. Его постоянными читателями были даже тѣ, которые совершенно не раздѣляли его взглядовъ и убѣжденій. Онъ умѣлъ захватить читателя газеты съ первыхъ строкъ, рассуждая о чемъ и комъ хотите: о Виржини Цукки или о богатствахъ Кривого Рога, о министерствѣ иностранныхъ дѣлъ или о туалетахъ кокетки.

Легкая, живая, доступная форма, въ которую Константинъ Аполлоновичъ облакалъ свою журнальную работу, дала ему обширнѣйшую аудиторію читателей.

Въ журналистикѣ у него было много враговъ, но они не удручали особенно Скальковскаго, и онъ довольно хладнокровно относился къ стрѣламъ и брани по его адресу, обѣщая при случаѣ отплатить тѣмъ же. Скальковскій, театралъ и балетоманъ, былъ не менѣе популяренъ, чѣмъ журналистъ. Онъ и въ сферу искусства внесъ много интереснаго своими книгами о балетѣ, о театральныхъ вопросахъ и пр.

Публикѣ, посѣщающей театры, примелькалась фигура Скальковскаго: онъ сидѣлъ и въ итальянской оперѣ, и въ драматическомъ театрѣ, и въ балетѣ. Артисты любили Скальковскаго: который удѣлялъ имъ особенное вниманіе, помѣщая статьи о нихъ, дѣлая мѣткія характеристики и привѣтствуя ихъ рѣчами и спичами на всѣхъ театральныхъ пирушкахъ. И вотъ этотъ-то Скальковскій, другъ кулисъ и артистовъ, злой и безцеремонный журналистъ, вышучивавшій часто бездарныхъ государственныхъ людей, самъ, дослужившись до высокихъ чиновъ, сдѣлался государственнымъ человѣкомъ.

Назначеніе его директоромъ горнаго департамента было многимъ не по вкусу. И не столько это назначеніе, сколько возможность для Скальковскаго въ будущемъ сѣсть на министерское кресло.

Горные инженеры встрѣтили новаго директора съ розовыми надеждами; они знали Константина Аполлоновича хорошо, они вѣрили, что онъ вдохнетъ въ дѣло жизнь, вложитъ энергію и выдвинетъ людей даровитыхъ.

Горное вѣдомство, само по себѣ, и безъ Скальковскаго отличалось всегда жизнеспособностью, обиліемъ способныхъ, талантливыхъ людей, выдвинувшихся и на другихъ поприщахъ. Здѣсь бюрократическая канцелярщина хотя и существовала, но, сравнительно съ другими вѣдомствами, смотрѣла болѣе легкой, застѣнчивой.

Скальковскій занялъ здѣсь высшее мѣсто и, встрѣтивъ плеяду своихъ старыхъ товарищей, остался именно ихъ товарищемъ. Олимпійства и гордости въ немъ не было, онъ внесъ въ чиновничьи отношенія простоту, доступность и, по характеристикѣ мѣстнаго курьера, предъ которымъ прошла фаланга директоровъ, былъ любезнѣе и добрѣе даже всѣхъ начальниковъ отдѣленій.

Какъ человекъ удивительно ровный, онъ былъ одинаковъ и съ чиновниками, и съ просителями, и съ курьерами.

Конечно, два-три горныхъ сановника шипѣли, злобствуя противъ Скальковскаго, который опередилъ ихъ. Являлись къ Константину Аполлоновичу, когда угодно, и съ просьбами и съ докладами.

Въ департаментѣ царило настроеніе самое радужное: дѣла, лежавшія годами и покрытыя пылью, Скальковскій разрѣшалъ стремительно и быстро. Онъ умѣлъ схватить суть дѣла, понять его и быстро дѣлалъ резолюціи.

Нѣкоторые просители, таскавшіеся ранѣе въ департаментъ, не вѣрили, что ихъ ходатайства разрѣшались съ необычайной быстротой.

— Все объяснилъ, все разрѣшилъ,—говорилъ про

него А. И. Манташевъ,—и даже успѣлъ о балетѣ поговорить!

Ну, разумѣется, инымъ мѣстнымъ сановникамъ представлялось непостижимымъ, какъ могъ директоръ департамента во время приѣма сказать: «отчего васъ въ балетѣ не видно?»

На этомъ недоброжелатели играли, рисуя новаго директора въ опереточномъ духѣ. Тѣмъ не менѣе работа закипѣла, и всѣ это сознавали, всѣ подражали Константину Аполлоновичу.

Большинство горныхъ инженеровъ сумѣло опѣнить его.

Мои наблюденія въ этомъ отношеніи не основаны на чужихъ мнѣніяхъ: я самъ все видѣлъ и слышалъ, потому что причислился къ инспекторскому отдѣленію и часто бывалъ въ департаментѣ.

Мнѣ хотѣлось ѣхать съ Скальковскимъ на югъ, куда онъ былъ командированъ для открытія въ Екатеринославѣ управленія южнаго горнаго округа, затѣмъ на сѣверъ въ Олонецкій горный округъ. Отправился я въ качествѣ корреспондента «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» В. Г. Авсѣенко. Скальковскій, въ виду этого, причислилъ меня къ инспекторскому отдѣленію, такъ что я превратился въ канцеляриста и «сопровождалъ» его, разумѣется, не на казенный счетъ.

Итакъ, вотъ тѣ «роли», въ которыхъ долго я приглядывался къ Скальковскому, а потому и считаю своимъ долгомъ подѣлиться личными воспоминаніями о немъ, а не слышаннымъ съ чужихъ словъ...

Въ іюлѣ 1891 г. утромъ мы пріѣхали на станцію Екатерининской желѣзной дороги. Здѣсь новаго директора департамента встрѣчали начальникъ горнаго управленія южной Россіи, директора мѣстныхъ металлургическихъ обществъ, управляющіе рудниками и др. Скальковскаго сопровождали два чиновника, одинъ изъ которыхъ, Н. М. Безобразовъ, въ блестящей формѣ, старавшійся казаться важнымъ и величественнымъ, выглядѣлъ гвардейцемъ. Онъ первый выскочилъ изъ вагона, а за нимъ въ довольно потертомъ пальто и полинявшей форменной фуражкѣ слѣдовалъ Скальковскій.

Встрѣчавшіе, мало знавшіе Скальковскаго, приняли Безобразова за директора департамента и представлялись. Начальникъ округа однако не ошибся.

Скальковскій, видя эту суету, отъ души хохоталъ.

— Вотъ видите, я не похожъ на директора департамента! — говорилъ Скальковскій, привѣтствуя собравшихся.—Такая жара, господа, къ чему вы нарядились въ мундиры!

Вся торжественность момента исчезла, потому что директоръ департамента заговорилъ пріятельскимъ тономъ, уклонившись отъ обмѣна официальными привѣтствіями. Съ мѣста онъ обращался ко всѣмъ съ вопросами и на всѣхъ произвелъ очень пріятное впечатлѣніе.

Въ Екатеринославѣ на торжествѣ открытія горнаго управленія южной Россіи Скальковскій произнесъ рѣчь, вспомнивъ планы великой Екатерины и Потемкина, замыслы ихъ касательно учрежденія въ Екатеринославѣ университета, музыкальной академіи, основанія собора, равнаго по размѣрамъ собору Пе-

тра въ Римѣ и т. д. Онъ закончилъ пожеланіемъ процвѣтанія Екатеринославу, зданію, прочно заложенному на чугуны и желѣзы изъ окрестныхъ заводовъ.

Ему отвѣчалъ нынѣшній членъ государственнаго совѣта по выбору, горный инженеръ Н. С. Авдаковъ, который предсказалъ новую эру развитія горнаго дѣла въ Россіи подъ руководствомъ Константина Аполлоновича.

— Вотъ у насъ какъ говорятъ горные инженеры!— замѣтилъ Скальковскій про краснорѣчіе Авдакова, говорившаго минутъ двадцать.—Лучше адвокатовъ и профессоровъ.

Начались поѣздки по заводамъ Юза, отъ Юза отправились на Верхне-Днѣпровскій, на Александровскій, Брянскаго общества и т. д.

Вездѣ устраивались по случаю пріѣзда директора департамента «тукулловскіе пиры».

Скальковскій на одномъ изъ такихъ пировъ сказалъ, что все это невыгодно для акціонеровъ заводовъ, что желудокъ его — не доменная печь, и что, съѣвъ все предлагаемое, онъ можетъ тутъ же кончить свою служебную карьеру.

Скальковскій внимательно осматривалъ всѣ заводы, спускался въ шахты, бесѣдовалъ съ рабочими. Тогда эти бесѣды были самага мирнаго характера, и даже мѣстный губернаторъ В. К. Шлиппе видѣлъ только одно зло, вредившее обезпеченію и спокойствію рабочаго—это питейный уставъ: кабаки разсряли людей.

Скальковскій не придавалъ значенія этому злу, сознавая, что оно въ будущемъ окажется микроско-

пическимъ изъ золь въ вопросѣ объ обезпеченіи рабочаго труда. Тѣмъ не менѣе, онъ не предвидѣлъ въ мѣстномъ районѣ обостренія рабочаго вопроса, хотя и не отрицалъ низкой оцѣнки труда нѣкоторыми промышленниками. Что онъ сдѣлалъ въ этомъ направленіи, мнѣ не извѣстно.

Осматривая больницы, Скальковскій гдѣ-то замѣтилъ:

— Отлично, чисто... Только краска еще не высохла: должно быть, вчера больница приведена въ такой видъ къ моему приѣзду. О томъ, что больные здѣсь выздоравливаютъ, — это тоже мнѣ извѣстно...

— Ну, какъ вы нашли? — спросилъ я у Скальковскаго, когда мы сѣли въ экипажъ, покидая каменноугольныя копи.

— Тутъ, кажется, главное вниманіе было обращено на завтракъ.

Надо отдать ему справедливость, что онъ не стѣснялся и высказывалъ свои замѣчанія откровенно горнымъ инженерамъ, рекомендуя тѣ или другія мѣропріятія.

Въ Олонецкомъ горномъ округѣ онъ, остановившись у бывшаго товарища, начальника горнаго округа, не постѣснился тутъ же сказать окружающимъ: «ему надо скорѣй уходить, — куда онъ пойдетъ?» — и тутъ же быстро намѣтилъ замѣстителя, который и былъ вскорѣ назначенъ. Болѣзнь ускорила удаленіе стараго начальника. Рабочіе жаловались Скальковскому на дороговизну хлѣба, что было тамъ общимъ бѣдствіемъ. Онъ предложилъ до минимума понизить заготовительныя цѣны на хлѣбъ.

Попутно, совѣщаясь съ инженерами, Скальковскій не упустилъ и стороннихъ мелочей.

— Хоть бы вы, господа, прибили доску на домѣ, гдѣ жилъ Державинъ... это не разорить горнаго вѣдомства,—предложилъ онъ въ Петрозаводскѣ.

Доска была прибита.

— Вообще у васъ тутъ многое сохранилось въ неприкосновенности со временъ Петра I, — посмѣивался онъ.

Около Кончезерскаго завода находятся марціальныя воды, открытыя въ 1714 г., гдѣ пребывалъ Петръ Великій съ императрицей.

Скальковскій пожелалъ заглянуть сюда и нашелъ здѣсь огороженную не то лужу, не то яму и избушку на курьихъ ножкахъ, на которой прибита доска объ открытіи водъ.

Впрочемъ, о Петрѣ I напоминаетъ еще обросшій мохомъ его бюстъ. Въ церкви сохранились кой-какіе предметы Петровскаго времени.

— Прикажете вычистить все это, обновите павильонъ, — распорядился Скальковскій: — вѣдь это чортъ знаетъ, что такое! хоть бы ради историческаго значенія позаботились! Виши изъ этого не сдѣлаешь, но все-таки можно придать видъ приличный. У насъ въ Новой Деревнѣ подобнаго не сыщешь. Лѣчатся ли здѣсь?

— Жена инженера лѣчилась... пояснилъ сторожъ.

— Весьма сожалѣю ее.

Водопадъ Кивачъ, воспѣтый Державинымъ, совсемъ удручилъ Скальковскаго. Онъ нашелъ домъ, принадлежащій горному вѣдомству, безъ всякой мебели.

— На чемъ же сидятъ и отдыхаютъ у васъ?

— На сѣнѣ, ваше превосходительство!—объяснилъ кто-то.

— Да бываютъ посѣтители?

— Бываютъ, не много, а бываютъ.

— Кто-жъ сюда поѣдетъ! Красота, но первобытность... Насъ высмѣютъ. Пожалуйста, мебелируйте, я дамъ денегъ... Да заведите книжку, чтобы посѣтители расписывались... чтобы знать, сколько ихъ было... А вѣдь сюда ѣздили бы и иностранцы!

Скальковскій завалился отдыхать на сѣнѣ, разложенномъ въ комнатѣ.

Въ другой комнатѣ былъ приготовленъ скромный завтракъ.

— Вотъ для завтрака у васъ и стулья и столъ нашлись, а тутъ хоть бы скамейка. Не удивляюсь, что, кромѣ олонецкихъ собакъ-лаекъ, здѣсь никого нѣтъ!

Скальковскій объѣхалъ всѣ заводы, кончая самымъ сѣвернымъ Балазминскимъ, гдѣ можно при счастѣ и медвѣдей встрѣтить. На этомъ заводѣ всего 42 рабочихъ, оторванныхъ отъ міра. Къ чести Скальковского скажу, что онъ самъ вызвался сдѣлать все, что только можетъ, для мѣстныхъ служащихъ, находя условія ихъ работы исключительными.

Къ Константину Аполлоновичу, несмотря на его требовательность, рѣзкія замѣчанія, часто какъ будто насмѣшливый тонъ, всѣ горные инженеры питали довѣріе, признавая близкое знаніе имъ дѣла и желаніе двинуть его впередъ.

Строгое замѣчаніе передавалось у него съ добро-

душной шуткой, и отношенія между нимъ и подчиненными были искренними. Онъ охотно выслушивалъ возраженія, спорилъ и соглашался, если былъ неправъ. Онъ съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности, какъ начальникъ, вдохнулъ энергію въ горное дѣло; былъ подъемъ, который и отмѣтилъ Н. С. Авдаковъ, привѣтствуя Скальковскаго на Екатеринославскихъ торжествахъ.

Такимъ запечатлѣлся Константинъ Аполлоновичъ и въ моей памяти, какъ горный дѣятель, къ голосу котораго прислушивались. Это не былъ объѣздъ начальника, который ѣздилъ ради прогонныхъ денегъ, онъ дѣйствительно вникалъ въ дѣло и на мѣстѣ знакомился съ нимъ.

Курьезовъ во время этихъ командировокъ было много. Скальковскій подтрунивалъ надъ генеральствомъ сопровождавшаго его чиновника, упрекая его въ желаніи производить впечатлѣніе, по крайней мѣрѣ, петербургскаго градоначальника.

Проѣзжая дремучимъ лѣсомъ Олонецкой губерніи, мы остановились въ деревнѣ около избы, гдѣ былъ приготовленъ завтракъ.

Къ удивленію своему, вмѣсто щей и каши, Скальковскій увидѣлъ на столѣ тонкія, гастрономическія закуски и красное вино, то самое, которое онъ пилъ въ Петербургѣ.

— Что это такое?—спросилъ онъ горнаго инженера, сопровождавшаго его.

— Ужъ извините, чѣмъ Богъ послалъ, ваше пресвосходительство...

— Не Богъ, а вы это сюда прислали!.. Можетъ быть, это принято у васъ по традиціямъ при про-

ѣздѣ начальства, но я противъ этой «освѣдомленности» насчетъ моихъ вкусовъ.

— Должно быть, они освѣдомляются чрезъ курьеровъ въ Петербургѣ о вкусахъ начальниковъ. Не даромъ всѣ такъ рвутся въ командировки! — говорилъ дорогой Скальковскій.—Очень ужъ это по балетному! Дремучій лѣсъ, горный инженеръ въ видѣ благодѣтельной феи, и на столѣ завтракъ съ иностранными винами! Пожалуйста, не тратьтесь или берите съ меня за харчи! Я вамъ благодаренъ, но разоряться не слѣдуетъ.

— Куда ты гонишь, лошадей хлещешь! — кричалъ Скальковскій на ямщика.

— По Высочайшему повелѣнію изволите ѣхать, ваше превосходительство.

— Поѣзжай, какъ слѣдуетъ.

— Приказывали гнать... по Высочайшему всегда...

Послѣ смерти Скальковскій оставилъ капиталъ Академіи Наукъ съ тѣмъ, чтобы выдали премію за лучшее сочиненіе по истребленію клоповъ въ Россіи.

О клопахъ онъ говорилъ вездѣ, гдѣ бы ни приходилось останавливаться на ночлегъ.

Въ одномъ училищѣ горнаго вѣдомства клопы особенно одолѣвали Скальковскаго. Онъ всталъ, одѣлся и не спалъ всю ночь.

Начальникъ мѣстнаго горнаго округа по той же причинѣ поднялся рано утромъ.

— Плохо почивали? — спросилъ онъ Скальковскаго.

— Да, какъ будто клопы кусали?

— Да есть... нельзя сказать, чтобы много, а рубинчики есть...

«Рубинчики» понравились Скальковскому, и гдѣ бы онъ ни останавливался, прежде всего спрашивалъ: «а какъ у васъ насчетъ рубинчиковъ?»

Это преслѣдованіе его по Россіи рубинчиками и послужило причиною къ происхожденію преміи за ученое сочиненіе.

Скальковскій отличался поразительной памятью и по приѣздѣ въ Петербургъ ничего не забылъ изъ видѣннаго и слышаннаго. О каждомъ инженерѣ, о каждомъ рабочемъ онъ напоминалъ... «А вотъ этотъ просилъ то-то, а тотъ вотъ это... я обѣщаль не забудьте».

Можно съ точностью сказать, что съ воцареніемъ въ горномъ департаментѣ Константина Аполлоновича начался тотъ періодъ, который извѣстенъ былъ подъ названіемъ «расцвѣта промышленности». Это былъ дѣйствительно расцвѣтъ промышленности, и если онъ вылился въ биржевую вакханалію, то, конечно, не по винѣ горнаго вѣдомства. Предпріятія процвѣтали, и весьма естественно, что къ нимъ примазались разные спекулянты, вздувавшіе акціи металлургическихъ заводовъ и каменноугольныхъ предпріятій до баснословныхъ цѣнъ. Не въ этихъ бѣглыхъ наброскахъ подводитъ итогъ всему сдѣланному Скальковскимъ для горнаго дѣла. Наконецъ, я—не специалистъ, а потому ограничился только субъективными впечатлѣніями и наблюденіями, видя Скальковскаго у самаго дѣла, видя его отношенія къ горнымъ работникамъ. Въ него вѣрили и не разочаровались. При немъ горный департаментъ, словно отъ сна, возсталъ.

Немало раздавалось голосовъ, не сочувствовавшихъ

Скальковскому, но это не были голоса специалистовъ. Скальковскаго-балетомана мѣшали со Скальковскимъ-горнымъ инженеромъ, со Скальковскимъ-публицистомъ, обличителемъ. Но вотъ именно это были совершенно разные Скальковскіе, у которыхъ одно занятіе не мѣшало другому.

К. А. Скальковскій, какъ журналистъ, представлялъ собою рѣдко талантливаго, остроумнаго чело-вѣка, писавшаго много, живо, задорно, легко. У него былъ юморъ, свойственный журналисту парижскому, который рѣдко обходится, даже обсуждая государственные вопросы, безъ каламбура и остроты. Политическія убѣжденія свои Скальковскій высказывалъ открыто, но не навязывалъ ихъ тѣмъ, кому они не симпатичны. Иначе, какъ объяснить его пріятельскія отношенія съ людьми совершенно противныхъ взглядовъ?

Странно было видѣть, напримѣръ, въ ресторанѣ, за однимъ столомъ, болтавшихъ Скальковскаго и Е. В. Де-Роберти. Вѣдь это два полюса, отдаленные другъ отъ друга. Иногда они горячо спорили, не соглашались между собою, и на этомъ все заканчивалось, но бесѣда продолжалась.

Работалъ Скальковскій съ поразительной быстротой, и только по утрамъ. Энциклопедическій словарь для него былъ лишнимъ, онъ держалъ его въ головѣ и могъ бы добавлять Брокгауза и Ефрона, а не пользоваться ихъ изданіемъ.

Изъ своихъ газетныхъ статей Скальковскій опять-таки съ ловкостью, присущей парижскому журналисту, лѣпилъ книги, быстро спаивая клочки и от-

рывки. У него не пропадала газетная работа, какъ пропадаетъ она у большинства моихъ собратьевъ. Она приносила ему ренту. Нѣкоторыя книжки выдерживали десятки изданій.

Самая тяжелая для меня работа, — жаловался Скальковскій, — читать корректуры. У меня такой почеркъ, что его за 25 лѣтъ наборщики не привыкли разбирать.

Не даромъ онъ завѣщаль имъ двѣ тысячи.

Не обходилось составленіе Скальковскимъ книгъ и безъ печальныхъ курьезовъ: умиралъ великій князь Константинъ Николаевичъ, и Скальковскій заготовилъ для «Новаго Времени» его характеристику, которая была набрана и въ наборѣ ожидала своей очереди. Константину Николаевичу стало лучше, дни его жизни продлились, и Скальковскій, чтобы не пропала характеристика, вклеилъ ее въ одну изъ своихъ новыхъ книгъ.

Книга вышла, поступила въ продажу, и потомъ лишь хватились, что великій князь два раза былъ названъ «покойнымъ».

Экземпляры отобрали, и пришлось перепечатывать страницу. Спѣшка работы Скальковскаго на этотъ разъ доставила ему непріятности.

Безпокойство причиняли Константину Аполлоновичу появившіяся тогда его воспоминанія. Ему возражали по поводу оцѣнки и характеристики разныхъ личностей, и Скальковскому приходилось вывертываться и отписываться.

— Н. не говорилъ по-русски, а ломалъ только отдѣльные, безсвязныя слова, — увѣрялъ Скальковскій. Ему возражали, что Н. говорилъ по-русски отлично.

— Z. былъ пьяница — напечаталъ Константинъ Аполлоновичъ, но это опровергали знавшіе Z.

— Возражаютъ,—сердился,—потому что сами все позабыли... хотя, конечно, иногда можно и ошибиться, описывая, что было лѣтъ сорокъ назадъ... да вѣдь и они могли перепутать!—раздражался онъ, рассказывая объ этомъ за обѣдомъ въ Собраніи Сельскихъ хозяевъ, гдѣ бывалъ ежедневно.

Смѣлость Скальковскаго, какъ публициста, который не церемонился иногда съ выраженіями о самыхъ «сильныхъ міра сего», порождала недоброжелателей, которые не щадили имени автора.

Про Константина Аполлоновича замѣчали основательно, что говорилъ онъ такъ, какъ писалъ. Невоздержанный на языкъ, онъ такимъ оставался и съ перомъ въ рукѣ. Нерѣдко, читая въ корректурахъ его статьи, бывало, замѣтишь, что какое-нибудь выраженіе о покойникѣ грубовато, могутъ дѣти обидѣться.

— Что жъ тутъ обиднаго?—ровно ничего... вотъ еще церемониться! О такихъ господахъ можно все писать. Да и что я написалъ? — былъ на руку не чистъ! Просто мошенникъ былъ.

Возникали объясненія, Скальковскому даже угрожали, и вполне справедливо, но онъ не мѣнялся. Въ свою очередь, когда появлялись беспощадные нападки въ печати по его адресу, онъ относился къ нимъ довольно индифферентно. Волновался, но развѣ полчаса, пока читалъ эти нападки.

Константинъ Аполлоновичъ не возмущался, когда знакомые упрекали его въ цинизмъ и излишней откровенности. Передѣлаться онъ не могъ.

Остроумные блестящіе афоризмы, остроты и отдѣльныя мѣткія слова Скальковскаго, появлявшіеся въ печати, постоянно подхватывались другими коллегами и повторялись въ газетахъ, служа нерѣдко темой для статей. Подхватывая какой-нибудь пустякъ, Скальковскій раздувалъ его въ цѣлый вопросъ, о которомъ звонили, перезванивали, полемизировали, и это иногда оживляло стоячія воды періодической печати.

Онъ ухитрился даже о театрѣ писать такъ, что люди, никогда не посѣщавшіе театровъ, читали его рецензіи. Не шутка, что онъ соблазнилъ нѣсколькихъ чиновниковъ, сдѣлавшихся записными балетоманами.

Писалъ онъ въ «Новомъ Времени» долго о французскомъ театрѣ, изрѣдка о драматическомъ, много о балетѣ, объ актерахъ, актрисахъ, ихъ нравахъ и слабостяхъ. Скальковскій умѣлъ о самой высокой трагедіи написать такъ, что читатель неожиданно улыбнется. Отзывъ отъ этого нисколько не страдалъ, трагедія тоже... Ни одна балерина не обогатила такъ сундука театральной дирекціи, какъ К. А. Скальковскій, увлекшій публику своими восторгамии по адресу открытой имъ балерины Виржиніи Цукки.

— Надо посмотрѣть эту Цукки, — приходилось слышать на каждомъ шагу, — какъ за нее Скальковскій распинается.

Пропалъ интересъ къ Цукки, онъ указалъ еще на десятокъ итальянскихъ балеринъ, и захудалый петербургскій балетъ сдѣлался излюбленнымъ мѣстомъ извѣстной части петербургскаго общества.

— Дирекція должна бы мнѣ назначить пенсію, — смѣялся Скальковскій.

Завистники Константина Аполлоновича не мирились съ совмѣстимостью должности директора департамента, балетомана и журналиста, хотя сами занимали десятки мѣстъ.

— Помилуйте, — слышалъ я, — у Скальковскаго сегодня на пріемѣ въ горномъ департаментѣ двѣ балерины были!

Ну, конечно, распространеніемъ подобныхъ извѣстій желали довести до свѣдѣнія министра, какіе у него чиновники отвѣтственные мѣста занимаютъ. Министръ М. Н. Островскій отлично зналъ Скальковскаго и цѣнилъ его. Когда Скальковскаго назначили директоромъ горнаго департамента, ему масса высокопоставленныхъ лицъ сдѣлали визиты. Скальковскій былъ очень огорченъ этимъ.

— Я вовсе не намѣренъ таскаться къ нимъ, — ворчалъ онъ.—Прежде они презирали меня, а теперь оказываютъ вниманіе... лицемѣрное. Онъ позвалъ курьера.

— Вотъ что... Я тебѣ буду благодаренъ... Надѣнь шубу... Есть у тебя шуба?

— Есть, ваше превосходительство'

— Не форменная шинель?

— У меня хорошая шуба, ваше превосходительство, медвѣжья-съ.

— Ну, такъ вотъ... надѣнь шубу, подними воротникъ, сядь на извозчика и поѣзжай по составленному мной списку адресовъ... Забрасывай всѣмъ мои визитныя карточки... какъ будто я самъ ихъ развожу.

— Слушаю, Константинъ Аполлоновичъ.

— Носа изъ воротника не высовывай.

И курьеръ визитировалъ вмѣсто Скальковскаго, который самъ рассказывалъ объ этомъ водевилѣ, рекомендуя описать его въ газетахъ.

Помню я день, когда состоялся приказъ объ отставкѣ Скальковскаго, рѣшившаго переѣхать въ Парижъ. Враги его ликовали.

Скальковскій утомленный пришелъ завтракать въ ресторанъ Кюба. Его встрѣтили необыкновенно сочувственно.

— У васъ усталый видъ! — сказалъ кто-то участливо.

— Жидовка задержала.

— Какая жидовка?

— Позвалъ жидовку и продалъ ей мундиръ и ордена. Въ случаѣ какой нибудь свадьбы попрошу у кого-нибудь изъ пріятелей ленту на прокатъ. Все продалъ! Торговался цѣлый часъ. Теперь нужно торговаться, командировокъ больше не будутъ давать! Весьма радъ, что раздѣлался съ этой службой.

Константинъ Аполлоновичъ былъ оригиналь, не притворявшійся имъ, а самый искренній, не рисовавшійся. Онъ прекрасно понималъ, что ровно ничего не теряетъ выходя въ отставку, а теряетъ скорѣе горный департаментъ.

Покинувъ службу, Скальковскій переѣхалъ въ Парижъ, откуда наѣзжалъ раза по три въ годъ и болѣе. Въ Парижѣ онъ приобрѣлъ себѣ маленькій домикъ въ три или четыре этажа. Но какіе этажи! Въ каждомъ этажѣ было по одной или по двѣ комнаты. Сюда онъ перевезъ часть своей библіотеки и много работалъ, готовя какой-то историческій трудъ.

Разлука его со службой возвратила его журналистикѣ: онъ сталъ писать чаще и больше.

Приведу записанныя мною свѣдѣнія о литературной дѣятельности Скальковскаго, которыя онъ сообщилъ мнѣ лично, какъ матеріалъ для біографіи, въ виду праздновавшагося въ январѣ 1901 г. сорокалѣтія его литературно-публицистической дѣятельности.

— Я помѣстилъ первую статью въ журналѣ «Разсвѣтъ» Кремнина, и называлась она «Герцогиня Беррійская». Въ «Разсвѣтѣ» начали свою дѣятельность мой товарищъ по институту Николай Михайловскій, Писаревъ и другіе. Въ этомъ журналѣ я напечаталъ рядъ біографій выдающихся женщинъ. Затѣмъ писалъ въ «Современномъ Словѣ» Писаревскаго и Леонтьева и въ «Модномъ Магазинѣ» Софіи Меі. Окончивъ курсъ, работалъ въ «Горномъ Журналѣ», «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», «Голосѣ» и особенно въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», сдѣлавшись членомъ этой редакціи въ 1870 г. Черезъ шесть лѣтъ вступилъ въ «Новое Время», гдѣ оставался до апрѣля 1891 г. Много работалъ подъ псевдонимами въ разныхъ изданіяхъ. Занимался статистикою, законодательствомъ, исторіей.

Скальковскій послѣ паузы улыбнулся и замѣтилъ:

— Если придется некрологъ мой писать, воспользуйтесь этими свѣдѣніями. А теперь отмѣтите, что я открываю серію юбилеевъ новаго столѣтія.

Такъ какъ я и нашъ общій пріятель, Н. М. Безобразовъ, распоряжались организаціей юбилея Скальковскаго, то послѣдній не разъ по этому поводу обращался ко мнѣ съ замѣчаніями въ родѣ слѣдующаго:

— Ужъ вы моихъ пріятелей-то пожалѣйте! Не вздумайте назначить дорогого обѣда! поскромнѣй и поменьше блюдъ! Кому это нужно? Я даже думаю, что и самого юбилея не нужно, ну, да ужъ разъ вы объявили—все равно! Это—случай лишній разъ выругать меня журналистамъ. Я самъ не люблю платить много за юбилейные обѣды и понимаю, какъ это неприятно другимъ! По-моему юбиляръ долженъ самъ угощать гостей.

Константинъ Аполлоновичъ былъ расчетливъ въ мелочахъ, и потому, когда изъ двухъ редакцій обратились къ нему за портретами, онъ сказалъ:

— Ну, вотъ еще расходъ! Сниматься долженъ! Еще хорошо, что фракъ у меня есть новый, а то уклонился бы отъ чествованія!—подтрунивалъ онъ.

— Не пригласить ли музыку?—предлагалъ кто-то. Скальковскій это узналъ и вспылилъ.

— Да, что вы, господа, за торжество сочиняете! Удивительно пріятно моимъ добрымъ знакомымъ тратиться на музыку! Они и меня изъ-за васъ проклянутъ!

— Допускать ли дамъ?

— Какъ не допускать? Безъ дамъ тощица будетъ! Что же, рѣчи слушать только? Интересно! Дамы оживленіе внесутъ! надо благодарить ихъ! Не генералами же любоваться!

Юбилей этотъ принесъ ему немало тревоженій, такъ какъ Скальковскій все время боялся, что устроятъ все на широкую ногу и введутъ въ непроезжие расходы присутствовавшихъ.

Въ этомъ отношеніи онъ былъ послѣдователенъ. Я помню, когда ему приходилось расплачиваться на

разныхъ обѣдахъ и ужинахъ, онъ долго не могъ забыть.

— Ограбили!—кричалъ онъ.—Развѣ можно такіе ужины устраивать. Я вѣдь не Ротшильдъ и не Манташевъ.

Скальковскаго зналъ буквально весь Петербургъ, и тѣ, которые не были съ нимъ знакомы, считали его надменнымъ, дерзкимъ, грубымъ. Въ дѣйствительности это былъ добродушнѣйшій человекъ.

Репутація не въ пользу его слагалась, благодаря тому, что Константинъ Аполлоновичъ всегда громко разговаривалъ — въ театрѣ ли, въ ресторанѣ ли, острилъ, подсмѣивался, но въ этомъ ничего не было напускного: онъ такимъ былъ по натурѣ. Конечно, и его журнальная дѣятельность, его хлесткій, задорный, порой невоздержный тонъ способствовали этой репутаціи. Знавшіе лично Скальковскаго, — а ихъ очень много, — были о немъ совершенно противоположнаго мнѣнія. Въ немъ было, если хотите, что-то комическое, располагающее къ нему.

Люди, политическіе взгляды которыхъ были діаметрально противоположными взглядамъ Скальковскаго, могли относиться къ нему враждебно, но опять-таки, повторяю, онъ свои убѣжденія, хороши ли, дурны ли они, высказывалъ открыто, прямо и никому не навязывалъ ихъ.

Позволю себѣ даже сказать: политика его вовсе не захватывала за послѣднее время, и онъ относился къ ней не безучастно, но спокойно.

Припомню нѣсколько мелочей изъ жизни Скальковскаго.

Попался мнѣ Скальковскій какъ-то на улицѣ.

— Нѣтъ ли у васъ дешеваго знакомаго художника?

— Есть, молодой... начинающій...

— Вотъ и отлично, пришлите-ка его ко мнѣ... у меня горное вѣдомство просило мой портретъ, хотять повѣсить.

— Значить, надо написать вашъ портретъ?

— Нѣтъ... видите ли, у меня есть портретъ, такъ пусть онъ только бороду удлинитъ и мундиръ горный, вмѣсто сюртука, напишетъ.

— Отчего вы новаго не закажете?

— Ну, вотъ еще! буду я за свой портретъ большія деньги платить!

Портретъ подмалевали, и Скальковскій послалъ его по назначенію.

Когда онъ уходилъ изъ горнаго департамента, въ честь его была выбита большая медаль.

— Какъ вы находите?—обращались къ нему пріатели.—Надо напечатать объ этомъ.

— Да, отчего же?... Только не теперь.

— А когда же?

— А вотъ развѣ въ моемъ некрологѣ, тогда мнѣ рѣшительно все равно.

За завтракомъ въ ресторанѣ Константинъ Аполлоновичъ находился въ компаніи военныхъ людей и даже съ высшимъ образованіемъ, и въ случайномъ разговорѣ превзошелъ ихъ въ знаніи военной исторіи.

Бесѣда неожиданно коснулась кампаніи маршала Саксонскаго въ 1745 г., когда въ сраженіи подъ Фонтенуа маршалъ наголову разбилъ отборныя англійскія войска герцога Кумберлендскаго. Гг. военные съ высшимъ образованіемъ выразили сомнѣніе въ достовѣрности существенныхъ подробностей этого

сраженія. Скальковскій, вступивши въ этотъ разговоръ, не только вспомнилъ анекдотическую сторону эпизода, но нарисовалъ полную его картину со всѣми тактическими подробностями.

Онъ указалъ, что въ этомъ сраженіи имѣли рѣшающее значеніе борьба за дефіле и галантность французскихъ войскъ, предоставившихъ англичанамъ право перваго выстрѣла.

Собесѣдники принуждены были сознаться въ скоромъ запамятованіи академическаго курса... и, пожалуй, даже курса исторіи Иловайскаго.

Память Константина Аполлоновича всѣхъ поражала. Запасъ разнообразнѣйшихъ свѣдѣній и эрудиція его представлялись феноменальными.

О чемъ бы ни заговорили, какой бы специальности разговоръ ни коснулся, Скальковскій вступалъ въ него во всеоружіи знаній, и сбить его было мудрено. Исторію онъ зналъ превосходно и даже по части хронологіи никогда не ошибался.

Такого энциклопедиста среди журнальной братіи не часто встрѣтишь. Онъ не лазилъ на книжныя полки за справками для провѣрки, цитируя наизусть массу источниковъ.

Существовалъ единственный экземпляръ автобіографіи Константина Аполлоновича, принадлежавшій брату его, П. А. Скальковскому, умершему позднѣе Константина Аполлоновича.

Эту автобіографію Константинъ Аполлоновичъ снабдилъ слѣдующей собственноручной надписью: «Эта автобіографія была написана въ 1886 г. по случаю юбилея «Новаго Времени» для А. С. Суворина, для книги, изданной въ 1 экземплярѣ и къ-мъ-то

украденной изъ редакціи». Скальковскій говоритъ въ ней, что если сложить всѣ его поѣздки по свѣту, то выйдетъ тысячь триста верстѣ, а если соединить всѣ его статьи и книги, то вышло бы томовъ 70».

«Вотъ почему,—замѣчаетъ онъ,—меня, вѣроятно, родственники нерѣдко упрекали въ «ничегонедѣланіи». Правда, я пишу очень легко и скоро, и того мнѣнія, что страсть къ писанію ничѣмъ существенно не отличается отъ хроническаго насморка. Замѣчательно, однако, что я никогда не писалъ стиховъ, даже будучи влюбленнымъ.

Этотъ единственный печатный экземпляръ автобіографіи К. А. дополнялъ постоянно съ теченіемъ времени приписками, отмѣчая послѣдующія событія своей жизни.

Въ послѣднемъ примѣчаніи, между прочимъ, упоминается (1906 г.), что К. А. намѣчали въ министры торговли, но что въ высокихъ сферахъ это не встрѣтило сочувствія. Въ этомъ же году, по его словамъ, онъ «бѣжалъ въ Монте-Карло, Испанію и Португалію».

По поводу празднованія юбилея, о чемъ я говорилъ выше, тоже имѣется автографическая приписка:

«15 января праздновалъ 40-лѣтній юбилей, успѣхъ, но обруганъ въ печати. Отказался отъ предсѣдательства въ торговой палатѣ» ¹⁾).

Въ С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ было назначено дѣло по обвиненію К. А. Скальковскаго по 1535 статьѣ, возбужденному княземъ Э. Э. Ухтомскимъ, редакторомъ «Разсвѣта».

Константинъ Аполлоновичъ не дожиль до этого

¹⁾ Въ Парижѣ.

суда, и повѣстка, доставленная ему въ день смерти, осталась на его письменномъ столѣ.

Дѣло возникло при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ передовой статьѣ «Разсвѣта» 28 іюня 1905 г. по поводу русско-японскаго свиданія въ Вашингтонѣ уполномоченныхъ для мирныхъ переговоровъ оскорбили Скальковскаго, на что онъ отвѣчалъ письмомъ въ редакцію «Новаго Времени», гдѣ, въ свою очередь, наговорилъ по адресу князя Ухтомскаго много рѣзкаго. Письмо и послужило поводомъ къ возникновенію дѣла, которое князь Ухтомскій прекратилъ послѣ смерти Константина Аполлоновича, не желая, очевидно, преслѣдовать одного редактора «Новаго Времени», Мих. Ал. Суворина.

Я не касаюсь по существу этого объясненія Скальковскаго и князя Ухтомскаго, находя лишнимъ напоминать объ этихъ счетахъ.

Среди документовъ и справокъ, приготовленныхъ К. А. къ предстоявшему процессу, имѣется между прочимъ обстоятельная справка о дѣятельности Скальковскаго, составленная имъ самимъ.

Приведу ея содержаніе. Горный инженеръ, тайный совѣтникъ Скальковскій въ горномъ вѣдомствѣ занималъ должности секретаря горнаго ученаго комитета, члена того же комитета, члена горнаго совѣта, вице-директора и директора горнаго департамента.

Въ министерствѣ финансовъ онъ состоялъ членомъ совѣта торговли и мануфактуръ и членомъ ученаго комитета министерства. Онъ былъ дѣлопроизводителемъ комиссіи гр. Баранова по изслѣдованію желѣзнодорожнаго дѣла и преподавалъ въ горномъ институтѣ политическую экономію и горную

статистику. Въ званіи секретаря горнаго ученаго комитета Скальковскій организовалъ горную статистику и собраніе свѣдѣній о несчастныхъ случаяхъ съ рабочими (первое въ Россіи). Ему принадлежитъ множество статей и изслѣдованій по горному дѣлу въ Россіи и за границей. Въ горномъ вѣдомствѣ, помимо многочисленныхъ командировокъ по Высочайшему повелѣнію, геологическихъ, техническихъ, для участія въ выставкахъ и по инспекціи заводовъ, Скальковскій принималъ участіе въ цѣломъ рядѣ комиссій не только своего вѣдомства, но и другихъ министерствъ, въ томъ числѣ въ всѣхъ совѣщаніяхъ по пересмотру таможеннаго тарифа.

Управляя горной частью, онъ провелъ весьма важные для горнаго дѣла законы: о разработкахъ на земляхъ казенныхъ, объ арендныхъ крестьянскихъ земляхъ, о правильномъ веденіи горныхъ работъ, о мѣстномъ горномъ управленіи, о нефтяномъ промыслѣ, о горномъ промыслѣ въ царствѣ Польскомъ, о добычѣ драгоценныхъ камней, о надзорѣ за безопасностью горныхъ рабочихъ, о наймѣ рабочихъ на горные заводы и промыслы и мн. др. Горное законодательство этими законами совершенно видоизмѣнилось, и горное дѣло развилось быстрѣе всѣхъ другихъ отраслей русской промышленности.

По министерству финансовъ Скальковскій былъ командированъ на открытіе Суэцкаго канала (написалъ книгу о будущности русской торговли при посредствѣ канала), въ Остъ-Индію, въ Китай, Японію, въ южные порты. По порученію Вышнеградскаго онъ составилъ проектъ закона о покровительствѣ русскаго торговаго флота.

Въ теченіе 10 лѣтъ Скальковскій былъ секретаремъ общества для содѣйствія русской промышленности и торговли, что дало ему возможность близкаго знакомства съ нуждами русской торговли.

Выйдя въ отставку, К. А. принялъ участіе во многихъ русскихъ и иностранныхъ предпріятіяхъ и акціонерныхъ обществахъ, былъ предсѣдателемъ торговой палаты въ Парижѣ и принималъ участіе въ различныхъ правительственныхъ комиссіяхъ. Въ 1904 г. избранъ гласнымъ петербургской думы; онъ состоялъ почетнымъ членомъ разныхъ обществъ.

Эти свѣдѣнія, какъ безусловно точныя, могутъ пригодиться составителю обстоятельной характеристики Константина Аполлоновича.

Скальковскій говорилъ, что у него въ юности была страсть къ бумагомаранію, унаслѣдованная отъ отца, который заклиналъ дѣтей не дѣлаться писателями. Въ дѣтствѣ Скальковскій издавалъ рукописный журналъ «Хаджибейскій Вѣстникъ» и даже сочинилъ либретто оперы «Донъ-Алонзо», которая шла два раза.

Скальковскій танцевалъ, по его словамъ, въ спектаклѣ въ дивертисментѣ. Можетъ быть, благодаря этому, онъ сдѣлался и балетоманомъ!

Впрочемъ, Константинъ Аполлоновичъ точно говорилъ, что всегда любилъ балетъ, но балетоманомъ сдѣлался съ 1880 г., влюбившись въ танцовщицу.

Константинъ Аполлоновичъ даже ѣздилъ, по Высочайшему повелѣнію, искать кладъ около Таганрога.

Родился Скальковскій, какъ выразился онъ, въ годъ созданія русскихъ кредитныхъ билетовъ и мормонскаго догмата о многоженствѣ.

Враговъ, по словамъ К. А., онъ имѣлъ всегда болѣе, чѣмъ необходимо для человѣка, который ко всѣмъ непріятностямъ прибавилъ катаръ желудка.

Окончательные выводы жизни Скальковскій сдѣгалъ все-таки пессимистическіе, прося «для потомства» написать ихъ на могилѣ. Я не имѣю права привести эту злую шутку Константина Аполлоновича.

Заключеніе, къ которому сводится автобіографія, слѣдующее:

«Сводя итогъ своей жизни, которой уже добрыхъ двѣ трети пройдены, я пришелъ къ убѣжденію, что нѣтъ ничего справедливѣе словъ Христа, что «у неимущаго отыметя и имущему дастся», а также къ убѣжденію, что умственная дѣятельность есть самая глупая, и нѣтъ несообразительнѣе родителей, которые развиваютъ мозги своихъ дѣтей спозаранку. Чтобы быть счастливымъ, надо въ дѣтствѣ поменьше учиться и болѣе посвящать себя гимнастикѣ, а въ жизни быть молчаливымъ, презирать женщинъ, имѣть независимыя средства и исправныя кишки. Надобно еще не удивляться никакой мерзости, ибо дѣйствительность даже хуже того, что можно себѣ представить».

Во всей его дѣятельности, на всѣхъ поприщахъ Скальковскій не мѣнялся, оставаясь вѣрнымъ своему характеру, соединяя серьезное дѣло съ юмористическимъ настроеніемъ. Разсуждая о самыхъ важныхъ предметахъ, онъ могъ «выпалить» шутку, остроту, что нисколько не мѣшало этой работѣ. Углубляясь въ бюрократическіе труды, онъ не разставался съ остальной жизнью, съ ея мелочами, потому что за-

коренѣлымъ чиновникомъ по своей натурѣ быть не могъ.

Высокая бюрократія находила Скальковскаго, ссылаясь на его дѣйствія и поведеніе, — едва ли не либераломъ! Онъ отзывался объ ея представителяхъ откровенно, безъ церемоніи, рѣзко и громко, не задумываясь о послѣдствіяхъ. А послѣдствія были: подъ Скальковскаго подкапывались постоянно.

Такимъ образомъ, одни возмущались его строго консервативными убѣжденіями, а другіе — его вольностью, которую они толковали по-своему.

Въ заграничныхъ газетахъ появились весьма обстоятельныя статьи, посвященныя памяти Константина Аполлоновича, особенно подробно говорилъ о немъ извѣстный журналистъ графъ С. А. Ржевускій въ «Figaro», скончавшійся въ прошломъ году.

Шлиссельбургскій узникъ.

Н. А. Морозовъ.

IX.

Ахъ! что изгнанье, заточенье!
Захочетъ—выручитъ судьба.

Н. Некрасовъ.

Десятки лѣтъ, до 17-го октября, до общества долетали изрѣдка слухи о тѣхъ заключенныхъ, которые томились въ Шлиссельбургской крѣпости. Иногда эти слухи проникали въ русскую нелегальную литературу и заграничную печать, достовѣрность которыхъ возбуждала, конечно, сомнѣнiя.

Говорили о шлиссельбургцахъ въ Петербургѣ шопотомъ, оглядываясь по сторонамъ, опасаясь быть услышанными.

Никто представить себѣ не могъ, что просидѣвшихъ въ казематахъ по двадцати пяти лѣтъ и болѣе ожидало освобожденiе, хотя никто не сомнѣвался въ томъ, что вошедшіе въ крѣпость молодые люди, а теперь старики, могли бы представить какую-нибудь опасность съ государственной точки зрѣнiя.

Объ освобожденiи шлиссельбургцевъ общество узнало неожиданно изъ газетъ; это извѣстiе особенно

разнервничало насъ, т.-е. современниковъ старыхъ заключенныхъ, давнымъ давно искупившихъ свою вину и пережившихъ тяжелые годы заключенія.

Съ однимъ изъ освобожденныхъ, а именно съ Николаемъ Александровичемъ Морозовымъ, я встрѣтился спустя нѣсколько дней, послѣ выхода его изъ крѣпости.

Нервы мои не выдержали, я прослезился при первой случайной встрѣчѣ съ нимъ у Е. Н. Роциной-Инсаровой, въ обществѣ актеровъ и литераторовъ. Его привелъ В. А. Анзимировъ.

Двадцать восемь лѣтъ одиночнаго заключенія пережилъ этотъ человѣкъ, причемъ двадцать слишкомъ лѣтъ провелъ въ Шлиссельбургской крѣпости.

Въ наше время онъ бы, вѣроятно, отдѣлался много-много годомъ крѣпости. Прежде и теперь — цѣлая пропасть между этими временами.

Николай Александровичъ, котораго я увидѣлъ — бодрый, живой, работающій, успѣвшій быстро освоиться съ новой жизнью, успѣвшій, такъ сказать, нагнать ее. А какъ недавно онъ еще началъ жить, какъ недавно отворились двери каземата, гдѣ проведены лучшіе, дорогіе годы молодости.

Но и эти годы не были потеряны Морозовымъ даромъ. Тамъ, въ этомъ шлиссельбургскомъ склепѣ, написаны имъ болѣе двадцати томовъ научныхъ изслѣдованій, которые готовились къ изданію. Помимо этого, Николай Александровичъ писалъ или вѣрнѣе сочинялъ стихи, такъ какъ за неимѣніемъ первое время бумаги въ крѣпости, многихъ вдохновеній своей музы не могъ записать.

— Что вы думаете дѣлать теперь?—спросилъ я Морозова.

— Теперь надо послужить наукѣ, надо поработать; приведу въ порядокъ свои труды, готовлю изданія.

— Воспоминаній полныхъ не пишете?

— А это ужъ послѣ, когда закончу научныя работы.

Смотрѣлъ я на моего собесѣдника и удивлялся бодрости его духа, силѣ воли, характера, спокойствію и милому, рѣдкому, незлобивому тону рѣчи. Въ этомъ тонѣ сквозить, на мой взглядъ, какое-то равнодушіе къ пережитому и именно незлобивость.

Выйдя изъ крѣпости, Николай Александровичъ нашелъ въ Петербургѣ въ живыхъ только трехъ знакомыхъ. Петербургъ, который онъ мечталъ увидѣть другимъ, показался ему тѣмъ же. Почти никакой переменны.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ освобожденія, Морозовъ ѣздилъ въ Шлиссельбургъ, котораго во время заключенія не видалъ. Онъ заглянулъ въ крѣпость. Здѣсь онъ нашелъ совсѣмъ другую картину, незнакомую его глазу.

Запустѣніе, заросшія дорожки, грязь. Прошелъ онъ къ тому окну своей комнаты, въ которое столько лѣтъ смотрѣлъ, и на крыльцѣ увидѣлъ, вмѣсто мелькавшихъ здѣсь прежде солдатъ, кромѣ которыхъ никто сюда не проникалъ,—играющихъ ребятишекъ.

Встрѣтилъ онъ одного стараго знакомаго солдата, который призналъ его и привѣтствовалъ, и затѣмъ зашелъ къ доктору, который еще не выѣхалъ, ожидая новаго назначенія.

Я упомянулъ объ окнѣ морозовской кельи, но и въ него онъ могъ смотрѣть только много лѣтъ спустя послѣ водворенія въ крѣпость. Сначала были матовыя стекла, и только благодаря настойчивости одного изъ докторовъ, замѣтившаго, что зрѣніе заключенныхъ слабѣетъ, матовыя стекла замѣнили обыкновенными.

Врачи, по словамъ Николая Александровича, проявляли къ заключеннымъ наибольшую гуманность и облегчали ихъ тяжелое житье.

Очковъ имѣть комендантъ сначала не разрѣшалъ, замѣтя, что самъ прожилъ 60 лѣтъ безъ очковъ и отлично видитъ.

Въ семь часовъ утра давали черный хлѣбъ, въ полдень обѣдъ, скверно приготовленный на салѣ.

— Бывало, глотаешь супъ, — говоритъ Н. А., — глотаешь потому, что сознаешь, что нужно питаться... Видишь, что еще много его осталось и думаешь: когда же, конецъ, ничего въ горшкѣ не останется!

При такомъ питаніи трудно бы было дожить до освобожденія, если бы не постоянные приемы за послѣдніе годы ревеня, беладонны и если бы врачи не предписывали давать заключеннымъ молоко и яйца.

Яйца также рѣдко были хорошими, а больше съ желтоватыми пятнышками. Прогулки больше всего поддерживали и укрѣпляли здоровье.

На мой вопросъ, кто изъ посѣщавшихъ крѣпость министровъ и начальства вообще, болѣе другихъ, хотя бы относительно, облегчалъ участь заключенныхъ, Николай Александровичъ сказалъ:

— Болѣе другихъ сдѣлалъ намъ Горемыкинъ.

Можетъ быть, время было другое, но только онъ кое-что сдѣлалъ. Участливо относился еще одинъ жандармскій офицеръ.

Первое время заключенные сидѣли въ казенной одеждѣ сѣраго сукна, съ черными рукавами и съ черными крестами на шапкѣ, позднѣе стали разрѣшать носить свою одежду.

О войнѣ съ Японіей Н. А. узналъ въ крѣпости первый. Ему разрѣшили получать спеціальные иностранные журналы по химіи и другимъ предметамъ. Въ одномъ англійскомъ журналѣ онъ прочелъ объявленіе, въ которомъ упоминалось о бинокляхъ, распространенныхъ среди военныхъ на театрѣ русско-японской войны. Морозовъ смекнулъ, въ чемъ дѣло, и сообщилъ это на прогулкѣ товарищу, а вскорѣ узнали и остальные.

Моментъ освобожденія насталъ неожиданно; во время прогулки всѣмъ объявили, что комендантъ зоветъ ихъ къ огородамъ. Это поразило многихъ, потому что на огородахъ тогда дѣлать было нечего.

Николай Александровичъ сказалъ товарищамъ: «Насъ освободить хотятъ», ему пришла эта мысль въ голову, но къ его предположенію отнеслись равнодушно.

Комендантъ объявилъ радостную вѣсть, и при этомъ добавилъ, что онъ просилъ, чтобы освобожденнымъ разрѣшили пробыть еще три дня въ крѣпости для того, чтобы собраться, уложиться.

Это особенной радости не вызвало...

Какая ужасная, страшная картина растетъ въ воображеніи, когда слушаешь воспоминаніе о пережитомъ въ Шлиссельбургской крѣпости, пережитомъ

такъ недавно! Не столѣтіе отдѣляетъ насъ отъ этой эпопеи, а всего нѣсколько лѣтъ! Сколько жизней не вынесло суроваго режима заключенія и погибло.

Можно ли оставаться спокойнымъ, когда видишь передъ собой человѣка, которому послѣ такихъ тяжелыхъ испытаній улыбнулась свобода.

И теперь Николай Александровичъ Морозовъ съ бодростью духа и съ энергіей принялся за службу наукъ, выпускаетъ книгу за книгой, сотрудничаетъ въ журналахъ, читаетъ на благотворительныхъ вечерахъ, забывъ о прошломъ.

Чѣмъ меня особенно привлекаетъ всегда Морозовъ, это своей чарующей скромностью, отсутствіемъ намековъ на желаніе рисоваться или выдѣляться.

Это тѣмъ болѣе цѣнно въ настоящее время, когда попадаютъ личности, отсидѣвшія годъ въ тюрьмѣ и умудряющіяся писать объ этомъ безконечные мемуары, повѣствовать о своихъ ужасныхъ лишеніяхъ въ заключеніи и пытающіяся окружить себя извѣстнымъ ореоломъ мученичества.

А рядомъ съ ними скромный, благородный Николай Александровичъ, который старается быть въ тѣни и искренно, добродушно увѣряетъ, что вовсе ужъ не такъ жилось плохо въ крѣпости, какъ думаютъ.

Н. А. Морозовъ всѣмъ интересовался, все хотѣлъ видѣть, простясь съ Шлиссельбургомъ, хотѣлъ со всѣми познакомиться.

Мы уговорились съ Николаемъ Александровичемъ отправиться въ театръ. Онъ заѣхалъ за мной въ условленный день, и мы направились въ Малый театръ. Давали «La dame aux camélias» съ Рощиной-Инсаровой.

— Кто это съ вами? Должно быть, провинціалъ?— спрашивали знакомые сосѣди, слышавшіе, какъ Морозовъ интересовался узнать имена исполнителей, откуда они и пр.

Въ антрактѣ мы пошли на сцену, и я познакомилъ актеровъ съ Николаемъ Александровичемъ, не говоря имъ пока, кто онъ такой.

Видъ его, его жизнерадостность, любознательность не могли вселить подозрѣнія, что этотъ чловѣкъ только нѣсколько дней, какъ увидѣлъ свѣтъ Божій, тотъ свѣтъ, который мы видимъ.

Мы зашли въ уборную Рошиной-Инсаровой, съ которой Николай Александровичъ бесѣдовалъ объ ея игрѣ, о пьесѣ.

Въ театрахъ онъ рѣдко бывалъ и до своего ареста, а потому этотъ міръ представлялъ для него много новизны.

Спустя года два Николай Александровичъ женился и продолжаетъ свои научно-литературные труды.

Изъ записной книжки.

Х.

М. Г. Савина говорила мнѣ, что, рѣшивъ ставить «Мѣсяцъ въ деревнѣ», она телеграфировала И. С. Тургеневу о своемъ намѣреніи и получила въ отвѣтъ письмо, въ которомъ онъ разрѣшалъ постановку, хотя выразилъ сомнѣніе въ успѣхѣ пьесы, предоставивъ ее въ распоряженіе Савиной и прося сдѣлать необходимыя сокращенія и измѣненія. Пьеса была прочитана артистами Савиной, Сазоновымъ и др. Они сообща кое-что сократили, и затѣмъ Иванъ Сергѣевичъ пріѣзжалъ самъ и согласился вполнѣ съ замѣчаніями артистовъ.

Высказанный Тургеневымъ взглядъ на сокращеніе своей пьесы подтверждается еще его собственнымъ письмомъ, написаннымъ имъ покойной московской артисткѣ Малаго театра Е. Н. Васильевой, матери Н. С. Васильевой, артистки Александринскаго театра. Это письмо Тургенева, собственно говоря, разрѣшеніе ставить пьесу въ Москвѣ, сохранилось у Н. С. Васильевой, къ которой я и обратился за разъясненіемъ. Привожу цѣликомъ этотъ документъ.

«Я, нижеподписавшійся, отдалъ Екатеринѣ Николаевнѣ Васильевой въ полное распоряженіе мою

пьесу «Мѣсяцъ въ деревнѣ» для постановки на сцену,—и при этомъ изъявляю мое согласіе на всѣ тѣ сокращенія, которыя окажутся необходимыми».

Иванъ Тургеневъ.

Москва.

17 марта 1871 г.

Пьеса шла въ бенефисъ Е. Н. Васильевой, которая играла роль Натальи Петровны. Роль Вѣрочки исполняла Н. С. Васильева, тогда подвизавшаяся въ Москвѣ. Я особенно подчеркиваю согласіе И. С. Тургенева предоставить актерамъ сокращеніе его драматическаго произведенія, страдавшаго длиннотами. Современные драматурги, за малымъ исключеніемъ, противятся сокращеніямъ принципіально, усматривая въ этомъ чуждую ли не личную обиду и посягательство на ихъ творчество. Даже въ томъ случаѣ, если актеры предлагаютъ сдѣлать сокращенія сообща съ авторомъ, часто возникаютъ пререканія. Не такъ, какъ видите, смотрѣлъ на это Тургеневъ.

Компетенцію актеровъ въ отношеніи сценичности пьесы признавалъ и Л. Н. Толстой. Выписываю послѣднія строки изъ письма Л. Н. Толстого къ Н. С. Васильевой по поводу постановки «Власти тьмы» въ Александринскомъ театрѣ.

Левъ Николаевичъ писалъ: «разрѣшаю дѣлать въ названной драмѣ вычерки, согласно требованіямъ цензуры и условіямъ сценической постановки».

Условія сценической постановки, разумѣется, ближе всего знать актерству и режиссерамъ. Поэтому въ литературно-театральномъ комитетѣ при

Императорскихъ театрахъ важно также и присутствіе режиссера и актеровъ.

Если Тургеневъ и Толстой довѣряли сокращеніе своихъ пьесъ опытности актеровъ, то современныхъ драматурговъ едва ли можетъ огорчать судъ актеровъ, лишь бы этотъ судъ былъ ограниченъ точно опредѣленными условіями и чинилъ приговоры рука объ руку съ литераторами.

* * *

Вспоминаю кое-какія мелочи о Некрасовѣ.

Въ Петербургѣ я бывалъ у Некрасова на Литейной, въ домѣ Краевского, гдѣ поэтъ жилъ до конца жизни. И теперь еще я вспоминаю объ этомъ, поглядывая на портретъ поэта, который онъ мнѣ подарилъ 30-го мая 1872 года, съ автографомъ: «Сашѣ Плещееву на память. Н. Некрасовъ». Жена поэта, Зинаида Николаевна, въ этотъ же день подарила также мнѣ свой портретъ. Они только что снимались у Бергамаско. Все это было такъ далеко, что смутно лишь припоминаешь два-три лица, съ которыми приходилось встрѣчаться у Некрасова въ то время. Сохранился въ памяти отлично самъ Николай Алексѣевичъ съ его сиплымъ голосомъ, особенно рѣзкимъ, когда поэтъ смѣялся. Около него находилась всегда на почетномъ мѣстѣ собака Кадо; въ комнатахъ показывались камердинеръ Некрасова Василій и красивый мужикъ въ бархатномъ пиджакѣ Никаноръ.

Обстановка квартиры была самой обыкновенной и довольно мрачной на видъ: на столахъ, особенно въ кабинетѣ Некрасова, замѣчался хаосъ, который

исчезалъ лишь съ отъѣздомъ поэта. Приходя къ Некрасову, не чувствовалось, что приходишь въ гости, напротивъ, чувствовалось какъ будто у себя дома. Простота была здѣсь самая привлекательная. Отецъ мой глубоко уважалъ Николая Алексѣевича и всюду, гдѣ только могъ, подчеркивалъ отношеніе Некрасова къ сотрудникамъ. Передо мной два письма поэта къ моему отцу, написанныя именно въ семидесятыхъ годахъ. Въ виду интимности этихъ писемъ я не хочу ихъ печатать. Изъ этихъ писемъ можно видѣть, насколько Некрасовъ хотѣлъ помочь отцу и хлопоталъ по одному денежному дѣлу. Одновременно съ этимъ Николай Алексѣевичъ дѣлаетъ приписку: «на случай неуспѣха могу вамъ предложить взять у меня жалованье впередъ за 2 мѣсяца». Времена были тогда для отца тяжелыя, и постоянной отзывчивости Некрасова отецъ не могъ забыть до самой смерти. Онъ возмущался, когда не знавшія Николая Алексѣевича лица характеризовали его совершенно въ иномъ свѣтѣ.

Сотрудники Некрасова, окружавшіе его, помнятъ, какой это былъ человѣкъ, а мнѣнія, создаваемыя по-наслышкѣ, конечно, ничего не стоятъ.

Смерть Некрасова не была неожиданной, — ее ждали съ минуты на минуту.

27-го декабря, и накануне даже, говорили въ городѣ, что часы жизни Некрасова сочтены, что конецъ наступаетъ уже. Отецъ засталъ послѣдній разъ Николая Алексѣевича въ такомъ состояніи, что онъ казался ему угасшимъ. Впечатлѣніе было тягостное.

28-го декабря, часовъ въ 11 утра, я пришелъ на

квартиру Некрасова. Поэтъ лежалъ въ сюртукѣ на катафалкѣ, а около толпилась публика. Лицо поэта было спокойное, восковое, руки исхудали, выглядѣли необыкновенно крошечными. Около тѣла Некрасова какой-то господинъ сказалъ небольшую рѣчь, обращаясь къ присутствовавшимъ. Я помню его слова: «Это не простой человекъ, это наша гордость, слава»... Мнѣ говорили, что это былъ г. Половцевъ, писавшій тогда фельетоны.

Комната (вторая отъ передней) наполнялась самымъ разнообразнымъ обществомъ; особенно замѣтно было присутствіе молодежи. Вечеромъ, незадолго передъ ожидавшимся вскрытіемъ тѣла, не только комнаты были переполнены, но на улицѣ постоянно толпился народъ. Груда вѣнковъ выросла около Некрасова.

Похороны Некрасова не были такъ грандіозны, какъ Достоевскаго и Тургенева. Толпа, провожавшая поэта, представлялась тысячи въ три, но въ Новодѣвичьемъ монастырѣ прахъ поэта встрѣтила масса народа. Вся интеллигенція, ученые, литераторы, артисты—все были налицо...

Онъ смолкъ... Его не слышать намъ...
 Но въ пѣсняхъ, полныхъ вдохновенья,
 Онъ юнымъ завѣщалъ пѣвцамъ
 Народу честное служенье.

* * *

Въ 1902 — 1903 гг. я встрѣтился въ Парижѣ съ Д. В. Григоровичемъ. Я не зналъ, что Григоровичъ тамъ, вышелъ пройти на Итальянскій бульваръ

послѣ обѣда и увидѣлъ Дмитрія Васильевича. Человѣкъ этотъ, несмотря на свою сѣдину, казалось помолодѣлъ, ожилъ въ Парижѣ. Онъ не тотъ, какимъ его всѣ знали у себя на берегахъ Невы, даже не тотъ, какимъ видѣлъ я его въ Вѣнѣ. Въ Вѣнѣ онъ восхищался красивой природой, мѣстоположеніемъ Вейдлингау-Хадерсдорфъ, гдѣ жилъ на дачѣ, въ Парижѣ я его встрѣтилъ въ какомъ-то возбужденномъ, восторженномъ состояніи. Онъ не давалъ пройти мимо хорошаго магазина, непременно останавливался у окна и восторгался.

— Какая работа, вкусъ, фантазія!—говорилъ Григоровичъ.—Ну, гдѣ у насъ что-нибудь подобное!

Rue de la Paix, куда мы скоро свернули, была залита огнями.

— Богатства, сокровища! — продолжалъ Дмитрій Васильевичъ, — нѣсколько русскихъ губерній можно купить за одну эту улицу. Посмотрите на эти жемчуга, и вѣдь покупатель есть!

Мы направились въ отель «Мирабо», гдѣ жилъ мой отецъ, котораго Григоровичъ хотѣлъ сейчасъ же видѣть. У отца мы застали, покойныхъ теперь, художника Чумакова, жившаго въ Парижѣ, актера Дьедоне и др. Григоровичъ рассказывалъ много о русскихъ художникахъ въ Парижѣ, причемъ два-три довольно злыхъ анекдота посвятилъ Боголюбову.

Парижъ рѣшительно очаровывалъ Григоровича, по крайней мѣрѣ тогда, когда онъ тамъ находился. И кормили тамъ, по его словамъ, во всѣхъ ресторанахъ и большихъ, и маленькихъ отлично, и удобства тамъ замѣчательныя, и дешевизна и т. д.

Парижъ утомителенъ и, можетъ быть, послѣ продолжительнаго въ немъ пребыванія Д. В. нѣсколько разочаровывался, но тамъ онъ жилъ, глаза его какъ-то особенно блестяли, всегда былъ оживленъ, веселъ. Это оптимистическое настроеніе у Григоровича въ Петербургѣ смѣнялось, если не совсѣмъ пессимистическимъ, то какимъ-то безотраднымъ, сѣренькимъ. Его многое тутъ не удовлетворяло, многое тревожило, обижало, но сѣрое свинцовое небо и сырость, пагубная для здоровья, не разлучали старика надолго съ родиной. Душа его была все-таки здѣсь, среди его уцѣлѣвшихъ друзей въ литературныхъ кружкахъ.

* * *

Не безынтересно припомнить разговоръ, свидѣтелемъ котораго я былъ, между Дмитріемъ Васильевичемъ и молодымъ драматургомъ и журналистомъ, написавшимъ рассказъ. Журналистъ этотъ И. П. Зазулинъ. Мы ѣхали на пароходѣ на острова.

— Дмитрій Васильевичъ, написалъ я рассказъ...—
объявилъ Зазулинъ.

— Да, вы мнѣ говорили, что же, долго работали?

— Три вечера.

— Набросали только?

— Нѣтъ, готово, закончилъ.

— Въ три вечера? Закончилъ?

— Печатный листъ.

— Хорошо, но вѣдь только переписать его и то отниметъ день.

— Я прямо начисто.

— Вотъ видите, молодые люди, какъ вы пишете!

развѣ такъ можно. Мы такъ не умѣемъ и никогда не писали. Бывало, напишешь и все передѣлаешь, опять переписешь, снова работаешь, читаешь пріятелямъ... Опять переписешь, да на поляхъ снова помарки дѣлаешь, а у васъ разъ, два и готово! такъ нельзя.

Зазулинъ былъ очень сконфуженъ.

Григоровичъ былъ жестокъ на характеристики лицъ, которыя ему почему-либо несимпатичны, противны.

Про одного художника онъ однажды выразился такъ: «этотъ господинъ мнѣ напоминаетъ лягушку, раздавленную каретой, .. въ которой везли холернаго больного».

При чемъ тутъ «холерный больной» — не знаю, но вѣроятно, чтобы усилить выраженіе, сгустить краски.

* * *

Л. Н. Толстой, пріѣхавъ на короткое время въ Петербургъ, посѣтилъ, между прочимъ, Д. В. Григоровича. Это былъ едва ли не послѣдній пріѣздъ Толстого въ столицу.

Дмитрій Васильевичъ передавалъ мнѣ, что въ то время, когда у него сидѣлъ графъ Толстой, швейцаръ, находившійся у дверей на улицѣ, былъ атакованъ какими-то личностями, требовавшими сказать, у кого въ гостяхъ графъ и пришелъ онъ или пріѣхалъ и въ какомъ костюмѣ? Это были, по словамъ Григоровича, полицейскіе агенты, слѣдившіе за Толстымъ.

* * *

25 декабря 1900 года, въ семь съ половиной часовъ утра, въ первый день Рождества, умеръ Михаилъ Павловичъ Федоровъ. Въ Петербургѣ достаточно Федоровыхъ, но покойный былъ настолько популярнымъ лицомъ, что его большинство называло «Михаилъ Павлычъ». У меня нѣтъ точныхъ біографическихъ данныхъ о Федоровѣ, но мы много лѣтъ съ нимъ были друзьями, когда-то жили вмѣстѣ въ Новой деревнѣ на дачѣ съ театраломъ Н. М. Безобразовымъ. Біографическія данныя о современныхъ русскихъ писателяхъ и журналистахъ найти бываетъ не легко, частью потому, что этимъ никто не занимается, частью потому, что иные энциклопедическіе словари, упоминая о какомъ-нибудь ничтожномъ нѣмцѣ, забываютъ отмѣтить русскихъ представителей печати.

Федоровъ мнѣ говорилъ, что однажды онъ написалъ свою автобіографію, которая вошла въ сборникъ, поднесенный сотрудниками издателю «Новаго Времени» А. С. Суворину по случаю какого-то торжества. Еще на школьной скамьѣ, Михаилъ Павловичъ писалъ водевили. Кулисы были всегда излюбленнымъ мѣстомъ для Федорова, котораго не только знали всѣ артисты, но множество ихъ было съ нимъ на ты. Театръ для Федорова составлялъ главный интересъ въ жизни, онъ писалъ пьесы, велъ театральную хронику, писалъ статьи по спеціальнымъ театральнымъ вопросамъ, рецензіи о спектакляхъ и пр. Онъ былъ театралъ въ душѣ, понималъ театральное дѣло и помнилъ отлично театральную старину.

Роль Михаила Павловича въ «Новомъ Времени»

была совсѣмъ не такая, какой ее рисовали многіе. Онъ завѣдывалъ общественной хроникой, одно время читалъ газету по вечерамъ и работалъ много. Онъ зналъ техническую сторону газетнаго дѣла отлично, а опытность подсказывала ему, что интересно, что лишнее и пр.

Благодаря невѣроятной популярности Михаила Павловича въ городѣ и его громаднѣйшему знакомству, къ нему непрерывно являлись антрепренеры, актеры даже наѣздницы изъ цирка и др. съ просьбами заявить о дебютахъ, о бенефисахъ, о гастроляхъ въ провинціи, о снятіи театра, о приѣздѣ новой пѣвицы и т. д. Просьбы исполнялись съ охотой и даже съ удовольствіемъ. Гдѣ бы ни устраивались спектакли, Федоровъ считалъ долгомъ заглянуть, не зная ни разстояній, ни высокихъ лѣстницъ, по которымъ поднимался съ трудомъ.

Изъ числа журнальной братіи болѣе зрѣлаго возраста мало кому не приходилось работать съ Федоровымъ, и всѣ сохранили съ нимъ до смерти добрыя товарищескія отношенія.

Скончался Михаилъ Павловичъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: его пригласилъ на обѣдъ г. Зестъ, къ которому онъ, несмотря на совѣты знакомыхъ, знавшихъ состояніе его здоровья, все-таки отправился. Онъ быстро, задыхаясь, поднялся въ четвертый этажъ. Обѣдъ еще не начинался, но подъемъ по лѣстницѣ, очевидно, былъ причиною того, что Михаилу Павловичу сдѣлалось дурно, и онъ упалъ. Докторъ, г. Трубачевъ, бывшій тутъ же среди гостей, послалъ за каретой скорой помощи, которую прислали не очень-то скоро. Федорова увезли и внесли на носилкахъ домой.

Онъ не приходилъ въ себя, половина тѣла была парализована. Родныхъ у Михаила Павловича не было, онъ скончался окруженный друзьями.

Федоровъ что зарабатывалъ, то и проживалъ, а потому ровно ничего не оставилъ послѣ себя, кромѣ нѣсколькихъ книжекъ, скромнѣйшей квартирной обстановки и доброй памяти среди знавшихъ его. М. П. Федоровъ послѣднее время жизни не могъ заниматься въ редакціи, потому что врачи запрещали, тѣмъ не менѣе онъ ѣздилъ туда ежедневно, какъ на службу. Ему дорого было любимое дѣло, воздухъ редакціи былъ нуженъ. Федоровъ, какъ фельдфебель въ полку, окончившій службу, продолжалъ ее и желалъ продолжать до смерти.

* * *

Въ 1891-мъ году я жилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Баденъ-Баденѣ.

Къ числу интересныхъ достопримѣчательностей Баденъ-Бадена нужно отнести, конечно, виллу И. С. Тургенева. Fremersbergstrasse упирается въ чудную Лихтенталевскую аллею, отъ которой тянется, извинаясь направо, по довольно отлогой горѣ. По лѣвой сторонѣ этой улицы, почти въ началѣ ея, расположенъ длинный рядъ виллъ. Пройдя не болѣе пяти минутъ, я остановился у небольшого двухъэтажнаго домика, архитектура котораго обращала на себя вниманіе: это скорѣй маленькій манежъ, нежели зданіе, выстроенное для жилья.

Тутъ помѣщался знаменитый въ свое время домашній театръ Віардо; нынѣ скромный на видъ храмъ искусства, собиравшій когда-то блестящее об-

щество, во главѣ съ высокопоставленными особами, обращенъ въ квартиры. Владѣнія пѣвицы не ограничивались, какъ извѣстно, театромъ, и черезъ нѣсколько саженой высится ея бывшая вилла, гдѣ теперь отдаются меблированныя комнаты. Сѣроватый домъ выглядит невзрачнымъ, полинялымъ... Въ окнахъ кое-гдѣ виднѣтся мужское бѣлье и платье, выставленное послѣ чистки. Картина самая буржуазная. Далѣе старожилы указываютъ на флигель, гдѣ помѣщались конюшни знаменитой пѣвицы.

Миновавъ еще домъ, на значительной высотѣ, около желѣзныхъ воротъ виднѣтся мраморная бѣлая доска, съ выбитою надписью: «Willa Turgeniew».

Бисмарка и его жены, тогдашнихъ владѣльцевъ виллы, не было въ Баденъ-Баденѣ, но, пользуясь ихъ любезнымъ разрѣшеніемъ, я направился въ подѣздъ. Камердинеръ, очевидно, уже не въ первый разъ показывалъ виллу русскимъ путешественникамъ, потому что сразу догадался о цѣли моего визита и, растворивъ двери, указалъ гостиную Тургенева, выходящую на прекрасную веранду, окутанную вьющимися растеніями. Собственно говоря, тургеневскія здѣсь остались только стѣны, а вся обстановка, или большая часть ея, сдѣлана послѣдующими владѣльцами. Виλλα Тургенева досталась сначала г. Ахенбаху, если не ошибаюсь, банкиру, а впослѣдствіи, чуть ли не по наслѣдству, перешла къ Бисмарку, племяннику знаменитаго желѣзнаго канцлера, Бисмарка. Передъ верандой большой тѣнистый паркъ съ крошечнымъ озеромъ, а вдали раскрывается видъ на горы. Съ боковой стороны дома паркъ расширенъ, какъ утверждалъ провожатый,

послѣ Тургенева. Вилла Ивана Сергѣевича по своему красивому мѣстоположенію, выдается въ Баденъ-Баденѣ.

Изъ гостиной черезъ довольно темную переднюю мы спустились внизъ, въ совершенно изолированный кабинетъ Тургенева. Тутъ, какъ на особенную достопримѣчательность, камердинеръ, не безъ важности, указалъ мнѣ на тургеневскій письменный столъ; ничего напоминающаго о покойномъ писателѣ на столѣ, конечно, не осталось. Увѣряютъ, что и прежній, и нынѣшній владѣльцы виллы сохранили тургеневскій кабинетъ въ неприкосновенности, т.-е. въ томъ видѣ, въ какомъ онъ имъ достался. Надо предположить, разумѣется, что при продажѣ виллы, тургеневскій кабинетъ подвергся разгрому; уцѣлѣлъ столъ, полки для книгъ, да еще кой-какая мебель. На полкахъ теперь разставлены нѣмецкія книги, а противъ бюро Ивана Сергѣевича я замѣтилъ большой фотографическій портретъ Бисмарка съ собственноручною его надписью.

Очень мало сохранилось здѣсь такого, что напоминало бы о пребываніи Тургенева: мраморная доска, стѣны, бюро и еще кой-какая мебель въ кабинетѣ. Бисмаркъ, изъ уваженія къ памяти великаго русскаго писателя, утвердилъ, такъ сказать, за виллою ея прежнее названіе, и за то ему надо быть благодарнымъ. Каждому русскому, интересующемуся видѣть дачу Тургенева, онъ охотно предоставлялъ это удовольствие во всякое время.

У насъ, слѣдуетъ сознаться, не особенно дорожатъ подобными памятниками, какъ тургеневская вилла, и, помнится мнѣ, И. О. Горбуновъ въ своихъ

воспоминаніяхъ отмѣтилъ, что въ домѣ, гдѣ когда-то жилъ въ Москвѣ Островскій, онъ, къ удивленію, нашелъ кабакъ.

Тургеневъ за границую пользовался огромною популярностью, и теперь вы во многихъ домахъ и въ окнѣ каждой книжной лавки встрѣтите его сочиненія. Больно, конечно, что, несмотря на эту популярность и заслуги Тургенева, заграничные интимные друзья писателя отнеслись къ его памяти небрежно. Вмѣсто того, чтобы сохранить окружавшую его обстановку,—все распродали.

Пребываніе Тургенева въ Баденъ-Баденѣ должно занять въ біографіи писателя интересныя страницы: здѣсь онъ подготовлялъ матеріалы для «Дыма», здѣсь онъ писалъ небольшія пьески и слова для музыки, которыя пѣла Віардо.

Иванъ Сергѣевичъ, какъ онъ рассказывалъ, самъ участвовалъ въ любительскомъ спектаклѣ, выступивъ въ пьескѣ «Людоѣдъ».

Заговоривъ о равнодушіи къ памяти знаменитыхъ писателей, приведу одинъ характерный курьезъ.

Парижанинъ, чистѣйшій буржуа, нажившій большое состояніе, пригласилъ меня въ Парижѣ обѣдать. Супруга его, утопавшая въ роскоши, показывала мнѣ квартиру и любезно, по собственному побужденію, сообщала цѣны нѣкоторыхъ предметовъ.

— Вѣдь вы, кажется, живете недалеко отъ дома Виктора Гюго?—спросилъ я у нея.—Мнѣ хочется посмотреть этотъ домъ.

— Сознаюсь вамъ откровенно,—отвѣчала она,—что тамъ вы обстановки подобной нашей не увидите!